ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2078-7898
ISSN online 2686-7532
Научный рецензируемый журнал
Выходит 4 раза в год

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2022
Выпуск 4

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается Пермским государственным национальным исследовательским университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

5.7.1 Онтология и теория познания
5.7.2 История философии
5.7.7 Социальная и политическая философия
5.7.8 Философская антропология, философия культуры
5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
5.4.1 Теория, методология и история социологии
5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66481 от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» осуществляется онлайн на сайте «Пресса России. Объединенный каталог» https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e41011/ Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: http://www.philsoc.psu.ru/vestnik

© ПГНИУ, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ
Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),
Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь),
Лариса Павловна Киященко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва),
Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),
Лева Асканазович Мусаелян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет Пермь),
Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН,Москва),
Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург),
Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ
Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва),
Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),
Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),
Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),
Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),
Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров),
Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань),
Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ
Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),
Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),
Евгения Анатольевна Когай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск),
Наталья Александровна Лебедева-Несевря (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь),
Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург),
Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Дмитрий Иванович Широканов (докт. филос. наук, профессор, акад. НАН Беларуси, Минск, Беларусь),
Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта–Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США),
Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия),
Джорджио Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Мадрид, Испания),
Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США),
Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США),
Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

PERM UNIVERSITY HERALD

ISSN 2078-7898
ISSN online 2686-7532
Scientific peer-reviewed journal
Published 4 times a year

PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. SOCIOLOGY

2022
Issue 4

Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Perm State University»

The scientific journal has been published by the Perm State University since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

The periodical is included in the List of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation in the following scientific specialties, for which the articles are received:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge
5.7.2 History of philosophy
5.7.7 Social and Political philosophy
5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture
5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
5.4.4 Social structure, social institutions and processes
5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate ПИ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology» is available online at: «The Press of Russia. The United Catalogue» https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e41011/
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board
Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: http://www.philsoc.psu.ru/vestnik

© Perm State University, 2022

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief
Alexander Yu. Vnutskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief
Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY
Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),
Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),
Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),
Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),
Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),
Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY
Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),
Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),
Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm),
Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),
Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),
Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),
Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),
Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY
Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University , Saint Petersburg),
Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),
Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),
Natalya A. Lebedeva-Nesevrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),
Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),
Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),
Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),
Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),
Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),
Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),
Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),
Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

«ПРОБЛЕМЫ ПСИХОСЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ» (Тематический выпуск)

«PROBLEMS OF PSYCHOSEMANTICS IN MODERN PSYCHOLOGY» (Special issue)

Проблемы психосемантики в современной психологии (введение к тематическому выпуску) 515
Кожевникова О.В. *(приглашенный редактор)*

Problems of psychosemantics in modern psychology (introduction to the special issue)
Oksana V. Kozhevnikova *(guest editor)*

Путь в психологию: о становлении экспериментальной психосемантики 520
Петренко В.Ф.

The way to psychology: on the development of experimental psychosemantics
Viktor F. Petrenko

Психосемантический подход к исследованию мотивационной структуры коллективного субъекта в условиях пандемии COVID-19 531
Митина О.В., Бачкала А.П., Морозова О.В.

The study of the motivational structure of the collective subject under the conditions of the COVID-19 pandemic: a psychosemantic approach
Olga V. Mitina, Anna P. Bachkala, Olga V. Morozova

Соотношение субъективных характеристик и объективных критериев личностной зрелости студентов 543
Кожевникова О.В.

Complience of subjective characteristics and objective criteria of personal maturity of university students
Oksana V. Kozhevnikova

Психосемантический анализ имплицитной концепции одаренной личности у студенческой молодежи 554
Ситников В.Л., Слотина Т.В., Комарова А.В., Карагачева М.В., Кедич С.И., Киселева Н.С.

Psychosemantical analysis of gifted personality in student youth
Valery L. Sitnikov, Tatyana V. Slotina, Aleksandra V. Komarova, Mariya V. Karagacheva, Svetlana I. Kedich, Nataliya S. Kiseleva

Психосемантическое исследование содержания представлений и отношений школьников и студентов города Пермь и Пермского края 566
Афанасьев В.Г., Соломин И.Л.

A psychosemantical study of the representations and attitudes of schoolchildren and students of the Perm sity and the Perm territory
Vadim G. Afanasiev, Igor L. Solomin

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Радикализация проблемы эпистемологического релятивизма (аргумент «за») 579
Филатова М.И.

Radicalization of the problem of epistemological relativism (argument «for»)
Maria I. Philatova

Кризис субъектности в современном обществе 590
Казанцева В.А.

The crisis of agency in modern society
Vera A. Kazantseva

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Каузальный след в индивидуально-интеллектуальных интеграциях. Сообщение 2. Каузальные цепи и лонгитюдные медиаторные модели
Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю.
597
A causal footprint in individual-intellectual integrations. Part 2. Causal chains and longitudinal mediator models
Leonid Ya. Dorfman, Alexey Yu. Kalugin

Дефициты родительской компетентности в вопросах воспитания и цифровой социализации как точки роста психологического благополучия детей и их родителей
Вихман А.А., Калугин А.Ю., Ротманова Н.В., Скорынин А.А.
609
Deficiencies of parental competence in issues of parenting and digital socialization as growth points in the psychological well-being of children and their parents
Aleksander A. Vikhman, Alexey Yu. Kalugin, Natalia V. Rotmanova, Andrey A. Skorynin

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Иностранный профессорско-преподавательский состав в контексте интернационализации Университета Ганы
Чайбок-Тверефу И., Дзядык Ю.И.
621
International faculty in the context of internationalization of the University of Ghana
Ildiko Csajbok-Twerefou, Yuriy. I. Dzyadyk

Проблемы развития некоммерческого сектора социальных услуг детям с расстройствами аутистического спектра
Старшинова А.В., Бородкина О.И., Чикова Е.В.
631
Problems of development of the non-profit sector of social services for children with autism spectrum disorders
Alevtina V. Starshinova, Olga I. Borodkina, Evgeniya V. Chikova

Наши рецензенты
643
Our reviewers

Информация для авторов
645
Guidelines for English-speaking authors

ПСИХОЛОГИЯ

«ПРОБЛЕМЫ ПСИХОСЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ» (Тематический выпуск)

УДК 159.9.072

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-515-519

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОСЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ (ВВЕДЕНИЕ К ТЕМАТИЧЕСКОМУ ВЫПУСКУ)

Кожевникова Оксана Вячеславовна *(приглашенный редактор)*

Удмуртский государственный университет (Ижевск)

Статья служит введением к проблематике, обсуждаемой в тематическом выпуске. Анализируется современное состояние психосемантики как междисциплинарного подхода к исследованию сознания и личности, позволяющего изучать различные формы существования значений, картину мира, субъективные смыслы, скрытые и явные интенции, установки, представления субъекта. Описывается история ее становления, связанная с внедрением в научную практику метода семантического дифференциала, разработанного в середине прошлого века американским психологом Ч. Осгудом, и его модификаций, предложенных отечественными исследователями. Рассматривается многообразие вариантов осуществления российскими учеными исследований в рамках психосемантического подхода.
Ключевые слова: сознание, значение, психосемантический подход, экспериментальная психосемантика, психология субъективной семантики, семантический дифференциал.

PROBLEMS OF PSYCHOSEMANTICS IN MODERN PSYCHOLOGY (INTRODUCTION TO THE SPECIAL ISSUE)

Oksana V. Kozhevnikova *(guest editor)*

Udmurt State University (Izhevsk)

The article serves as an introduction to the issues discussed in tthe special issue. The current state of psychosemantics as an interdisciplinary research approach to the exploration of consciousness and personality which allows to study various forms of the existence of meanings, a picture of the world, subjective meanings, implicit and explicit intentions, attitudes, representations is analyzed. The history of its development associated with implementing into scientific practices the semantic differential method constructed in the middle of the last century by the American psychologist C. Osgood and its modifications proposed by Russian researchers are examined. A variety of options for the implementation of research by modern Russian scholars within the framework of the psychosemantic approach are described.
Keywords: consciousness, meaning, psychosemantic approach, experimental psychosemantics, psychology of subjective semantics, semantic differential.

Статью о современной психосемантике можно начать с тех же слов, которые будут описывать современную психологию в целом: это отрасль научного знания с одновременно очень короткой и очень длинной историей. С одной стороны, в основу психосемантической парадигмы, разрабатываемой с конца 1960-х – начала 1970-х гг. последователями школы Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурии в Московском государственном университете (МГУ), положены идеи двух американских психологов середины XX в. — Ч. Осгуда и Дж. Келли. С другой стороны, психосемантика уходит своими корнями в философские учения о сознании, истоки которых прослеживаются вплоть до эпохи Античности. В самом названии «психосемантика» отражается ее непосредственная связь

© Кожевникова О.В., 2022

с психологией, тем не менее это междисциплинарный подход к реконструкции индивидуальной системы значений, который находит точки пересечения с философией, культурологией, языкознанием, социологией, политологией, психиатрией, информатикой и даже квантовой физикой. У англоязычного читателя, погруженного в проблематику когнитивных исследований, термин «психосемантика» ассоциируется, прежде всего, с одноименным изданием Дж.А. Фодора «Психосемантика. Проблема значения в философии сознания» [Fodor J.A., 1987], в котором автор анализирует, как базовые психологические теории соотносятся с проблемами, имеющими центральное значение для семантики и философии языка. В российской науке имеется целый пласт исследований со сходной методологией, направленных на изучение субъективной картины мира, смысловой организации человеческого сознания, различных форм существования значений в индивидуальном и коллективном сознании. Основоположниками отечественной психосемантики принято считать Е.Ю. Артемьеву [Артемьева Е.Ю., 1980], В.Ф. Петренко [Петренко В.Ф., 1983] и А.Г. Шмелева [Шмелев А.Г., 1983], которые опубликовали свои первые монографии по данной проблематике в начале 1980-х годов. Авторами использовались различные категории для обозначения предметной области их исследований: «психология субъективной семантики» у Е.Ю. Артемьевой и «экспериментальная психосемантика» у В.Ф. Петренко и А.Г. Шмелева, что было обусловлено разными методологическими подходами к построению модели субъективного мира человека и интерпретации результатов экспериментальных исследований. Но, как отмечает В.П. Серкин, сегодня термин «психосемантика» стал основным и используется в широком смысле для обозначения совокупности «методологических подходов, моделей, методов, методик и результатов исследований психологического содержания (индивидуальных и групповых) значений и систем значений» [Серкин В.П., 2022, с. 11–12].

Отправной точкой в освоении психосемантического подхода для многих авторов становится метод семантического дифференциала, предложенный Ч. Осгудом. В архиве библиотеки Иллинойского университета в списке публикаций автора упоминаются две статьи, посвященные использованию данного метода в исследовательской практике, датированные 1949 и 1950 гг., однако первая широко известная публикация выходит двумя годами позднее. В статье «Сущность и измерение значения» Ч. Осгуд рассматривает теоретические предпосылки и логику разработанной им исследовательской процедуры, а также принципы обработки и интерпретации полученных с ее помощью результатов [Osgood C.E., 1952]. Отмечается, что новый метод, являясь комбинацией ассоциативного эксперимента и процедур шкалирования, предназначен для непрямого (индирективного) изучения значения во множестве его измерений. Истоки семантического дифференциала лежат в области исследования феномена синестезии как кроссмодального перекодирования переживаний из одной чувственной формы в другую [Karwoski T.F. et al., 1942]. Сам метод построен на основе шкалирования разного рода понятий и стимулов различной модальности (зрительных, слуховых, тактильных) с помощью шкал-антонимов естественного языка. В результате многочисленных исследований Ч. Осгуд выделяет три базисных фактора, названных факторами «Оценки», «Силы» и «Активности». Как отмечает В.Ф. Петренко, по содержанию эти факторы очень близки основным категориям «трехкомпонентной теории эмоций» В. Вундта, полагавшего, что все богатство эмоциональной жизни человека можно описать на языке трех категорий: «Действительно, что общего между понятиями “мать”, “стул”, “президент Стивенсон”? Только сходство или несходство эмоционального тона, вызываемого этими объектами (фактор Оценки), силой переживания (фактор Силы) и его длительностью (фактор Активности)» [Петренко В.Ф., 2009, с. 179]. Спустя еще пять лет выходит в свет монография «Измерение значения», написанная Ч. Осгудом в соавторстве с двумя коллегами, в которой обобщается опыт применения семантического дифференциала в различных исследованиях, осуществленных авторами работы. Анализируя специфику сконструированной им процедуры, Ч. Осгуд указывает, что метод семантического дифференциала объективен, надежен, валиден, чувствителен, практичен и может применяться в кросскультурных исследованиях [Osgood C.E. et al., 1957]. Основными преимуществами метода считаются возможность сопоставления полученных результатов разных замеров, снятие речевых штампов заданными экспериментатором шкалами, а также использование в качестве стимула для оценивания практически любого объекта. Помимо классического широкопрофильного (коннотативного) семантического дифференциала, исследователям доступно потенциально неограниченное количество вариаций и модификаций данной техники — так называемые специализированные (частные/денотативные) семантические дифференциалы, создаваемые для оценки стимулов определенной предметной области специфическими группа-

ми испытуемых [Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А., 2016].

Отечественные ученые, опираясь на идеи Ч. Осгуда, вносят существенные изменения в разработанную им экспериментальную модель измерения прагматического значения. Так, в ранних исследованиях В.Ф. Петренко применяет классический биполярный семантический дифференциал, основанный на наборе антонимичных шкал, а позднее переходит к использованию однополярных шкал оценивания объектов [Петренко В.Ф., 2010]. В последнем случае набор шкал конструируется в процессе проведения исследования благодаря процедуре, основанной на методологии Дж. Келли, изучавшего «имплицитные теории личности» с помощью так называемых «репертуарных решеток», позволяющих отразить изменения в картине мира субъекта [Когнитивный подход, 2008, с. 443]. Более подробно история развития экспериментальной психосемантики описана в следующей статье текущего раздела самим основоположником данного направления (см. [Петренко В.Ф., 2022]). В итоге становится возможным конструирование методик, предназначенных для проведения исследований по широчайшему диапазону тем: от особенностей мотивации лиц, оказавшихся в ситуации пандемической угрозы (см. [Митина О.В., 2022]), до представлений субъекта о собственной личностной зрелости (см. [Кожевникова О.В., 2022]). Е.Ю. Артемьева на основе семантического дифференциала разрабатывает метод семантических универсалий [Серкин В.П., 2000], который впоследствии адаптируется одним из ее учеников В.П. Серкиным для изучения представлений субъекта об образе жизни и образе мира [Серкин В.П., 2005]. И.Л. Соломин, комбинируя метод семантического дифференциала с методом репертуарных решеток Дж. Келли и цветовым тестом отношений А.М. Эткинда, создает методику психосемантической диагностики мотивации [Соломин И.Л., 2001], результаты использования одной из модификаций которой представлены в данном выпуске (см. [Афанасьев В.Г., Соломин И.Л., 2022]).

Важно отметить, что исследования в области психосемантики (в широком смысле этого слова) осуществляются с применением и иных методов, отличных от семантического дифференциала и его производных. Учеными используются методы классификации и субъективного шкалирования, ассоциативный эксперимент, контент-анализ и др. Так, В.И. Кабрин, развивая идеи когнитивной ноэтики и коммуникативной психосемантики [Кабрин В.И., 2022], делает акцент на использовании методов контент-анализа для разработки процедур категоризации психосемантических уровней когнитивного развития [Краснорядцева О.М. и др., 2022]. С.И. Дьяков предлагает методику семантического моделирования личности, созданную с опорой на теорию личностных конструктов Дж. Келли [Дьяков С.И., 2017]. Исследования В.И. Ситникова основываются на предложенной им концепции иерархической структуры образа человека в сознании индивида и группы и осуществляются с применением разработанной автором методики СОЧ(И) — Структура образа человека (иерархическая) [Ситников В.И., 2001], а также методов ассоциативного эксперимента и контент-анализа (см. [Ситников В.Л. и др, 2022]).

Таким образом, современная психосемантика — это динамично развивающийся междисциплинарный подход к исследованию сознания и личности, позволяющий изучать различные формы существования значений, картину мира, субъективные смыслы, скрытые и явные интенции, установки, представления и т.п. В данном выпуске представлены первые пять публикаций, объединенные психосемантической проблематикой. Планируется, что в 2023 г. выйдет еще один тематический выпуск, посвященный психосемантике.

Список литературы

Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 128 с.

Афанасьев В.Г., Соломин И.Л. Психосемантическое исследование содержания представлений и отношений школьников и студентов города Пермь и Пермского края // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 566–578. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-566-578

Дьяков С.И. Психосемантический подход в методологии исследования самоорганизации человека как субъекта жизни // Мир психологии. 2017. № 4. С. 148–157.

Кабрин В.И. Коммуникативная психосемантика когнитивно-ноэтического развития личности // Сибирский психологический журнал. 2022. № 85. С. 51–71. DOI: https://doi.org/10.17223/17267080/85/3

Когнитивный подход: науч. монография / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 464 с.

Кожевникова О.В. Соотношение субъективных характеристик и объективных критериев личностной зрелости студентов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 543–553. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-543-553

Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала: учеб.-метод. пособие. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2016. 120 с.

Краснорядцева О.М., Кабрин В.И., Щеглова Э.А., Иванова А.И. Психосемантическая типология позиционных стратегий студентов в структурно-динамическом пространстве образовательной ситуации // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19, № 1. С. 49–63. DOI: https://doi.org/10.21702/rpj.2022.1.4

Митина О.В., Бачкала А.П., Морозова О.В. Психосемантический подход к исследованию мотивационной структуры коллективного субъекта в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 531–542. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-531-542

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 177 с.

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009. 440 с.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Эксмо, 2010. 480 с.

Петренко В.Ф. Путь в психологию: о становлении экспериментальной психосемантики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 520–530. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-520-530

Серкин В.П. О возможностях метода семантических универсалий Е.Ю. Артемьевой // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2000. № 4. С. 74–79.

Серкин В.П. Образ мира и образ жизни. Магадан: Изд-во Сев. междунар. ун-та, 2005. 331 с.

Серкин В.П. Психосемантика: учеб. и практ. для вузов. М.: Юрайт, 2022. 318 с.

Ситников В.Л. Психология образа ребенка (в сознании субъектов педагогического процесса): дис. … д-ра психол. наук. СПб., 2001. 597 с.

Ситников В.Л, Слотина Т.В., Комарова А.В., Карагачева М.В., Кедич С.И., Киселева Н.С. Психосемантика образа одаренной личности у студенческой молодежи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 554–565. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-554-565

Соломин И.Л. Психосемантическая диагностика скрытой мотивации: метод. руководство. СПб.: ИМАТОН, 2001. 112 с.

Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 158 с.

Fodor J.A. Psychosemantics: The problem of meaning in the philosophy of mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. 173 p. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/5684.001.0001

Karwoski T.F., Odbert H.S., Osgood C.E. Studies in synesthetic thinking: II. The role of form in visual responses to music // Journal of General Psychology. 1942. Vol. 26, iss. 2. P. 199–222. DOI: https://doi.org/10.1080/00221309.1942.10545166

Osgood C.E. The nature and measurement of meaning // Psychological Bulletin. 1952. Vol. 49, iss. 3. P. 197–237. DOI: https://doi.org/10.1037/h0055737

Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1957. 342 p.

Получена: 01.10.2022. Принята к публикации: 21.10.2022

References

Afanas'yev, V.G. and Solomin, I.L. (2022). [A psychosemantical study of the representations and attitudes of schoolchildren and students of the Perm sity and the Perm territory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 566–578. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-566-578

Artem'eva, E.Yu. (1980). *Psikhologiya sub'ektivnoy semantiki* [Psychology of subjective semantics]. Moscow: MSU Publ., 128 p.

D'yakov, S.I. (2017). [Psychosemantic approach in the methodology of studying the self-organization of a person as a subject of life]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology]. No. 4, pp. 148–157.

Fodor, J.A. (1987). *Psychosemantics: The problem of meaning in the philosophy of mind*. Cambridge, MA: MIT Press, 173 p. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/5684.001.0001

Kabrin, V.I. (2022). [Communicative psychosemantics of cognitive-noetic development of personality]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 85, pp. 51–71. DOI: https://doi.org/10.17223/17267080/85/3

Karwoski, T.F., Odbert, H.S. and Osgood, C.E. (1942). Studies in synesthetic thinking: II. The role of form in visual responses to music. *Journal of General Psychology*. Vol. 26, iss. 2, pp. 199–222. DOI: https://doi.org/10.1080/00221309.1942.10545166

Kozhevnikova, O.V. (2022). [Complience of subjective characteristics and objective criteria of personal maturity of university studentS]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 543–553. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-543-553

Kozhevnikova, O.V. and V'yuzhanina, S.A. (2016). *Psikhosemantika. Metod semanticheskogo differentsiala* [Psychosemantics. Semantic differential technique]. Izhevsk: Udmurt University Publ., 120 p.

Krasnoryadtseva, O.M., Kabrin, V.I., Scheglova, E.A. and Ivanova, A.I. (2022). [Psychosemantic typology of student positional strategies in structural and dynamic education environment]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian Psychological Journal]. Vol. 19, no. 1, pp. 49–63. DOI: https://doi.org/10.21702/rpj.2022.1.4

Lectorsky, V.A. (ed.) (2008). *Kognitivnyy podkhod* [Cognitive approach]. Moscow: Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 464 p.

Mitina, O.V., Bachkala, A.P. and Morozova, O.V. (2022). [The study of the motivational structure of the collective subject under the conditions of the COVID-19 pandemic: a psychosemantic approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 531–542. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-531-542

Osgood, C.E. (1952). The nature and measurement of meaning. *Psychological Bulletin*. Vol. 49, iss. 3, pp. 197–237. DOI: https://doi.org/10.1037/h0055737

Osgood, C.E., Suci, G.J. and Tannenbaum, P.H. (1957). *The measurement of meaning*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 342 p.

Petrenko, V.F. (1983). *Vvedenie v eksperimental'nuyu psikhosemantiku: issledovanie form reprezentatsii v obydennom soznanii* [Introduction to experimental psychosemantics: a study of forms of representation in ordinary consciousness]. Moscow: MSU Publ., 177 p.

Petrenko, V.F. (2009). *Mnogomernoe soznanie: Psikhosemanticheskaya paradigma* [Multidimensional consciousness: Psychosemantic paradigm]. Moscow: Novyy Khronograf Publ., 440 p.

Petrenko, V.F. (2010). *Osnovy psikhosemantiki* [Fundamentals of psychosemantics]. Moscow: Eksmo Publ., 480 p.

Petrenko, V.F. (2022). [The way to psychology: on the development of experimental psychosemantics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 520–530. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-520-530

Serkin, V.P. (2000). [On the possibilities of the method of semantic universals of E. Yu. Artemyeva]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 4. pp. 74–79.

Serkin, V.P. (2005). *Obraz mira i obraz zhizni* [Image of the world and lifestyle]. Magadan: NIU Publ., 331 p.

Serkin, V.P. (2022). *Psikhosemantika: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Psychosemantics: a textbook for universities]. Moscow: Yurayt Publ., 318 p.

Shmelev, A.G. (1983). *Vvedenie v eksperimental'nuyu psikhosemantiku: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya i psikhodiagnosticheskie vozmozhnosti* [Introduction to experimental psychosemantics: theoretical and methodological foundations and psychodiagnostic possibilities]. Moscow: MSU Publ., 158 p.

Sitnikov, V.L. (2001). *Psikhologiya obraza rebenka (v soznanii sub'ektov pedagogicheskogo protsessa): dis. … d-ra psikhol. nauk* [Psychology of the child's image (in the minds of the subjects of the pedagogical process): dissertation]. St. Petersburg, 597 p.

Sitnikov, V.L, Slotina, T.V., Komarova, A.V., Karagacheva, M.V., Kedich, S.I. and Kiseleva, N.S. (2022). [Psychosemantical analysis of gifted personality in student youth]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 554–565. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-554-565

Solomin, I.L. (2001). *Psikhosemanticheskaya diagnostika skrytoy motivatsii: metodicheskoe rukovodstvo* [Psychosemantic diagnostics of hidden motivation: methodical guidance]. St. Petersburg: IMATON Publ., 112 p.

Received: 01.10.2022. Accepted: 21.10.2022

Об авторе

Кожевникова Оксана Вячеславовна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей психологии

Удмуртский государственный университет,
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1;
e-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1995-3886
ResearcherID: AAJ-6521-2021

About the author

Oksana V. Kozhevnikova
Candidate of Psychology, Docent, Associate Professor of the Department of General Psychology

Udmurt State University,
1, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Russia;
e-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1995-3886
ResearcherID: AAJ-6521-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Кожевникова О.В. Проблемы психосемантики в современной психологии (введение к тематическому выпуску) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 515–519. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-515-519

For citation:
Kozhevnikova O.V. [Problems of psychosemantics in modern psychology (introduction to the special issue)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 515–519 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-515-519

УДК: 159.9.018

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-520-530

ПУТЬ В ПСИХОЛОГИЮ: О СТАНОВЛЕНИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОСЕМАНТИКИ

Петренко Виктор Федорович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва),
Институт психологии Российской академии наук (Москва)

В статье представлена история создания и становления экспериментальной психосемантики — исследовательского подхода, разрабатываемого В.Ф. Петренко совместно с его коллегами и сотрудниками на базе лаборатории психологии общения и психосемантики Факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Данное направление развивается в рамках методологической школы Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурии с опорой на методические разработки Дж. Келли (теория личностных конструктов) и Ч. Осгуда (метод семантического дифференциала). Подробно описаны события второй половины шестидесятых и семидесятых годов прошлого столетия, заложившие фундамент будущего исследовательского подхода, основные этапы его развития в восьмидесятых и девяностых годах XX в., а также в настоящее время. Методы психосемантики используются для изучения содержания сознания, представлений человека в области политики, экономики, права, этики, искусства, его представлений о самом себе, других людях; индивидуальных и этно-социальных особенностей категоризации и построения образа мира применительно к сознанию как отдельного субъекта, так и социальных, этнических или профессиональных сообществ и групп. В последние годы акцент исследовательской работы в области психосемантики сдвинулся на физические аспекты проблемы категоризации, методологические сопоставления подходов психосемантики и квантовой физики.

Ключевые слова: экспериментальная психосемантика, индивидуальное и общественное сознание, бессознательное, менталитет, семантическое пространство.

THE WAY TO PSYCHOLOGY: ON THE DEVELOPMENT OF EXPERIMENTAL PSYCHOSEMANTICS

Viktor F. Petrenko

Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow)

The article presents the history of the creation and formation of experimental psychosemantics — a research approach developed by Viktor Petrenko and his colleagues and employees on the basis of the laboratory of communication psychology and psychosemantics of the Faculty of Psychology of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. This approach is developing within the framework of the methodological school of L.S. Vygotsky, A.N. Leontyev and A.R. Luria based on the ideas of G.A. Kelly (personal construct theory) and C.E. Osgood (semantic differential technique). The events of the second half of the 1960s and 1970s which laid the foundation for the future research approach followed by the main stages of its development in the 1980s and 1990s as well as at present daysare described in detail. Psychosemantic methods are used to study the content of consciousness, ideas of a person in the field of politics, economics, law, ethics, art, his ideas about himself, other people; individual and ethno-social characteristics of categorization and construction of the image of the world in relation to the consciousness of both an individual subject and social, ethnic or professional communities and groups. In recent years, the focus of research work in the field of psychosemantics has shifted to the physical aspects of the categorization problem, methodological comparisons of the approaches of psychosemantics and quantum physics.

Keywords: experimental psychosemantics, individual and social consciousness, unconscious mind, mentality, semantic space.

© Петренко В.Ф., 2022

Жизнь человека коротка. Трудно реализовать мечты молодости. Поэтому стоит осмыслить и успеть описать надежды и замыслы, определившие мой путь в области профессиональной психологии.

Я поступал на факультет психологии несколько раз. В детстве я увлекался физикой и биологией и собирался по окончании школы учиться на физфаке Московского Государственного университета (или на биофизике биологического факультета МГУ). Как победитель ряда биологических и физических олимпиад, окончивший школу с математическим уклоном, я был хорошо подготовлен к вступительным экзаменам. Но в 1966 г. случайная встреча на биофаке со студентом факультета психологии МГУ изменила мои планы, и я решил поступать именно туда. Я ничего не знал о психологии, но интуитивно почувствовал, что это мое. Вступительного экзамена по психологии тогда еще не было. Я получил «пять» по математике и «двойку» за ошибки в сочинении. Шок был очень тяжелым, стыдно было встречаться с одноклассниками. Надо было либо идти в армию, либо на вечерний факультет, и тогда я поступил в Московский энергетический институт на факультет радиоэлектроники. Чтобы иметь возможность повторно подать документы на факультет психологии, я пошел в школу рабочей молодежи за вторым аттестатом. Я работал прибористом, а во вторую половину дня учился: субботу и воскресение чертишь чертежи, делаешь домашнюю работу по сопромату — ни девушки, ни развлечений. Потом я уехал вместе с «диким» отрядом сплавлять лес в Сибири: заключенные валили деревья, а мы делали кошель для бревен и спускали плоты по реке.

К сроку сдачи вступительных экзаменов я полетел с пересадками в Москву и последним подал документы в приемную комиссию. Я, наконец-то, поступил на факультет психологии, и это было счастьем. Лекции по общей психологии нам читал А.Р. Лурия, а патопсихологию вела ученица К. Левина — Б.В. Зейгарник. Антропологию преподавал старый польский аристократ, профессор М.Ф. Нестурх, на экзамене дарivший свои книги студентам и целовавший руки студенткам, а также иногда дававший фортепьянные концерты Шопена в университете. На факультете действовало студенческое научное общество, мы проводили много времени в дискуссиях и встречах с выдающимися психологами: перед нами выступали Дж. Брунер, М. Коул, А. Франц, К. Роджерс, К. Прибрам и др. Были крайне интересны как лекции, которые они читали, так и проводимые ими практические демонстрации. Но не менее значимыми были сами образы этих людей.

Так, Дж. Брунера встречала официальная делегация. С борта самолета спустился худощавый человек в джинсах и шлепанцах на босу ногу. Вместо официального приема Дж. Брунер отправился с нашими девушками-студентками кататься на коньках вокруг Большой спортивной арены на Воробьевых (тогда Ленинских) горах, а вечер провел в компании студентов в общежитии, слушая наших гитаристов. Читая лекцию на факультете, Дж. Брунер демонстрировал свои моторные навыки, взбираясь на стул и прыгая с него. В моей памяти остался образ молодого душой ученого, задающего неформальный стиль в науке. Каждый из этих выдающихся людей являл собой яркую личность и оставил след в профессиональной и личной биографии своих слушателей. Настоящий Учитель, не только передает знания, но и дает ученикам возможность идентифицироваться с ним, принять его стиль жизни, и тем самым творчески подняться и духовно вырасти. Это, конечно, относится не только к приглашенным иностранным лекторам, но и к нашим профессорам: А.Н. Леонтьеву, А.Р. Лурии, В.П. Зинченко и многим другим.

Занятия на факультете психологии перемежались с индивидуальной работой, которая была организована вокруг общей психологии и проблематики сознания. По поручению профессора П.Я. Гальперина на методологическом семинаре я успешно сделал доклад по книге «Творческая эволюция» А. Бергсона [Бергсон А., 1998]. Кроме того, я разработал и опубликовал модификацию методики Л.С. Выготского и Л.С. Сахарова [Петренко В.Ф., 1983], провел исследование по использованию теории графов в психологии восприятия, результаты которого представлены в сборнике под редакцией А.Н. Леонтьева [Петренко В.Ф., 1976], опубликовал статью «Динамика семантического поиска» в сборнике «Исследование речемыслительной деятельности» под редакцией М.М. Муканова [Петренко В.Ф., 1974]. Аналогично тому, как немецкие ученые проводили совместные путешествия со студентами по городам Германии, А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия придумали Летние психологические школы (ЛПШ): в спортивные лагеря МГУ могли выехать 15–20 студентов разных курсов под руководством профессора и помогавших ему доцента и ассистентов. Впервые я поехал в ЛПШ под руководством В.П. Зинченко. Это была незабываемая школа, освященная демократизмом Владимира Петровича, где в составе участников были будущие профессора А.Г. Асмолов, В.А. Петровский, Е.В. Субботский. Но самой значимой для меня стала школа под руководством А.Н. Леонтьева, посвященная пробле-

мам сознания, проведенная в 1972 г. — все лето я готовился к ней в библиотеках. Утром в первый день мы загорали, купались и, лежа кружком на пляже, вели дискуссии. Наконец, прилетел Алексей Николаевич вместе с доцентом В.В. Лебединским, и жизнь переместилась в палатку, где студенты и аспиранты делали доклады, а А.Н. Леонтьев, попыхивая сигаретой, внимательно слушал и затем давал свои комментарии. Как декан, А.Н. Леонтьев всегда внимательно присматривался к студентам, утверждая, что «лаборант — это будущий доцент», и, таким образом, обеспечивал молодой факультет лучшими выпускниками. Я сделал хороший доклад, и он готов был взять меня аспирантом. Но я попал в больницу и пропустил все сроки подачи документов. Тогда А.Н. Леонтьев принял меня на должность старшего лаборанта, а затем и ассистента кафедры общей психологии.

Переход от студенчества к жизни преподавателя был очень болезненным. Помимо основной нагрузки в 1500 «горловых» часов в год, меня назначили куратором студенческого курса. По ночам меня мучил один и тот же сон: я играю на сцене и не выучил роль, пытаюсь по репликам актеров понять, что мне говорить дальше (чисто фрейдовская тематика). Я приходил домой безумно уставшим и несколько раз прямо в одежде падал в ванну, не в силах раздеться. Затем А.Н. Леонтьев перевел меня в старшие научные сотрудники, а уже в 1978 г. я защитил под его руководством кандидатскую диссертацию. Я с трепетом отдавал готовый текст шефу, но Алексей Николаевич ничего не изменил, а лишь исправил грамматические ошибки. Оппонентами были А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя и А.А. Брудный. Основная идея диссертации заключалась в том, что, отталкиваясь от частной методики семантического дифференциала (СД), предложенной Ч. Осгудом, я пытался разработать универсальный психосемантический подход к реконструкции категориальной структуры индивидуального и общественного сознания. Отправной точкой выступил следующий факт, полученный в наших многочисленных исследованиях: содержание трех базисных факторов семантического дифференциала не сводимо к факторам Оценка, Сила, Активность, а зависит от содержания исходного материала анализа. Ч. Осгуд в ходе исследования феномена синестезии (побочным продуктом которого и была методика СД) использовал самый разнообразный материал. Наши исследования показали, что применение какого-либо однородного исходного материала для построения СД может дать разнообразную картину категориального строя семантического дифференциала в зависимости от когнитивной сложности испытуемого (или испытуемых). Были описаны принципы и этапы построения семантических пространств и сконструирован ряд вербальных и невербальных пространств, в том числе на материале рисунков Чюрлениса, осуществлен кластерный анализ эмблем «Общества охраны природы» [Петренко В.Ф., 1978]. Защита прошла успешно и больше ста человек праздновали ее в Доме киноактера, а затем человек тридцать — в моей однокомнатной квартире.

Надо отметить, что теория личностных конструктов Дж. Келли на момент защиты моей диссертации была еще не известна в Советском Союзе. Из перевода книги Ф. Франселлы и Д. Баннистера, изданного в 1987 г. [Франселла Ф., Баннистер Д., 1987], я узнал, что Дж. Келли приезжал в 1966 г. в Москву на международный психологический конгресс, но его визит остался в целом незамеченным российскими психологами. Спустя год он умер. В отличие от Ч. Осгуда, Дж. Келли использовал в качестве шкал не антонимы, взятые из Оксфордского словаря, а разработал метод триадического выбора, где сам испытуемый должен был порождать шкалы СД, выделяя свойство, объединявшее два из трех объектов, и находить качество, по которому первые два противопоставлялись третьему. То есть сами испытуемые создавали шкалы СД, по которым оценивались интересующие исследователя объекты. Это новшество значительно увеличивало степень свободы в исследованиях. Математический аппарат Ч. Осгуда и Дж. Келли был сходным — это факторный и кластерный анализ [Окунь Я., 1974], но если Ч. Осгуд по образованию был бихевиористом, то Дж. Келли разделял конструктивистский подход в психологии и этим был мне ближе [Kelly G.A., 1955]. Термин *психосемантика* мы придумали еще в конце 1970-х вместе с аспирантом Г.А. Шмелевым, чтобы как-то «развестись» с группой психолингвистов под руководством А.А. Леонтьева, которые занимались изучением порождения речевого высказывания. Благодаря помощи А.Г. Асмолова, мы с А.Г. Шмелевым получили листаж от совета молодых ученых МГУ для издания книги «Введение в экспериментальную психосемантику». Но из-за того, что молодые философы не использовали полученный ими объем, мы смогли издать две книги персонально каждый с добавлениями в заглавии. В дальнейшем наши пути несколько разошлись, и интересы А.Г. Шмелева сместились в психодиагностику и создание тестов.

Среди множества экспериментальных исследований тех лет можно выделить несколько, которые запускали новые подходы и парадигмы. Я давно

собирался использовать психосемантику для кросс-культурных исследований, и таковым стало задуманное мной сопоставление менталитета русских и азербайджанских девушек, осуществленное с помощью разработанной мной методики множественной идентификации. В качестве испытуемых были выбраны студентки МГУ и Бакинского университета. В Бакинском университете был дефицит испытуемых мужского пола, и мы набирали их среди рабочих бакинских нефтяных приисков. Испытуемым предъявлялся ряд поступков, и их просили оценить по градуальной семибалльной шкале *вероятность свершения* этих поступков «ими самими», «их матерями (в том же возрасте, что и сами испытуемые)», «идеальной девушкой», «девушкой 40 лет тому назад», «презираемой девушкой», «девушкой через 20 лет», «русской», «азербайджанкой». Ответы испытуемых суммировались в матрицы и подвергались процедуре факторного анализа [Иберла К., 1980]. Исследование показало существенные различия в менталитете представительниц двух культур и почти полную идентичность поведения у девушек и мужчин одной национальности [Петренко В.Ф., Алиева Л.А., 1987]. Хотя интуитивно ясно, что поведенческие стереотипы девушек разных национальностей и религий заведомо отличаются, подготовленная статья по этому исследованию пролежала более семи лет в редакции (несмотря на положительные отзывы двух академиков), т.к. ее основная идея противоречила политическому утверждению «Создана новая социальная общность — советский народ». И только благодаря горбачевской оттепели статью удалось опубликовать в 1987 г.

Успехи в этнопсихологии позволили надеяться и на возможное продвижение в исследовании политического менталитета. В конце восьмидесятых годов прошлого века страна бурлила, образовывались политические партии, переосмысливалась история страны, выдвигались политические требования. Важно было понять: «Куда несет нас рок событий?» Помощником в изучении этого вопроса стала О.В. Митина, с которой мы познакомились на одной из конференций, проводимых в Московском государственном университете. О.В. Митина окончила мехмат и аспирантуру в МГУ. Мне понравился ее доклад, и я предложил ей пойти работать в лабораторию психологии общения и психосемантики, которую я унаследовал от А.А. Бодалева и которой руковожу по сей день. Так я заполучил своего первого сотрудника в должности старшего лаборанта. Ольга Валентиновна за два года окончила факультет психологии, а еще через три года защитила под моим руководством кандидатскую диссертацию по психологии.

Идея политологического исследования была такова: проанализировать категориальную структуру общественного сознания, описать политические установки ряда общественных и российских политических партий и движений. Метод исследования — кластер-анализ и построение семантического пространства (СП) политических партий. Участниками опроса были члены различных политических партий и движений, как правило, руководство партий, общим числом 299 чел. В качестве шкал, по которым политические лидеры оценивали свое согласие или несогласие с политическим утверждением, выступали несколько сотен политических суждений самого разного толка, актуальных в 1989–1990 гг., например (нумерация соответствует оригинальному опроснику):

1. Необходимо законодательно закрепить право военнослужащих не выполнять приказы, противоречащие закону или международному праву («Гражданский референдум», № 1, 1989 г. Хартия МНФ).

2. Некоторые советские издания переполнены ядом, направленным против самого СССР и социализма. Чувствуется за этим скрывается рука империализма, реакции и контрреволюции (Фидель Кастро. Гавана 1989 г.).

36. Необходим контроль трудящихся за средствами массовой информации (Первый съезд Объединенного фронта трудящихся СССР. Документы и материалы).

81. Я считаю единственным благоприятным для любой страны демократический путь развития (А.Д. Сахаров, «Советская молодежь», 9 января 1990, заключение).

128. Наилучшим решением межнациональных проблем является заключение нового Союзного Договора, при котором СССР преобразуется в конфедерацию суверенных государств (Программа Социал-демократ № 2).

205. Права нации — выше прав человека (Латвийский НФ, Известия, 21.12.90).

Первичная обработка данных состояла в группировке участников опроса по их принадлежности к той или иной партии и суммировании индивидуальных протоколов в групповые по каждой из 32 партий (см. рис. 1). Факторно-аналитическая обработка данных с целью построения семантического пространства политических партий проводилась методом главных компонент с поворотом факторных осей методом Varimax. Наряду с факторным анализом проводился кластер-анализ того же исходного материала, полученного в опроснике (см. рис. 2).

Были выделены три основные силы: сторонники демократических преобразований, начатых

М.С. Горбачевым; сторонники коммунистической идеологии; национал-патриоты. Если в пилотажном эксперименте 1989 г., проведенном нами, ведущим был фактор «принятие/отвержение» коммунистической идеологии, то в 1990 году ведущим фактором оказался «интеграции/распада» СССР на независимые республики. Мой коллега и друг А.П. Назаретян, взглянув на результаты факторного и кластерного анализов политических партий, заключил, что высока вероятность распада страны. Я же побывал во всех республиках и собирался построить карту политического менталитета СССР (и у меня везде были аспиранты). Я помню, как возражал А.П. Назаретяну и горячо спорил с ним, но спустя полгода случилось то, что случилось, и несмотря на результаты всесоюзного референдума о сохранении СССР в Беловежской Пуще, лидеры трех славянских республик подписали документ о прекращении его существования. То, чем это обернулось, мы наблюдаем и сегодня в форме противостояния России и Украины, поддерживаемой Евросоюзом, НАТО и США. В то время я сдал подготовленную нами статью в Психологический журнал и уехал на международную конференцию в США, а вернувшись домой обнаружил, что в результате путча и отстранения от власти Горбачева все очень сильно изменилось. Подробное описание этого исследования представлено в нескольких публикациях [Петренко В.Ф., Митина О.В., 1991, 2018]. Позднее мы с О.В. Митиной провели исследование по сходной методике в Казахстане [Петренко В.Ф. и др., 1993], а также построили типологию граждан России по отношению к проводимым экономическим и политическим реформам [Петренко В.Ф., Митина О.В., 1997].

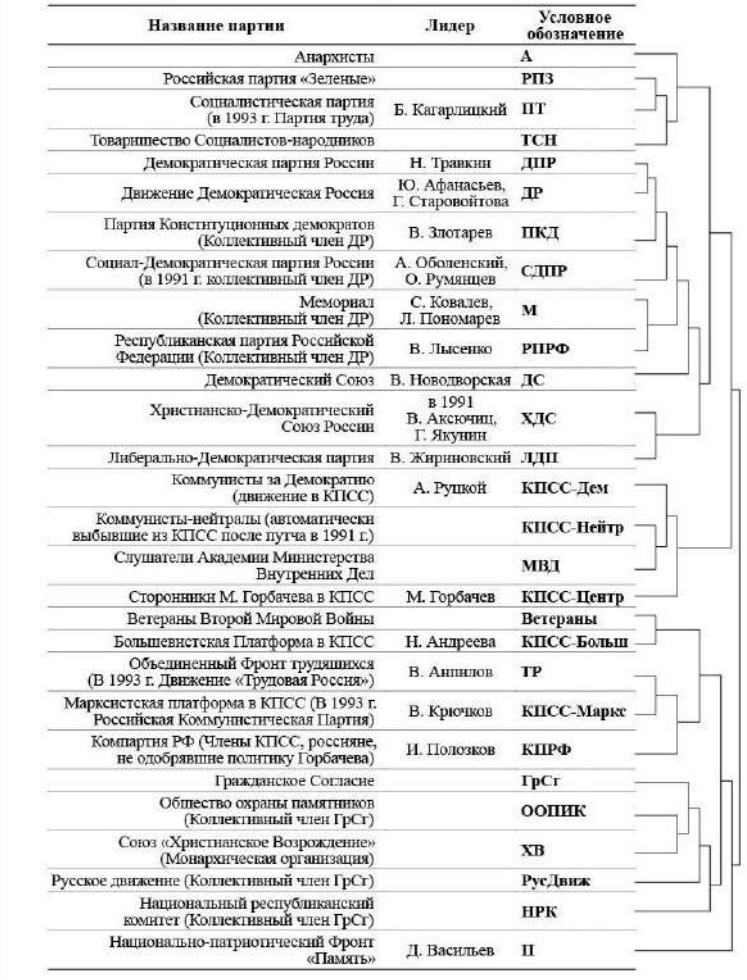


Рис. 1. Кластер-структура политических партий 1991 г.

Fig. 1. Cluster structure of political parties in 1991

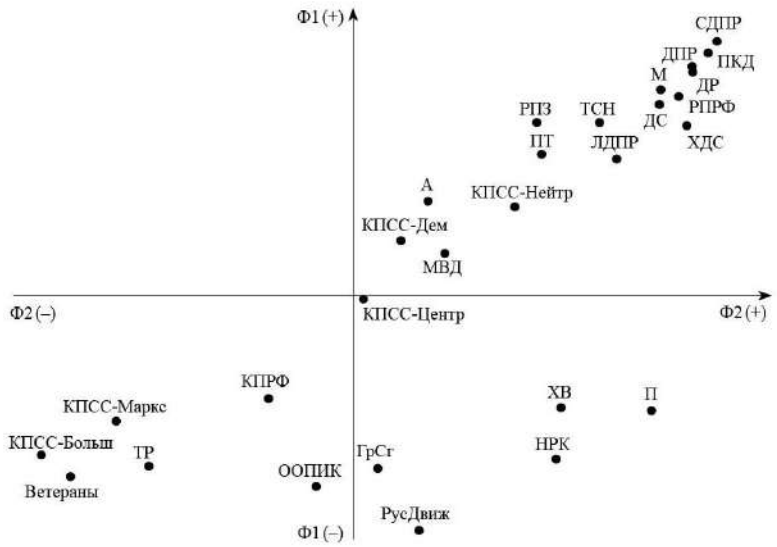


Рис. 2. Семантическое пространство политических партий России (1991 г.) (Ф1, Ф2). Ф1 (+) Конфедерация или союз суверенных государств ↔ Ф1 (–) Унитарная государственность; Ф2 (+) Отвержение коммунистической идеологии ↔ Ф2 (–) Принятие коммунистической идеологии

Fig. 2. Semantic space of Russian political parties (1991) (Ф1, Ф2). Ф1 (+) Confederation or union of sovereign states ↔ Ф1 (–) Unitary statehood; Ф2 (+) Rejection of the communist ideology ↔ Ф2 (–) Acceptance of the communist ideology

Примечание: расшифровка названий партий приведена на рис. 1.

Note: the decoding of the names of the parties is shown in Fig. 1.

Другим нашим фактически сотрудником стал мой аспирант В.В. Кучеренко. Еще в середине семидесятых, проводя как-то занятия, я обратил внимание на красивого студента с тяжелым взглядом — это был Владимир Вилетарьевич. Свой тяжелый взгляд он унаследовал от дедушки, красного командира времен гражданской войны. По рассказам Володи, его тогда еще молодой дед заходил в конюшню, и лошади начинали метаться и испуганно ржать. Очевидно, сказывалась мощная энергетика, которую ощущали даже животные. Сам Володя владел гипнозом, которому обучил его еще в школьные годы преподаватель секции карате в г. Самаре (позднее В.В. Кучеренко научил этому и меня: дело оказалось довольно простым, учитывая самоуверенность молодости). Когда А.Н. Леонтьев решил проводить наряду с Летней психологической школой еще и Зимнюю, он предложил мне быть его помощником. Я, в свою очередь, позвал нескольких студентов, в том числе и В.В. Кучеренко, принять участие в работе школы. В то время ректором МГУ был пользовавшийся большим уважением физик, альпинист Рем Викторович Хохлов, который ввел раздельные корпуса для проживания студентов и студенток. Когда мы приехали в зимнюю школу в студенческий дом отдыха «Отличник» и по приглашению девушек вместе с преподавателем В.В. Столиным залезли в женский корпус через окно в гости, то с удивлением увидели внутри В.В. Кучеренко, который там уже освоился.

Освоился Володя и в лаборатории психологии общения и психосемантики. Мы с В.В. Кучеренко стали проводить многочисленные эксперименты с использованием гипноза. Так, например, меняли с помощью гипноза эмоциональное состояние пациента и просили ранжировать цвета методики Люшера по предпочтению [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 1988]. Использование ранговой корреляции показало, что хотя испытуемые приходили в лабораторию в различных эмоциональных состояниях, при внушенном состоянии они демонстрировали статистически значимое сходство для каждого из них. После окончания эксперимента мы, естественно, удаляли внушенное состояние. Составив план исследования влияния эмоций на процесс категоризации, мы с В.В. Кучеренко пришли к декану факультета психологии А.Н. Леонтьеву за научной поддержкой. Алексей Николаевич нас доброжелательно выслушал, но высказал озабоченность тем, что если с испытуемым что-то случится, то доказать, что причина не во внушении, будет достаточно трудно. Как вспоминал сам Алексей Николаевич, за его книгу «Проблемы раз-

вития психики» ему дали ленинскую премию, но были и голоса из политбюро с предложением посадить его за идеализм.

Продолжая рассказ о прошлом, вернемся к Зимней психологической школе. Приехавшие туда молодые преподаватели демонстрировали собственные методики и исследования. Так, В.В. Столин рассказывал о псевдоскопии, Б.С. Братусь — о проблемах духовности. Социальный психолог Данилин привез сложную конструкцию, которую должны были собирать двое людей, используя для общения только невербальную коммуникацию. Перед студентами-зрителями ставилась задача заранее определить успешность каждой пары. Победителем оказался В.В. Кучеренко вместе со своей пациенткой. Он совершал минимальное количество движений, но смотрел в глаза девушки и каким-то образом передавал ей информацию о возможных действиях. Мы тоже тогда проводили исследование по влиянию эмоций на процессы категоризации и столкнулись с необычным явлением. В доме отдыха студенты жили по два человека в комнате, и когда мы проводили эксперимент с одним из них, его сосед попросил разрешения присутствовать во время опыта. Мы согласились, но, чтобы он не отвлекал внимание нашего испытуемого, тому внушили, что он не будет видеть своего соседа. Эксперимент протекал как обычно, но, когда испытуемый заполнял матрицу данных для построения семантического пространства (а это занимало не меньше часа), его сосед, до этого с интересом наблюдавший за происходящим, решил, что раз уж он невидимый, то никому не помешает, если он побреется к вечерним танцам. Дребезжащий звук электробритвы буквально вывел из себя нашего испытуемого, не способного определить его источник. Мы сделали соседа невидимым для испытуемого, но не подумали сделать его еще и неслышимым. Наш испытуемый мучительно не мог понять, что является источником этого дребезжащего звука. Он встал и сделал несколько шагов в его сторону: сосед испуганно вскочил с кровати, где сидел — вид сомнамбулы с застывшим выражением лица может внушить страх. Но наш испытуемый, подойдя вплотную к источнику звука, остановился и погрузился в еще более глубокий транс. Так видел наш испытуемый своего соседа или нет? Если видел, то почему так мучительно не мог определить источник звука? Такое не сыграешь специально. Если не видел, то почему он не попытался пройти сквозь своего соседа и остановился перед ним? Мы предполагаем следующее: он воспринимал, но не осознавал, аналогично тому, как в наших экспериментах испытуемые не указывали на запрещенные объекты, но обходили их или семантически близкие им объекты, например, при запрете видеть лыжи, торчащие со стола. Видеть и осознавать — это разные процессы. Можно вспомнить пример Пьера Безухова из «Войны и Мира» Л.Н. Толстого, когда Пьер «не видел» убийства французским солдатом его приятеля Каратаева. Сильный аффект может блокировать осознание воспринимаемого, как, например, мать может не осознавать смерть грудного младенца и носить его на руках, пытаться кормить и ухаживать за ним.

Долгие годы техники гипноза применялись в нашей лаборатории для исследования влияния эмоций на процессы категоризации [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 1986], взаимосвязи эмоциональных состояний и цветовых предпочтения [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 1988], феномена «слепого пятна» (выпадения целых семантических областей из осознания при гипнотическом запрете видеть запрещенный объект) [Петренко В.Ф. и др., 1998], процесса медитации [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 2008]. В ходе этой многолетней работы был разработан ряд суггестивных психотехник, позволяющих реализовать широкий диапазон работы с бессознательным. Данные техники были использованы при изучении динамики трансформации личности пациента в ходе лечения больных алкоголизмом. В конце 1990-х гг. В.В. Кучеренко и я подрабатывали в наркологической больнице № 17 г. Москвы, и много экспериментировали как в клинике, так и в нашей лаборатории. Специфика лечения больных алкоголизмом, разработанная В.В. Кучеренко и А.П. Вяльбой, заключалось в том, что у пациентов не только вырабатывались мощные негативные переживания на потребление алкоголя (как в методе Довженко), но и в трансовых гипнотических сеансах внушались прекрасные положительные переживания — пациенты летали в космос, созерцали Землю, купались в волнах эфира.

Для исследования динамики самосознания испытуемых просили оценить по градуальной шкале «вероятность» (или меру естественности) каждого поступка из списка по отношению к ролевым позициям, связанным с образом Я («я сам», «я в мечтах», «я через три года», «мой идеал»), а также образов и различных социальных ролей («бизнесмен», «хронический алкоголик», «несчастный человек», «хороший семьянин»). Ниже приводится фрагмент трансформации картины мира группового («алкогольного») субъекта, по двум факторам: «Общее благополучие ↔ Неблагополучие» и «Упорядоченность бытия ↔ Жизненная нестабильность (готовность к переменам)» (см. рис. 3) [Петренко В.Ф. и др., 2006].

Как видим, в ходе гипнотерапии позиция «Я сам» (после гипнотерапии) перемещается в семантическом пространстве вверх по фактору «Общего благополучия» и почти совпадает с ролевой позицией «Я в мечтах» (до гипнотерапии.). Позиция же «Я в мечтах» (после гипнотерапии) поднимается, открывая новые горизонты реализации мотивов и потребностей. Все позитивные ролевые позиции перемещаются по фактору «Общее благополучие» во все более позитивные зоны, в то время как негативные ролевые позиции оцениваются после гипнотерапии еще более негативными и несчастными. По фактору «Стабильность бытия» позитивные роли перемещаются в сторону «Нестабильности» как стремление к переменам, в то время как негативно оцениваемые ролевые позиции сдвигаются к полюсу фактора «Стабильности» (постоянства). Этот феномен (применительно к нашим пациентам — хроническим алкоголикам), очевидно, связан с тем, что до лечения с помощью гипнотерапии они имели проблемы и в семье, и на работе, где от них, возможно, стремились избавиться, что заставляло их искать постоянства. Пройдя же курс лечения, они чувствуют себя гораздо увереннее и уже задумываются о перемене стиля жизни, смены работы или переменах в семейной жизни. Рассматривая рис. 3, можно убедиться, что изменения координат ролевых позиций в ходе гипнотерапии осуществляется не в форме хаотичного (броуновского) движения, а вполне закономерным образом: семантическое пространство как резиновое растягивается/сжимается по ведущим осям категорий-факторов. Еще один сотрудник нашей лаборатории, А.П. Супрун, показал, что семантические пространства содержат признаки, близкие к предельным параметрам (таким предельным параметром в физике выступает скорость света, а для психологической реальности предельными параметрами являются экстремальные эмоциональные состояния), т.е. проблематика физики и психосемантики имеет общий смысловой корень в языке описания и конструирования реальности.

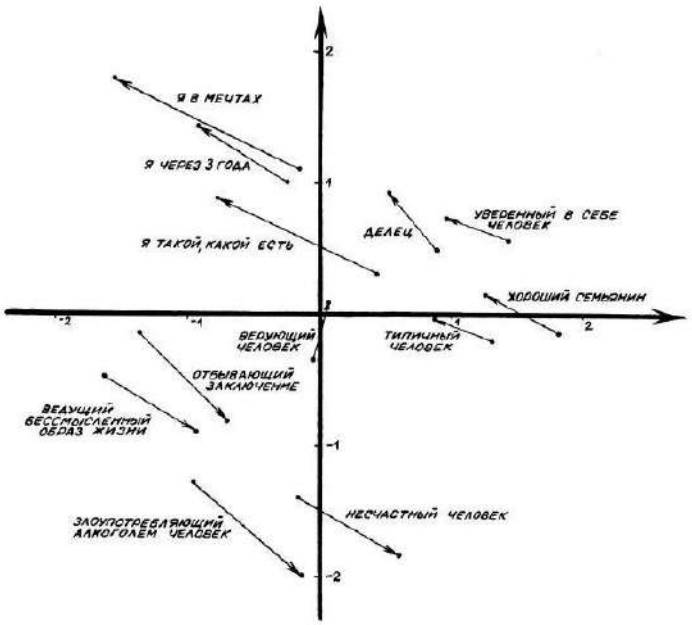


Рис. 3. Семантическое пространство динамики ролевых позиций в ходе гипнотерапии у пациентов наркологической клиники по факторам «Общее благополучие ↔ Неблагополучие» и «Упорядоченность бытия ↔ Жизненная нестабильность (готовность к переменам)»

Fig. 3. The semantic space of the dynamics of role positions during hypnotherapy in patients of the narcological clinic according to the factors «General well-being ↔ Trouble» and «Order of being ↔ Life instability (readiness for change)»

Итак, психосемантический подход к исследованию сознания и процессов бессознательного, возникший в рамках методологической школы Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурии с использованием и дальнейшим развитием методического инструментария Ч. Осгуда и Дж. Келли, значительно расширил теорию и проблематику исследований, вобрав в себя методологические

принципы постнеклассической рациональности (В.С. Степин, В.А. Лекторский), философию конструктивизма (Дж. Келли, В.Ф. Петренко), проблематику семиотики (Ю.М. Лотман, В.В. Налимов) применительно к языкам осознания, принципы диалогичности сознания (М.М. Бахтин, А.А. Брудный), проблематику измененных состояний сознания и трансперсональной психологии (С. Гроф, А. Минделл, Р. Фрейджер) [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 2019]. В последние годы акцент исследовательской работы в области психосемантики сдвинулся на физические аспекты проблемы категоризации, методологические сопоставления подходов психосемантики и квантовой физики и, в частности, сопоставление методологии коллективного бессознательного, теории и практики сенсомоторного психосинтеза и квантовой физики, инициированное в начале прошлого века совместными трудами психолога К. Юнга и лауреата нобелевской премии — физика В. Паули, что привело нас [Петренко В.Ф., Супрун В.В., 2014, 2017, 2021] к трактовке сознания как процесса пространственно-временной предметной категоризации, осуществляемой с помощью языка (в его самой широкой трактовке), а коллективное бессознательное — как допредметной и системной формы нелокальности бытия, существующей вне категорий пространства и время.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 21-18-00624.

Acknowledgements

The research was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of research project № 21-18-00624.

Список литературы

Бергсон А. Творческая эволюция: пер. с фр. М.: Канон-Пресс: Кучково Поле, 1998. 384 с.

Иберла К. Факторный анализ / пер. с нем. В.М. Ивановой. М.: Статистика, 1980. 398 с.

Окунь Я. Факторный анализ / пер. с польск. Г.З. Давидовича. М.: Статистика, 1974. 200 с.

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 177 с.

Петренко В.Ф. Динамика семантического поиска // Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974. С. 109–118.

Петренко В.Ф. К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность / под ред. А.Н. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 268–292.

Петренко В.Ф. Психологическое исследование значения на словесном и образном уровнях: дис. … канд. психол. наук. М., 1978. 149 с.

Петренко В.Ф., Алиева Л.А. Исследование этнических стереотипов с использованием методики множественных идентификаций // Психологический журнал. 1987. Т. 8, № 6. С. 46–54.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Взаимосвязь эмоций и цвета // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1988. № 3. С. 70–78.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Влияние эмоций на процесс категоризации // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Эмоциональная регуляция учебной и трудовой деятельности». М., Одесса, 1986. С. 233.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как форма не опосредованного познания // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 83–101.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Теория и практика сенсомоторного психосинтеза // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 2. С. 147–156. DOI: https://doi.org/10.31857/s0869-5873892147-156

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вяльба А.П. Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 5. С. 16–27.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Россохин А.В. Измененные состояния сознания как психологическая реальность // Журнал практического психолога. 1998. № 4. С. 81–93.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Отношение граждан России к реформам и типология политических установок // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5. С. 31–61.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 6. С. 55–77.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Политическая психология: психосемантический подход. М.; Челябинск: Социум, 2018. 590 с.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Шевчук И.В. Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 1. С. 53–88.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Влияние системы референции на конструирование образа мира в психологии и физике // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 4. С. 50–58. DOI: https://doi.org/10.31857/s020595920016016-3

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Квантовая физика и психология в контексте постнеклассической рациональности // Методология современной психологии: сб. ст. / под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.Ф. Петренко. М.; Ярославль: ЯрГУ: ЛКИИСИ РАН: МАПН, 2014. Вып. 4. С. 194–215.

Петренко В.Ф., *Супрун А.П.* Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. М.; СПб.: Нестор–История, 2017. 380 с.

Франселла Ф., *Баннистер Д.* Новый метод исследования личности: руководство по репертуарным личностным методикам: пер. с англ. М.: Прогресс, 1987. 236 с.

Kelly G.A. The psychology of personal constructs: in 2 vols. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1955. 1218 p.

Получена: 01.10.2022. Принята к публикации: 21.10.2022

References

Bergson, A. (1998). *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Moscow: Kanon-Press, Kuchkovo Pole Publ., 384 p.

Francella, F. and Bannister, D. (1987). *Novyy metod issledovaniya lichnosti: rukovodstvo po repertuarnym lichnostnym metodikam* [The new method of personality research: A guide to repertory personal techniques]. Moscow: Progress Publ., 236 p.

Iberla, K. (1980). *Faktornyy analiz* [Factor analysis]. Moscow: Statistika Publ., 398 p.

Kelly, G.A. (1955). *The psychology of personal constructs: in 2 vols*. New York: W.W. Norton & Company Publ., 1218 p.

Okun', Ya. (1974). *Faktornyy analiz* [Factor analysis]. Moscow: Statistika Publ., 200 p.

Petrenko, V.F. (1974). [Dynamics of semantic search]. *Issledovanie rechemyslitel'noy deyatel'nosti* [Research of reflective activity]. Alma-Ata, pp. 109–118.

Petrenko, V.F. (1976). [On the issue of semantic analysis of the sensual image]. *Vospriyatie i deyatel'nost', pod red. A.N. Leont'eva* [A.N. Leontyev (ed.) Perception and activity]. Moscow: MSU Publ., pp. 268–292.

Petrenko, V.F. (1978). *Psikhologicheskoe issledovanie znacheniya na slovesnom i obraznom urovnyakh: dis. … kand. psih. nauk* [Psychological study of meaning at the verbal and figurative levels: dissertation]. Moscow, 149 p.

Petrenko, V.F. (1983). *Vvedenie v eksperimental'nuyu psikhosemantiku: issledovanie form reprezentatsii v obydennom soznanii* [Introduction to experimental psychosemantics: a study of forms of representation in ordinary consciousness]. Moscow: MSU Publ., 177 p.

Petrenko, V.F. and Alieva, L.A. (1987). [Study of ethnic stereotypes using multiple identification methods]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 8, no. 6, pp. 46–54.

Petrenko, V.F. and Kucherenko, V.V. (1986). [Influence of emotions on the process of categorization]. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii «Emotsional'naya regulyatsiya uchebnoy i trudovoy deyatel'nosti»* [Abstracts of reports of the All-Union Conference «Emotional regulation of educational and labor activities»]. Moscow, Odessa, p. 233.

Petrenko, V.F. and Kucherenko, V.V. (1988). [Association of emotions and colors]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 3, pp. 70–78.

Petrenko, V.F. and Kucherenko, V.V. (2008). [Meditation as a form of non-mediated knowledge]. *Voprosy Filosofii*. No. 8, pp. 83–101.

Petrenko, V.F. and Kucherenko, V.V. (2019). [Theory and practice of sensorimotor psychosynthesis]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 89, no. 2, pp. 147–156. DOI: https://doi.org/10.31857/s0869-5873892147-156

Petrenko, V.F., Kucherenko, V.V. and Rossokhin, A.V. (1998). [Altered states of consciousness as a psychological reality]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of a Practicing Psychologist]. No. 4, pp. 81–93.

Petrenko, V.F., Kucherenko, V.V. and Vyalba, A.P. (2006). [Psychosemantics of altered states of consciousness (based on the material of hypnotherapy of alcoholism)]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 27, no. 5, pp. 16–27.

Petrenko, V.F. and Mitina, O.V. (1991). [Semantic space of political parties]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 12, no. 6, pp. 55–77.

Petrenko, V.F. and Mitina, O.V. (1997). [Attitude of Russian citizens to reforms and typology of political attitudes]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 18, no. 5, pp. 31–61.

Petrenko, V.F. and Mitina, O.V. (2018). *Politicheskaya psikhologiya: psikhosemanticheskiy podkhod* [Political psychology: a psychosemantic approach]. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium Publ., 590 p.

Petrenko, V.F., Mitina, O.V. and Shevchuk, I.V. (1993). [Socio-political scientific study of public consciousness of residents of Kazakhstan]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 14, no. 1, pp. 53–88.

Petrenko, V.F. and Suprun, A.P. (2014). [Quantum physics and psychology in the context of post-nonclassical rationality]. *Metodologiya sovremennoy psikhologii: sb. st.* [Methodology of Modern Psychology: collection of articles]. Iss. 4, pp. 194–215.

Petrenko, V.F. and Suprun, A.P. (2017). *Metodologicheskie peresecheniya psikhosemantiki soznaniya i kvantovoy fiziki* [Methodological intersections of psychosemantics of consciousness and quantum physics]. Moscow, St. Petersburg: Nestor–History Publ., 380 p.

Petrenko, V.F. and Suprun, A.P. (2021). [Influence of the reference system on the construction of the image of the world in psychology and physics]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 42, no. 4, pp. 50–58. DOI: https://doi.org/10.31857/s020595920016016-3

Received: 01.10.2022. Accepted: 21.10.2022

Об авторе

Петренко Виктор Федорович
доктор психологических наук,
член-корреспондент РАН, профессор

заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
125009, Москва, ул. Моховая, 11/9;

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;

e-mail: victor-petrenko@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6122-6172
ResearcherID: I-4783-2012

About the author

Viktor F. Petrenko
Doctor of Psychology,
corresponding member of RAS, Professor

Head of the Laboratory of Communication Psychology and Psychosemantics,
Lomonosov Moscow State University,
11/9, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia;

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,
13, Yaroslavskaya st., Moscow, 129366, Russia;

e-mail: victor-petrenko@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6122-6172
ResearcherID: I-4783-2012

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Петренко В.Ф. Путь в психологию: о становлении экспериментальной психосемантики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 520–530.
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-520-530

For citation:
Petrenko V.F. [The way to psychology: on the development of experimental psychosemantics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 520–530 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-520-530

УДК 159.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-531-542

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МОТИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Митина Ольга Валентиновна, Бачкала Анна Петровна,
Морозова Ольга Владимировна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Пандемия COVID-19 принесла человеку страх за себя и своих близких, фрустрацию в результате изменения привычного поведения, что привело к эмоциональной динамике и, как следствие, к изменению мотивационной структуры не только случайным образом на индивидуальном уровне, но и систематически на групповом уровне. Предложенные в статье два варианта атрибутивной мотивационной психосемантической методики позволили построить операциональные модели мотивационного пространства на основе действий и суждений о пандемии актуальных на момент ее апогея (конец 2020-го – 2021-й гг.) В рамках двух исследований, проведенных в Москве и Ташкенте, были выделены категориальные структуры мотивационного пространства отношения к пандемии COVID-19, проявляющегося на когнитивном и поведенческом уровнях. 1) В Ташкенте мотивационные конструкты атрибутировались убеждениям относительно пандемии COVID-19 и поведению в этих условиях. В исследовании приняли участие 76 респондентов (38 мужчин и 38 женщин) в возрасте от 20 до 33 лет (M = 23,8, SD = 3,4). 2) В Москве мотивационные конструкты атрибутировались поступкам. Было опрошено 112 респондентов (74 женщин и 38 мужчин), в возрасте от 15 до 72 лет (M = 33,2, SD = 15,2). В обоих исследованиях выборка осуществлялась по принципу снежного кома: участники исследования привлекали респондентов из числа своих знакомых. Данные были проанализированы с помощью факторного анализа. В обоих случаях на первый план (как первый фактор) вышел мотив *Безопасности*, далее шли мотивы *Усиление социальных связей* и *Самодетерминация*. Четвертые факторы в двух исследованиях различаются: на ташкентской выборке был выделен мотив *Недоверия*, а на московской — *Конформизм*. Полученные результаты осмысленны нами в рамках теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана и теории мотивации А. Маслоу.

Ключевые слова: психосемантика, пандемия COVID-19, диагностика, мотивация, потребность в безопасности.

THE STUDY OF THE MOTIVATIONAL STRUCTURE OF THE COLLECTIVE SUBJECT UNDER THE CONDITIONS OF THE COVID-19 PANDEMIC: A PSYCHOSEMANTIC APPROACH

Olga V. Mitina, Anna P. Bachkala, Olga V. Morozova

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

The pandemic has brought humans fear for themselves and their loved ones, and frustration because of changes in habitual behavior. All this led to emotional dynamics and, therefore, to changes in the motivational structure not only randomly at the individual level, but also systematically at the group level. We have developed two attributive psychosemantic techniques that we used to construct operational models of motivational space based on actions and judgments actual at the time of the pandemic. In two studies conducted in Moscow and Tashkent, we aimed to identify and study the motivational features of behavior during the COVID-19 pandemic. 1) In Tashkent, the motivational space was constructed using the methodology of attribution of motives to beliefs about COVID-19. The study involved 76 respondents (38 men and 38 women) between the ages of 20 and 33

© Митина О.В., Бачкала А.П., Морозова О.В., 2022

(M = 23,8, SD = 3,4). 2) The method of attribution of motives to behavior was applied in Moscow. We surveyed 112 respondents (74 females and 38 males), aged 15 to 72 years (M = 33.2, SD = 15.2). In both studies, we used a snowball sampling technique (research participants asked their acquaintances to be surveyed). The data were analyzed using factor analysis. In both cases, the *Safety* motive was extracted as the first factor, followed by the motives of *Strengthening social relations* and *Self-Determination*. The fourth factor differed: in the Tashkent sample, the motive of *Distrust* was extracted, and in the Moscow one, *Conformism*. We interpreted the results in the framework of the self-determination theory of E. Desi and R. Ryan and the motivation theory of A. Maslow.
Keywords: the need for safety, psychosemantic, COVID-19 pandemic, diagnostic, motivation.

Введение

Коронавирусная инфекция и применяемые правительством меры противодействия ей резко изменили привычный ход жизни людей. Помимо того факта, что наибольшее количество смертей на протяжении истории случились в результате инфекционных заболеваний, дополнительная паника была вызвана стремительным распространением информации через СМИ и общением в социальных сетях. Все это привело к тому, что доминирующей эмоциональной реакцией во время пандемии был страх [Ардашев Р.Г., 2020; Первичко Е.И. и др., 2020].

Одной из главных мер противодействия распространению COVID-19 являлась длительная самоизоляция, которая обострила проблемы как на социальном, так и семейном уровне. Ее травматичность для психики главным образом связана с тем, что она противоречит естественному стремлению к связи с другими [Боулби Д., 2003]. В то же время исследования показали, что принудительное совместное проживание является фактором риска агрессии и домашнего насилия [Sacco M.A., 2020]. В результате человек оказался под двусторонним давлением: угроза физическому здоровью с одной стороны, и психическому благополучию — с другой.

Проблема мотивации стала одной из самых обсуждаемых. Из-за пандемии от людей потребовались резкие изменения привычного паттерна поведения, были противопоставлены индивидуальные и коллективные интересы [Григорьева Н.С., 2021]. В связи с этим мы предположили, что мотив личного благополучия будет противопоставлен мотиву сохранения общественной безопасности. Психологическое благополучие предполагало поддержание неформальных социальных контактов, а материальное благополучие зачастую требовало непосредственного взаимодействия, связанного с профессиональной деятельностью. И то, и другое входило в противоречие с карантинными мерами, направленными на поддержание общественной безопасности.

Однако существующие способы диагностики нуждались в адаптации к изменившимся условиям. В рамках развития психосемантического подхода неоднократно была обоснована достоверность, надежность, эффективность использования психосемантических методик для проведения исследований мотивационной структуры, когда речь идет об обобщенном коллективном субъекте [Петренко В.Ф., Супрун А.П., 2015; Петренко В.Ф., 2005].

Мы разработали два варианта атрибутивной мотивационной психосемантической методики, которые позволили нам учесть измененный контекст проводимых исследований. Подобно другим психосемантическим методикам, они в большей степени свободны от психологических защит и неискренности испытуемых, и в то же время дают богатый количественный материал, что позволяет объективно анализировать результаты [Петренко В.Ф., 2005].

Материал и методы

Суть метода мотивационной атрибуции в рамках психосемантического подхода заключается в том, что респондент заполняет опросник, где приписывает (атрибутирует) поступкам, суждениям, мнению, отношению возможные мотивы поведения (в каждом случае оценивает эту возможность в баллах), как если бы это относилось к другому человеку [Петренко В.Ф., 1983]. Различные по содержанию объекты оценивания (поступки, отношения и пр.) оказываются близкими в семантическом мотивационном пространстве благодаря сходству определяющих их мотивов и близкого личностного смысла для человека [Петренко В.Ф., 2005].

Чтобы избежать опасности субъективного выбора шкал-мотивов, изначальные списки мотивов поведения были составлены на основе уточненной теории базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца, а также предварительного опроса респондентов, целью которого было накопление большого количества объяснения того или иного отношения к пандемии и поведения в ее условиях, фактически существующих в обыденном сознании. Затем из коррелирующих в пилотаже шкал были исключены или объединены схожие по смыслу мотивы.

Дж. Келли определяет конструкт как биполярный признак [Келли Дж.А., 2000; Похилько В.И., 1984]. При разработке методик мы отошли от такого понимания. В нашем случае испытуемые могли оценивать поступки по мотивам как по униполярным шкалам. Такой способ выставления баллов выбран в связи с его привычностью и интуитивной понятностью для респондентов.

Схожим способом были выбраны поступки и суждения о тех или иных поступках, используемые для исследования. Для этого сначала был проведен контент-анализ научных и новостных статей, рассматривающих поведение людей при пандемии, а затем был составлен опрос о том, какие поступки и суждения, по мнению респондентов, ассоциируются с пандемией COVID-19. Наиболее часто встречающиеся ответы были отобраны для дальнейшего использования в опроснике.

Исследование 1. Построение категориальной структуры мотивационного пространства убеждений (Ташкент, вторая половина 2020 – первая половина 2021 гг.)

Вариант методики, использованной в Ташкенте, включает 20 первичных шкал мотивов и 12 суждений о поступках и поведении в условиях пандемии (см. Приложение). В исследовании приняли участие 76 респондентов (38 мужчин и 38 женщин) в возрасте от 20 до 33 лет (M = 23,8, SD = 3,4).

Теория Ш. Шварца, на которой основан опросник, рассматривает ценности как мотивационные конструкты и определяет их основные черты. Ценности неразрывно связанны с эмоциями, относятся к желаемым целям, побуждают к действию и выходят за рамки конкретных действий и ситуаций [Шварц Ш. и др., 2012; Schwartz S.H., 2012].

Построение семантического пространства выполнялось с помощью факторизации массива данных, составленного из индивидуальных массивов респондентов [Митина О.В., 2015]. Мотивы выступали в качестве первичных переменных.

Факторы были выделены методом главных компонент с применением косоугольного вращения облимин и отобраны с использованием критерия Кайзера. В результате обработки было выделено 4 однополюсных фактора, объясняющих 41,2 %, 10 %, 8,9 %, 5,3 % общей дисперсии соответственно. Ниже приведем пункты, получившие наибольшие по модулю факторные нагрузки по каждому фактору (полная матрица факторных нагрузок приводится в Приложении); их корреляции представлены в табл. 1.

Первый фактор *Безопасность* образован следующими первичными переменными:

5. Из чувства страха за своих близких	0,875[1]
13. Из чувства страха за себя и свою жизнь	0,782
7. Чтобы сохранить свое здоровье	0,758
15. Из чувства ответственности за свою жизнь и жизнь близких	0,757

В данный фактор вошли пункты, связанные с избеганием угроз жизни и здоровью, они отражают стремление защитить себя и своих близких.

Суждения, которые, с точки зрения респондентов, могут обеспечить безопасность, т.е. имеют наибольшие баллы по фактору 1 (см. табл. 2): детальное ознакомление со всей доступной информацией относительно COVID-19, соблюдение всех требований общественной санитарной безопасности, соблюдение мер социальной дистанции.

Второй фактор *Усиление* социальных связей образован следующими первичными переменными:

8. Чтобы ощутить одобрение со стороны других людей	0,796
18. Чтобы придерживаться традиций, принятых в обществе (народе)	0,783
6. Потому что так делали все, последовал(а) за остальными	0,703
10. Чтобы ощутить себя любимым	0,682
19. Чтобы ощутить власть, контроль над другими людьми	0,551
9. Чтобы сохранить хорошие отношения с близкими	0,545
14. Чтобы избежать административного наказания (штрафа, официального замечания) со стороны государства	0,443

В данный фактор вошли пункты, отражающие связь с другими людьми, включенность в социальные общности, влияние, близость и конформизм. Анализ суждений, которые получили максимальные факторные баллы по этому фактору, позволяют сделать вывод, что в обыденном сознании требования общественной санитарной безопасности воспринимаются как система социальных правил и норм, регулирующих и позволяющих государству контролировать жизнь социума.

Третий фактор *Самодетерминация* образован следующими первичными переменными:

[1] Здесь и далее указаны факторные нагрузки первичных шкал по соответствующему фактору.

2. Чтобы сделать свою жизнь разнообразнее (испытать новый опыт, новые ощущения)	0,854
1. Чтобы самостоятельно и свободно принимать решение о своих дальнейших поступках	0,803
20. Чтобы чувствовать, что остаешься верен своим принципам и идеалам	0,660
4. Чтобы справиться с жизненными трудностями	0,612

Данный фактор объединяет пункты, отражающие ориентацию на себя и сконцентрированность на собственных задачах (на индивидуальном уровне), его содержание схоже с понятием самодетерминации (или автономии) Э. Деси и Р. Райана [Ryan R.M., Deci E.L., 2000]. Логично, что максимальный балл по этому фактору получило суждение, рассматривающее пандемию как осознание новых возможностей для самореализации, самораскрытия.

Четвертый фактор *Недоверие* образован следующими первичными переменными:

16. Из-за отсутствия веры в действия властей	0,643
19. Чтобы ощутить власть, контроль над другими людьми	0,537

Пункты, вошедшие в этот фактор, отражают отсутствие веры людей в то, что государственные органы могут действенно противостоять пандемии. Суждения, получившие максимальные баллы по этому фактору, связаны с подозрительностью и недоверием: «COVID-19 — это оружие, которое по неосторожности его создателей, вышло из-под контроля», «социальные ограничения диктуются желанием государства контролировать людей».

Согласно нашей интерпретации, второй и третий факторы отражают внутреннюю мотивацию по Деси и Райану [Ryan R.M., Deci E.L., 2000; Гордеева Т.О., 2013], а безопасность и недоверие оттесняют исходные мотивы. Причем среди интегральных мотивов внутренней мотивации ведущим является «Усиление социальных связей»; думается, это может быть связано с тем, что этот мотив особо значим в узбекской культуре.

Таблица 1. Корреляции факторов

Table 1. Factor correlations

Фактор	*1. Безопасность*	*2. Социальные связи*	*3. Самодетерминация*	*4. Недоверие*
1. Безопасность	1	0,376	0,335	0,128
2. Социальные связи	0,376	1	0,321	0,279
3. Самодетерминация	0,335	0,321	1	0,110
4. Недоверие	0,128	0,279	0,110	1

В табл. 2 представлены усредненные факторные баллы, которые получили суждения по каждому фактору. Отметим, что для каждого фактора были выявлены суждения, задающие полюса этих факторов, что можно интерпретировать как пути удовлетворения этих мотивов (в случае положительного факторного балла) или, наоборот, препятствия им (если факторный балл отрицательный).

По каждому фактору существуют значимые (p-значение менее 0,001) различия в атрибутировании тех или иных мотивов суждений, используемых в опроснике. Таким образом, можно говорить о достоверности выделенных факторов. Хотя в нашем исследовании были выделены только униполярные факторы, тем не менее анализ суждений, оказавшихся на отрицательных полюсах факторов, подразумевает имплицитную антонимию. Так, отрицательное и высокое значение суждения о молитве и покаянии как способе избежать заражения по фактору *самодетерминации* позволяет сделать предположение о том, что оппозицию самодетерминации в сознании респондентов составляет религиозная покорность. На отрицательном полюсе фактора *Недоверие* с высоким баллом оказалось суждение о необходимости опираться на внутренние психологические ресурсы, что позволяет говорить о приобретенной подозрительности как сопутствующему симптому общей депрессии на фоне пандемии.

Исходя из принятой в подобных исследованиях трактовки результатов приписывания мотивов можно предположить, что чем более актуален мотив для респондента, тем в большей степени он атрибутирует этот мотив по отношению к оцениваемым объектам [Петренко В.Ф., 1989]. Поэтому усредненный показатель факторных баллов оцениваемых объектов (в данном случае суждений) у одного респондента может служить мерой актуализированности у него данного мотива.

Таблица 2. Усредненные факторные баллы, которые получили суждения по выделенным интегральным мотивам

Table 2. Averaged factor scores that the beliefs received according to the extracted integral motives

Суждения	*1. Безопасность*	*2. Социальные связи*	*3. Самодетерминация*	*4. Недоверие*
1. Полагать, что пандемия — это новый опыт для всего человечества, который даст толчок к развитию	-0,062	-0,164	**0,298**	-0,212
2. Полагать, что COVID-19 — это оружие, которое по неосторожности его создателей, вышло из-под контроля	-0,483	-0,075	-0,511	**0,519**
3. Полагать, что социальные ограничения диктуются желанием вышестоящих органов страны контролировать общество	-0,251	**0,265**	-0,450	**0,424**
4. Считать, что человек может самостоятельно о себе позаботиться в период пандемии	0,207	-0,104	**0,449**	0,053
5. Полагать, что необходимо детально ознакомиться со всей доступной информацией относительно COVID-19	**0,705**	-0,052	0,326	0,106
6. Полагать, что пандемия — это временное явление, терпимо относится к существующему положению дел	-0,059	0,024	0,265	-0,228
7. Полагать, что условия пандемии — это новые возможности для самореализации (генерировать идеи, учиться чему-то новому, найти дополнительную работу)	-0,324	0,020	**0,862**	-0,060
8. Полагать, что необходимо соблюдать все требования общественной санитарной безопасности и требовать этого от других (при необходимости в настойчивой форме)	**0,646**	**0,276**	-0,343	-0,150
9. Полагать, что страх перед COVID-19 и пандемией явно преувеличен	**-0,383**	**0,003**	0,041	0,256
10. Полагать, что нарушение мер социальной дистанции и непосредственное общение с людьми может угрожать здоровью и жизни	**0,521**	**0,137**	-0,392	-0,190
11. Полагать, что молитва и покаяние помогает избежать заражения коронавирусом	**-0,452**	**-0,232**	-0,798	-0,103
12. Полагать, что внутренние психологические ресурсы (правильные убеждения, вера в себя, здоровое окружение) являются иммунитетом против COVID-19	**-0,065**	**-0,098**	0,253	-0,417

Исследование 2. Построение категориальной структуры мотивационного пространства поступков (Москва, первая половина 2021 г.)

В Москве мотивационные конструкты атрибутировались поступкам (20 мотивов и 21 поступок). Их список представлен в Приложении. Было опрошено 112 респондентов (74 женщин и 38 мужчин, 66 % и 34 % соответственно) в возрасте от 15 до 72 лет (M = 33,2, SD = 15,2).

Построение мотивационного семантического пространства выполнялось с помощью факторизации массива данных, мотивы выступали в качестве первичных переменных. Факторы выделены методом главных компонент с применением косоугольного вращения облимин и отобраны критерием Кайзера. В результате обработки было выделено 4 однополюсных фактора, объясняющих 36,7 %, 17,2 %, 7,2 %, 4,9 % общей дисперсии соответственно, их корреляции представлены в табл. 3. Аналогично представлению результатов исследования 1 далее приведем пункты, получившие наибольшие по модулю факторные нагрузки по каждому фактору (полная матрица факторных нагрузок приводится в Приложении).

Первый фактор *Безопасность* образован следующими первичными переменными:

13. Чтобы обеспечить безопасность близких и друзей	0,891
11. Чтобы беречь свое здоровье	0,835
14. Ради безопасности и стабильности общества и страны	0,745
19. Чтобы заботиться о близких и о других людях	0,709

Этот фактор отражает мотивацию благополучия себя и других, направленность на главную задачу в условиях пандемии. По составу пунктов этот фактор похож на первый фактор (также *Безопасность*), полученный в исследовании на Ташкентской выборке. Поступки, которые с точки зрения респондентов могли бы обеспечить безопасность (т.е. получившие максимальные баллы по первому фактору): «По возможности оставаться дома, избегать личного общения и публичных мероприятий», «Изолировать детей от членов семьи преклонного возраста», «При появлении симптомов, которые могут указывать на заболевание COVID-19 обращаться за медицинской помощью», «Пройти вакцинацию от COVID-19 при первой возможности».

Второй фактор *Самодетерминация* образован следующими первичными переменными:

3. Чтобы сохранять привычный образ жизни или чувствовать себя удобно, комфортно	0,869
4. Чтобы самостоятельно принимать решения, касающиеся своей жизни и иметь свободу выбора в поступках	0,761
6. Чтобы наслаждаться жизнью и хорошо проводить время	0,733
12. Ради поддержания психического благополучия (например: для избегания стресса или подавленности)	0,657
1. Чтобы иметь свою точку зрения, понимать вещи по-своему	0,541
5. Чтобы не скучать, получать впечатления и эмоциональное возбуждение	0,476

Содержание этого фактора отражает направленность на себя, сохранение удобства, комфорта в новых условиях. Поступки, которые, по мнению респондентов, способствуют удовлетворению этого мотива, прежде всего направлены на поддержание психического здоровья: следовать распорядку дня, вести активный образ жизни, контролировать свое питание, больше отдыхать, стараться отвлечься от событий, связанных с пандемией. В исследовании на Ташкентской выборке данный фактор оказался третьим и имеет скорее экзистенциальный характер, связанный в большей степени с психологическим ростом, а не психологическим благополучием.

Третий фактор *Усиление социальных связей* образован следующими первичными переменными:

8. Чтобы быть лидером и указывать людям, что делать	0,797
10. Чтобы получать похвалу, восхищение, положительную оценку и не быть опозоренным.	0,743
7. Чтобы быть успешным в делах или занимать социально престижный статус	0,672
9. Чтобы получить материальную выгоду или сэкономить деньги.	0,625
2. Чтобы работать, трудиться или учиться чему-то новому.	0,532
20. Чтобы ощущать себя частью группы людей и не чувствовать себя одиноким	0,457

Как мы видим, мотивы, сгруппированные здесь, отражают стремление к признанию, успеху и одобрению. Самое действенное здесь, с точки зрения респондентов, — включиться в волонтерскую деятельность в проектах, связанных с COVID-19.

Четвертый фактор *Конформизм* образован следующими первичными переменными:

18. Чтобы поступать как все, не выделяться	0,850
16. Чтобы избежать административных санкций.	0,813
17. Чтобы не раздражать и не беспокоить других людей	0,763

В данной группе факторов прослеживается стремление к избеганию социального отвержения. В Ташкентской выборке *Конформизм* и стремление к *Усилению социальных связей* были объединены в один общий фактор. Этот фактор достаточно высоко коррелировал с *Безопасностью* (r = 0,376) и *Самодетерминацией* (r = 0,321). Во втором исследовании расщепление на две компоненты привело к тому, что *Усиление социальных связей* больше коррелирует с *Самодетерминацией* (r = 0,384) и меньше — с *Безопасностью* (r = 0,202), а *Конформизм*, наоборот, в большей степени коррелирует с *Безопасностью* (r = 0,440) и практически не связан с *Самодетерминацией* (r = 0,058). Поступки, получившие максимальные баллы по этому фактору, связаны с соблюдением социальных правил и норм поведения, принятых в условиях пандемии: соблюдение социальной дистанции, использование средств индивидуальной защиты в общественных местах.

Таблица 3. Корреляции факторов

Table 3. Factor correlations

Фактор	*1. Безопасность*	*2. Самодетерминация*	*3. Усиление социальных связей*	*4. Конформизм*
1. Безопасность	1,000	0,093	0,202	0,440
2. Самодетерминация	0,093	1,000	0,384	0,058
3. Усиление социальных связей	0,202	0,384	1,000	0,348
4. Конформизм	0,440	0,058	0,348	1,000

Таблица 4. Усредненные факторные баллы, которые получили поступки по выделенным интегральным мотивам

Table 4. Averaged factor scores that the acts received according to the extracted integral motives

Поступки	*1. Безопасность*	*2. Самодетерминация*	*3. Социальные связи*	*4. Конформизм*
1. Не использовать средства индивидуальной защиты в общественных местах	-0,639	0,023	-0,302	-0,097
2. Каждый день узнавать последнюю информацию о COVID-19	0,337	-0,112	-0,033	0,074
3. Соблюдать рекомендации для профилактики COVID-19 (например: чаще мыть руки, соблюдать дистанцию с людьми 1.5-2 метра и т.д.)	**0,802**	-0,150	-0,078	**0,546**
4. Изолировать детей от членов семьи преклонного возраста	0,340	-0,695	-0,369	0,010
5. Ничего не предпринимать при появлении симптомов, характерных для COVID-19	-0,971	-0,045	-0,137	-0,326
6. Пройти вакцинацию от COVID-19 при первой возможности	**0,602**	0,289	0,305	0,280
7. Быть волонтером в проектах связанных с COVID-19	0,138	-0,362	**0,902**	-0,373
8. Требовать от окружающих использования средств индивидуальной защиты или требовать соблюдения рекомендаций для профилактики COVID-19	**0,683**	-0,366	0,235	-0,035
9. Использовать неэффективные средства индивидуальной защиты в общественных местах (например: носить незащищающую маску)	-0,947	-0,312	-0,284	0,461
10. Стараться отвлечься от событий связанных с пандемией	-0,462	**0,730**	0,016	-0,307
11. Уделять близким людям больше внимания во время самоизоляции	-0,012	0,142	0,170	-0,182
12. Отказаться от вакцинации от COVID-19, так как она не всем подходит в силу некоторых обстоятельств	-0,362	0,101	-0,340	-0,411
13. Требовать от детей соблюдения санитарных норм и использования средств индивидуальной защиты	**0,600**	-0,311	-0,001	0,265
14. Не выходить лишний раз из дома, избегать личного общения и публичных мероприятий	**0,603**	-0,329	-0,224	0,451
15. Заботиться о себе во время пандемии (например: следовать распорядку дня, вести активный образ жизни, контролировать свое питание, больше отдыхать)	0,167	**0,748**	0,296	-0,394
16. При появлении симптомов, которые могут указывать на заболевание COVID-19 оставаться дома и обращаться за медицинской помощью	**0,844**	-0,379	-0,296	0,483
17. Не переходить на удаленную работу во время пандемии, даже если есть такая возможность	-0,878	0,332	0,476	-0,472
18. Намеренно избегать новостей связанных с COVID-19	-0,741	0,244	-0,452	-0,491
19. Использовать средства индивидуальной защиты в общественных местах (например: носить медицинскую маску, перчатки и т.д.)	**0,805**	-0,124	0,107	**0,942**
20. Ходить в гости	-0,908	0,576	0,008	-0,424

Обсуждение результатов

Наше изначальное предположение о конфликте мотивов личного благополучия и общественной безопасности не подтвердилось. Мотив общественной безопасности оказался личностно интегрирован, вопреки нашим ожиданиям. Несмотря на то, что первичные шкалы (мотивационные конструкты) опросников в Ташкенте и в Москве были разными, актуальными для каждой страны, модели мотивации коллективных субъектов получились сходными. Они отражают деформацию структуры исходных потребностей и мотивов самодетерминации, взаимосвязи с другими и обращение к важнейшим фундаментальным потребностям в безопасности. Вслед за *Безопасностью,* которая в обеих странах занимает ведущее место, в Москве сильнее выражен интегральный мотив *Самодетерминация*, а в Ташкенте — *Взаимосвязь с другими*. Мы считаем, что данное различие объясняется тем, что узбекская культура является в большей степени коллективистской, чем российская.

Говоря о главенстве безопасности в коллективном сознании, укажем, что по А. Маслоу потребность в ней относится к фундаментальным потребностям человека [Маслоу А., 2003]. Оказавшись под угрозой, потребность в безопасности выходит на первый план в сознании людей и перестраивает их деятельность [Маслоу А., 2003]. Конформизм в контексте пандемии выступает как реализация потребности в безопасности. В понятиях внутренней и внешней мотивации можно сказать, что выделение фактора *Безопасность* отдельно от фактора *Самодетерминация* свидетельствует о том, что безопасность в общественном сознании не входит в фактор *Самодетерминация* и относится к внешней мотивации (по Э. Деси и Р. Райану). В связи с этим логично предположить, что высокая выраженность данного аспекта мотивации приводит к дистрессу и негативно сказывается на внутренней мотивации, которая в нашей модели представлена факторами *Самодетерминация* и *Усиление социальных связей*. Потребность в безопасности мобилизует силы организма, а длительная мобилизация в совокупности с неопределенностью вызывает истощение.

Ситуация пандемии деформирует мотивационную структуру в сторону внешней мотивации. Это объясняет стресс, массовые увольнения и другие распространенные негативные явления пандемии. Помимо этого, вероятно, мотивационное значение поступков постоянно меняется, флуктуирует, т.к. ограничения и правила непредсказуемо налагаются и снимаются, в новостном поле представлена противоречивая информация, что не может не отразиться на мотивационном пространстве.

Заключение

Наше исследование посвящено, прежде всего, потребности в безопасности и ее месту в мотивационной структуре человека, оказавшегося в ситуации пандемии COVID-19. Диагностика мотивационного пространства на уровне коллективного субъекта позволяет выявлять основные мотивы, доминирующие в сознании группы людей в целом, и судить об имеющихся проблемах социального уровня.

Принципы построения обеих методик были одинаковы. Различия в первичных шкалах и объектах шкалирования методик обусловлены именно актуальностью содержания для каждой выборки. В обоих случаях речь идет о русскоязычных респондентах. Результаты, полученные при всех имеющихся различиях, одинаковые. Главный вывод заключается в том, что независимо от культурной специфики, возраста, этнического состава люди переживали пандемию как угрозу личной безопасности.

Выделенные компоненты не могут предсказывать, как поведет себя тот или иной испытуемый, но они отражают личностную значимость, представленность в сознании некоторой проблематики. В результате факторного анализа в фактор *Самодетерминация* поступки, связанные с безопасностью, вошли с нагрузкой ниже 0,4. Таким образом, в сознании коллективного субъекта поступки, ассоциирующиеся с безопасностью, относятся к внешней мотивации. Здоровье не воспринимается как ценность в обыденном сознании без угрозы его лишиться. В ситуации пандемии безопасность оказывается отнесенной к внешней мотивации как в связи со страхом заразиться, так и в связи с введением ограничений и обязательств, предполагающих совершение определенных действий для обеспечения прежде имеющегося блага.

Таким образом, в результате проведенного исследования были разработаны и применены на практике схожие методики, которые учитывают культурный контекст и позволяют определять основные интегральные мотивы поведения в условиях социальных ограничений.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 21-18-00624.

Acknowledgements

The research was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of research project no. 21-18-00624.

Приложение 1

Таблица 5. Полная матрица факторных нагрузок для исследования, проведенного в Ташкенте

Table 5. Factor loadings matrix for the study conducted in Tashkent

	1. Безопасность	*2. Социальные связи*	*3. Самодетерминация*	*4. Недоверие*
5. Из чувства страха за своих близких	0,875	0,060	-0,114	0,043
13. Из чувства страха за себя и свою жизнь	0,782	0,141	-0,074	0,136
7. Чтобы сохранить свое здоровье	0,758	0,034	0,184	-0,076
15. Из чувства ответственности за свою жизнь и жизнь близких	0,757	0,027	0,188	-0,067
11. Чтобы проявить любовь и заботу о близких	0,586	0,254	0,273	-0,300
17. Из-за страха перед будущим	0,574	0,064	0,062	0,372
3. Чтобы получить больше информации о Covid-19 и пандемии	0,359	0,077	0,359	0,157
8. Чтобы ощутить одобрение со стороны других людей	0,044	0,796	0,014	-0,006
18. Чтобы придерживаться традиций, принятых в обществе (народе)	-0,003	0,783	0,012	0,116
6. Потому что так делали все, последовал(а) за остальными	0,207	0,703	-0,147	0,060
10. Чтобы ощутить себя любимым	0,035	0,682	0,350	-0,194
19. Чтобы ощутить власть, контроль над другими людьми	-0,138	0,551	0,048	0,537
9. Чтобы сохранить хорошие отношения с близкими	0,329	0,545	0,251	-0,262
14. Чтобы избежать административного наказания (штрафа, официального замечания) со стороны государства	0,384	0,443	-0,154	0,158
2. Чтобы сделать свою жизнь разнообразнее (Испытать новый опыт, новые ощущения)	-0,200	0,137	0,854	-0,028
1. Чтобы самостоятельно и свободно принимать решение о своих дальнейших поступках	0,103	-0,106	0,803	0,063
20. Чтобы чувствовать, что остаешься верен своим принципам и идеалам	0,063	0,130	0,660	0,089
4. Чтобы справиться с жизненными трудностями	0,334	-0,155	0,612	0,037
16. Из-за отсутствия веры в действия властей	0,334	-0,040	0,128	0,643
12. Из материальных соображений (увеличить свой доход)	-0,217	0,391	0,350	0,512

Таблица 6. Полная матрица факторных нагрузок для исследования, проведенного в Москве

Table 6. Factor loadings matrix for the study conducted in Moscow

	1. Безопасность	*2. Самодетерминация*	*3. Социальные связи*	*4. Конформизм*
13. Чтобы обеспечить безопасность близких и друзей	0,891	-0,037	0,000	0,026
11. Чтобы беречь свое здоровье	0,835	0,148	0,140	0,031
14. Ради безопасности и стабильности общества и страны	0,745	-0,097	-0,196	0,128
19. Чтобы заботиться о близких и о других людях	0,709	-0,133	-0,239	0,168
15. Чтобы следовать социальным нормам, соблюдать правила и законы даже когда никто не видит	0,573	-0,042	-0,111	0,395
21. Чтобы быть надежным и заслуживающим доверия	0,471	-0,056	-0,416	0,238
3. Чтобы сохранять привычный образ жизни или чувствовать себя удобно, комфортно	-0,132	0,869	0,048	0,039

Окончание табл. 6

	1. Безопасность	*2. Самодетерминация*	*3. Социальные связи*	*4. Конформизм*
4. Чтобы самостоятельно принимать решения, касающиеся своей жизни и иметь свободу выбора в поступках	-0,055	0,761	-0,017	0,089
6. Чтобы наслаждаться жизнью и хорошо проводить время	-0,115	0,733	-0,154	0,055
12. Ради поддержания психического благополучия (например: для избегания стресса или подавленности)	0,381	0,657	0,176	0,082
1. Чтобы иметь свою точку зрения, понимать вещи по-своему	0,081	0,541	-0,175	-0,090
5. Чтобы не скучать, получать впечатления и эмоциональное возбуждение	-0,182	0,476	-0,452	-0,067
8. Чтобы быть лидером и указывать людям, что делать	0,095	-0,026	-0,797	0,013
10. Чтобы получать похвалу, восхищение, положительную оценку и не быть опозоренным.	0,147	-0,039	-0,743	0,122
7. Чтобы быть успешным в делах или занимать социально престижный статус	0,055	0,261	-0,672	-0,015
9. Чтобы получить материальную выгоду или сэкономить деньги.	-0,230	0,041	-0,625	0,268
2. Чтобы работать, трудиться или учиться чему-то новому.	0,248	0,320	-0,532	-0,224
20. Чтобы ощущать себя частью группы людей и не чувствовать себя одиноким	0,099	0,088	-0,457	0,350
18. Чтобы поступать как все, не выделяться	-0,051	0,058	-0,116	0,850
16. Чтобы избежать административных санкций.	0,111	-0,004	0,029	0,813
17. Чтобы не раздражать и не беспокоить других людей	0,177	0,098	0,034	0,763

Список литературы

Ардашев Р.Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: сб. ст. XI Всерос. с междунар. участием очной науч. конф. / под общ. ред. Н.Д. Субботиной, Ю.В. Гавриловой, Н.С. Зиминой. Чита: ЗабГУ, 2020. С. 82–88.

Боулби Д. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 480 с.

Гордеева Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития: дис. … д-ра психол. наук. М., 2013. 444 с.

Григорьева Н.С. Граждане и общество в условиях пандемии COVID-19: общественные интересы versus личная свобода // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. Вып. 84. С. 147–164. DOI: https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-147-164

Келли Дж.А. Психология личности: Теория личных конструктов: пер. с англ. СПб.: Речь, 2000. 249 с.

Маслоу А. Мотивация и личность: пер. с англ. СПб: Питер, 2003. 352 с.

Митина О.В. О некоторых методах анализа психосемантических данных // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сб. матер. III Всерос. конф. по психологической диагностике (Челябинск, 9–11 сентября 2015 г.): в 2 т. / отв. ред. Н.А. Батурин. Челябинск: Изд. центр ЮурГУ, 2015. Т. 1. С. 247–255.

Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б., Конюховская Ю.Е., Дорохов Е.А. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 119–146. DOI: https://doi.org/10.17759/cpse.2020090206

Петренко В.Ф. Основы психосемантики: учебник. СПб.: Питер, 2005. 480 с.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания: автореф. дис. … д-ра психол. наук. М., 1989. 48 с.

Петренко В.Ф. Психосемантические исследования мотивации // Вопросы психологии. 1983. № 3. С. 29–39.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Психосемантический подход к проблеме мотивации // Развитие личности. 2015. № 3. С. 158–177.

Похилько В.И. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 151–157.

Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70.

Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social develop-

ment, and well-being // American Psychologist. 2000. Vol. 55, iss. 1. P. 68–78. DOI: https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.1.68

Sacco M.A. The impact of the Covid-19 pandemic on domestic violence: The dark side of home isolation during quarantine // Medico-Legal Journal. 2020. Vol. 88, iss. 2. P. 71–73. DOI: https://doi.org/10.1177/0025817220930553

Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2, iss. 1. URL: https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/ (accessed: 14.11.2022). DOI: https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116

Получена: 01.10.2022. Принята к публикации: 21.10.2022

References

Ardashev, R.G. (2020). [Coronavirus as a strategy of irrational thinking: natural conditions and social framework]. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obschestve i cheloveke*: *sbornik statey XI Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem ochnoy nauchnaoy konferentsii* [The Problem of the Correlation between the Natural and the Social in Society and Man: a collection of articles 11th All-Russian full-time scientific conference with international participation]. Chita: TransbaikalSU Publ., pp. 82–88.

Bowlby, J. (2003). *Privyazannost'* [Attachment]. Moscow: Gardariki Publ., 480 p.

Gordeeva, T.O. (2013). *Motivatsiya uchebnoy deyatel'nosti shkol'nikov i studentov: struktura, mekhanizmy, usloviya razvitiya: dis. … d-ra psikhol. nauk* [Motivation of educational activity of schoolchildren and students: structure, mechanisms, development conditions: dissertation]. Moscow, 444 p.

Grigor'eva, N.S. (2021). [Citizens and society in the face of COVID-19 pandemic: Public interest versus individual freedom]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [E-journal. Public Administration]. Iss. 84, pp. 147–164. DOI: https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-147-164

Kelly, G.A (2000). *Psikhologiya lichnosti: Teoriya lichnykh konstruktov* [A theory of personality: The psychology of personal constructs]. St. Petersburg: Rech' Publ., 249 p.

Maslow, A. (2003). *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. St. Petersburg: Piter Publ., 352 p.

Mitina, O.V. (2015). [About some techniques for analyzing psychosemantic data]. *Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii. Preodolenie krizisa: sbornik materialov III Vserossiyskoy konferentsii po psikhologicheskoy diagnostike: v 2 t.* [Modern Pychodiagnostics of Russia. Overcoming the Crisis: Proceedings of the 3rd All-Russian Conference on Psychological Diagnostics: in 2 vols]. Chelyabinsk: SUSU Publ., vol. 1, pp. 247–255.

Pervichko, E.I., Mitina, O.V., Stepanova, O.B., Konyukhovskaya, Yu.E. and Dorokhov, E.A. (2020). [Perception of COVID-19 during the 2020 pandemic in Russia]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education]. Vol. 9, no. 2, pp. 119–146. DOI: https://doi.org/10.17759/cpse.2020090206

Petrenko, V.F. (1983). [Psychosemantic studies of motivation]. *Voprosy psikhologii*. No. 3, pp. 29–39.

Petrenko, V.F. (1989). Psikhosemantika soznaniya: avtoreferat dis. … d-ra psikhol. nauk [Psychosemantics of consciousness: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 48 p.

Petrenko, V.F. (2005). *Osnovy psikhosemantiki* [Fundamentals of psychosemantics]. St. Petersburg: Piter Publ., 480 p.

Petrenko, V.F. and Suprun, A.P. (2015). [Psychosemantic approach to the problem of motivation]. Razvitie lichnosti [Development of Personality]. No. 3, pp. 158–177.

Pokhil'ko, V.I. (1984). [The repertory grid technique in experimental psychology of personality]. *Voprosy psikhologii*. No. 3, pp. 151–157.

Ryan, R.M. and Deci, E.L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. Vol. 55, iss. 1, pp. 68–78. DOI: https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.1.68

Sacco, M.A. (2020). The impact of the Covid-19 pandemic on domestic violence: The dark side of home isolation during quarantine. *Medico-Legal Journal*. Vol. 88, iss. 2, pp. 71–73. DOI: https://doi.org/10.1177/0025817220930553

Schwartz, S.H. (2012). An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture*. Vol. 2, iss. 1. Available at: https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/ (accessed 14.11.2022). DOI: https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116

Schwartz, S.H., Butenko, T.P., Sedova, D.S. and Lipatova, A.S. (2012). [A refined theory of basic individual values: Application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 9, no. 2, pp. 43–70.

Received: 01.10.2022. Accepted: 21.10.2022

Об авторах

Митина Ольга Валентиновна
кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
факультет психологии

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
125009, Москва, ул. Моховая, 11/9;
e-mail: omitina@inbox.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2237-4404
ResearcherID: I-5194-2012

Бачкала Анна Петровна
студентка факультета психологии

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
125009, Москва, ул. Моховая, 11/9;
e-mail: annabachkala@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0886-1676
ResearcherID: GXV-7216-2022

Морозова Ольга Владимировна
студентка факультета психологии

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
125009, Москва, ул. Моховая, 11/9;
e-mail: olgamorosowanew@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0380-1113
ResearcherID: GXW-1962-2022

About the authors

Olga V. Mitina
Candidate of Psychology, Docen, Leading Researcher,
Faculty of Psychology

Lomonosov Moscow State University,
11/9, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia;
e-mail: omitina@inbox.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2237-4404
ResearcherID: I-5194-2012

Anna P. Bachkala
Student of the Faculty of Psychology

Lomonosov Moscow State University,
11/9, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia;
e-mail: annabachkala@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0886-1676
ResearcherID: GXV-7216-2022

Olga V. Morozova
Student of the Faculty of Psychology

Lomonosov Moscow State University,
11/9, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia;
e-mail: olgamorosowanew@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0380-1113
ResearcherID: GXW-1962-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Митина О.В., Бачкала А.П., Морозова О.В. Психосемантический подход к исследованию мотивационной структуры коллективного субъекта в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 531–542. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-531-542

For citation:
Mitina O.V., Bachkala A.P., Morozova O.V. [The study of the motivational structure of the collective subject under the conditions of the COVID-19 pandemic: a psychosemantic approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 531–542 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-531-542

УДК 159.923–057.875

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-543-553

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И ОБЪЕКТИВНЫХ КРИТЕРИЕВ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ СТУДЕНТОВ

Кожевникова Оксана Вячеславовна

Удмуртский государственный университет (Ижевск)

Категория личностной зрелости все чаще становится предметом научных исследований, в том числе реализуемых с использованием методов, применяемых в экспериментальной психосемантике. Целью данной работы является изучение соотношения субъективных характеристик и объективных критериев личностной зрелости студентов. Основная гипотеза исследования строится на предположении о том, что в субъективные представления студентов об уровне собственной личностной зрелости не совпадают с ее актуальным, объективно проявляемым уровнем. В ходе решения первой эмпирической задачи, связанной с изучением субъективных представлений студентов об уровне собственной личностной зрелости, был разработан специализированный семантический дифференциал. Создание исследовательского инструментария данного типа осуществляется в несколько этапов, среди которых: определение объектов оценивания, определение шкал оценивания, апробация специализированного семантического дифференциала. Массив эмпирических данных, полученных в результате применения специализированного семантического дифференциала, был обработан посредством эксплораторного факторного анализа. В результате было выделено два фактора — «субъектная позиция» и «позитивный настрой». Субъективные характеристики личностной зрелости отражаются через положение объекта «я в настоящем» в семантическом пространстве данных факторов. Представления о личностной зрелости у студентов, воспринимающих себя личностно зрелыми или незрелыми, в целом, идентичны, о чем свидетельствует сходная картина расположения большинства оцениваемых объектов, однако положение объекта «я в настоящем» отличается, что позволяет нам выделить две контрастные группы респондентов. По данным психодиагностического обследования, более высокий уровень личностной зрелости демонстрируют студенты, воспринимающие себя личностно незрелыми: они более ответственны, самостоятельны, автономны. Представленный алгоритм разработки специализированного семантического дифференциала может быть полезен исследователями, изучающими неосознаваемые, латентные, слабо инструментализированные психологические явления.

Ключевые слова: экспериментальная психосемантика, специализированный семантический дифференциал, эксплораторный факторный анализ, семантическое пространство, нелинейные закономерности в психологии, личностная зрелость.

CORRESPONDENCE BETWEEN SUBJECTIVE CHARACTERISTICS AND OBJECTIVE CRITERIA OF PERSONAL MATURITY OF UNIVERSITY STUDENTS

Oksana V. Kozhevnikova

Udmurt State University (Izhevsk)

The category of «personal maturity» is increasingly in the focus of scientific research including the ones implemented using experimental psychosemantic methods. The purpose of this work is to study the correspondence between of subjective characteristics and objective criteria of personal maturity of students. The main hypothesis of the study is based on the assumption that subjective ideas of students about the level of their own personal maturity do not coincide with its actual, objectively manifested level. While studying subjective ideas of students about

© Кожевникова О.В., 2022

the level of their own personal maturity, a specialized semantic differential technique was developed. The creation of research tools of this type is carried out in several stages, including identifying of evaluation objects, identifying of evaluation scales, testing of a specialized semantic differential. Empirical data obtained through application of a specialized semantic differential was processed by means of exploratory factor analysis. As a result, two factors «Subjective Position» and «Positive Attitude» were identified. Subjective characteristics of personal maturity are reflected through the position of the object «My present Self» in the semantic space of these factors. Ideas about personal maturity in students who perceive themselves as personally mature and immature are generally identical as evidenced by a similar pattern of the location of most evaluated objects, however, the position of the object «My present Self» is different which allows us to distinguish two contrasting groups of respondents. According to the psychodiagnostic evaluation, students who perceive themselves as personally immature demonstrate a higher level of personal maturity: they are more responsible, independent, autonomous, etc. The presented algorithm for developing a specialized semantic differential technique can be useful for researchers studying unconscious, latent, poorly instrumented psychological phenomena.
Keywords: experimental psychosemantics, specialized semantic differential, exploratory factor analysis, semantic space, nonlinear dependencies in psychology, personal maturity.

Введение

Вопросы психологической зрелости личности в последнее время все чаще попадают в фокус внимания исследователей и становятся предметом активного обсуждения как в научной среде, так и в повседневной жизни [Mann F.D. et al., 2021; Morales-Vives F. et al., 2020; Niiyama H. et al., 2018 и др.]. Тем не менее, несмотря на неуклонно возрастающий интерес к данному явлению, единого подхода к определению рассматриваемого понятия на сегодняшний день не существует. В самом широком смысле можно трактовать личностную зрелость как «психологический феномен, отражающий сформированность определенных компонентов в структуре личности, определяющих особенности жизнедеятельности субъекта, его взаимодействия с другими людьми, отношения к миру и к самому себе» [Кожевникова О.В., 2021, с. 432]. Это комплексное интегративное явление, детерминированное совокупностью внешних и внутренних факторов; формирование личностной зрелости происходит по индивидуальной траектории и не всегда поддается логическому обоснованию посредством упрощенных линейных схем и закономерностей. В рамках данного исследования мы выдвинули гипотезу о том, что в период ранней взрослости субъективные представления субъекта об уровне собственной личностной зрелости не совпадают с ее актуальным, объективно проявляемым уровнем. Данное предположение конкретизируется в двух эмпирических подгипотезах: субъективные представления об уровне личностной зрелости могут быть измерены в координатах семантического пространства, отражающего соответствующие конструкты сознания; высокая оценка собственного уровня личностной зрелости соотносится с ее более низким актуальным уровнем, и наоборот.

Методология исследования

Выборка. В исследовании на разных его этапах приняли участие 157 чел. в возрасте от 20 до 25 лет (56 мужчин и 101 женщина, $\overline{M} = 21{,}13$, $SD = 1{,}02$). На этапе разработки специализированного семантического дифференциала было привлечено 95 респондентов (из них 90 — студенты университета со второго по четвертый курсы, 36 мужчин и 59 женщин); на этапе проведения психосемантического эксперимента в исследовании участвовали 62 чел. (студенты третьего и четвертого года обучения, 20 мужчин и 42 женщины).

Методы и методики. Сбор эмпирических данных осуществлялся с применением метода семантического дифференциала [Osgood C.E., 1952] и трех психодиагностических методик: проективная методика «Кто я?», авторы М. Кун и Т. Макпартленд в модификации Т.В. Румянцевой [Румянцева Т.В., 2006]; методика диагностики личностной зрелости, автор В.А. Руженков [Руженков В.А. и др., 2016]; методика диагностики самоактуализации личности, автор А.В. Лазукин в адаптации Н.Ф. Калина [Фетискин Н.П. и др., 2002]. Использование методов экспериментальной психосемантики позволяет изучить различные формы существования значений в индивидуальном и массовом сознании (эксплицитных и имплицитных ценностей, установок, образов, представлений и т.д.) [Петренко В.Ф., 2010]. Особенно ценным психосемантический инструментарий становится в случае необходимости эмпирического изучения содержания мало осознаваемых феноменов [Кожевникова О.В., Ионова А.С., 2015], описании аффективного уровня индивидуального сознания, различных смысловых образований массового со-

знания, идеологических и политических ориентаций [Митина О.В. и др., 2020] и т.п.

***Методы математической статистики*:** эксплораторный факторный анализ по методу главных компонент (в ходе объяснения данных учитывались значения следующих коэффициентов: мера адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина, критерий сферичности Бартлетта, а также общая доля объясненной дисперсии), анализ значимых различий по U-критерию Манна–Уитни. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 22.0 for Windows.

Разработка специализированного семантического дифференциала

В ходе решения первой эмпирической задачи, связанной с изучением субъективных представлений студентов об уровне собственной личностной зрелости, был разработан специализированный семантический дифференциал. Создание исследовательского инструментария данного типа предполагает ряд последовательных этапов:

1. Определение объектов оценивания

Реализация первого этапа включала проведение теоретического и эмпирического исследований. В рамках первого нами осуществлялся контент-анализ статей по тематике личностной зрелости, позволивший выделить ряд категорий, ассоциируемых авторами с интересующим нас феноменом, которые были преобразованы в формат ролевых позиций, а именно: «оптимист», «реалист», «лидер», «эксперт», «организатор» («исполнитель» был впоследствии добавлен к списку объектов оценивания в качестве категории, противоположной «организатору»). Эмпирическое исследование было направлено на изучение образа «Я» респондентов (пятидесяти студентов третьего года обучения гуманитарного направления подготовки) с применением проективной методики «Кто Я?». Данный инструментарий позволяет проанализировать идентичность респондентов в социальном и персональном аспектах, т.е. выделить категории, наиболее точно и емко описывающие важные для респондента ролевые позиции. В процессе качественного и количественного анализов полученных вербальных откликов среди наиболее частотных категорий были выделены следующие: «студент»/«ученик» (28 упоминаний), «сын»/«дочь» (21 упоминание), «замкнутый»/«интроверт» (20 упоминаний), «мечтающий»/«витающий в облаках» (18 упоминаний). Указанные категории были перекодированы в такие объекты: «студент», «ребенок», «интроверт», «мечтатель». В итоге, опираясь на наш опыт проведения подобных исследований [Бовкун М.Ю., Кожевникова О.В., 2019], был составлен список из пятнадцати объектов оценивания: «я в настоящем», «я в прошлом», «я в будущем» (временной аспект идентичности); «взрослый», «родитель», «ребенок» (эго-состояния по Э. Берну); «эксперт», «организатор», «лидер», «студент», «исполнитель», «интроверт», «мечтатель», «реалист», «оптимист». Предложенный нами набор элементов соответствует общим требованиям (оптимальное количество (от 7 до 40), оптимальное разнообразие, понимание респондентом, однородность объектов) [Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А., 2016, с. 35–36], предъявляемым к объектам оценивания и релевантен целям и задачам осуществляемого исследования.

2. Определение шкал оценивания

Конструирование набора шкал оценивания является более трудоемким процессом, реализуемым в несколько стадий. На начальном этапе осуществлялся анализ публикаций по тематике личностной зрелости, в том числе представляющих данные психосемантического анализа категории «личностная зрелость» с целью заимствования шкал, используемых в аналогичных нашему исследованиях. Было изучено 18 статей и отобрано 49 шкал (например, «умеет понимать, прощать», «обладает лидерскими качествами», «имеет четко сформированную жизненную позицию», «может аргументировать свою точку зрения» и др.). Параллельно было реализовано собственное эмпирическое исследование с привлечением тридцати респондентов (студенты второго года обучения лингвистического направления подготовки) и использованием метода «репертуарных решеток», предложенного Дж. Келли [Агапова И.Ю., 1999]: выделенные ранее пятнадцать объектов оценивания предъявлялись респондентам на бланке, где они были сгруппированы в неповторяющиеся «триады» (например: «я в настоящем» – «взрослый» – «мечтатель»; «интроверт» – «лидер» – «исполнитель»; «студент» – «я в прошлом» – «эксперт» и др.). Задачей респондентов было указать, чем два объекта схожи, а третий от них отличается. Полученные вербальные отклики (всего — 943, среднее количество откликов — 23, максимальное — 35, минимальное — 20) были подвергнуты процедуре контент-анализа, что позволило выделить еще 103 потенциальных шкалы

оценивания. Таким образом, стартовый набор шкал состоял из 152 элементов.

После исключения неуместных и повторяющихся смысловых единиц был составлен итоговый вариант списка, содержащий сорок шкал-дескрипторов, соответствующих структурным компонентам личностной зрелости, выявленных нами в одном из наших ранних исследований (когнитивный (самопонимание, позитивное мышление), эмоциональный (аутосимпатия) и поведенческий (автономность, контактность) компоненты) [Кожевникова О.В., 2021]: «активно отстаивает свои интересы и точку зрения, не оскорбляя собеседника», «болезненно реагирует на критику», «в любой ситуации пытается найти что-то хорошее», «в споре любит переходить на личности», «верит в свои мечты и будущие успехи», «верит в собственные силы и возможности», «винит в своих неудачах только себя», «готов к серьезным отношениям», «доверяет своей интуиции и опыту», «заинтересован в самопознании и саморазвитии», «люди обычно ему доверяют», «меняет друзей как перчатки», «не доверяет миру и окружающим», «не зависит от мнения окружающих», «не имеет комплексов в связи со своей внешностью», «не имеет сформированного представления о себе», «не испытывает дискомфорта находясь в одиночестве», «не любит выделяться, стремится быть как все», «не прощает себе ошибок и внешнего несовершенства», «не склонен к самонаблюдению и самоанализу», «не способен позаботиться о себе», «не способен соотносить собственные потребности с общепринятыми стандартами и нормами», «не стыдится собственных эмоций», «обладает богатым внутренним миром», «обычно уверен в благоприятном исходе событий», «осознает собственную ценность и значимость», «открыт новому опыту», «отличается неуверенностью в себе и неадекватной самооценкой», «отличается сформированной жизненной позицией», «постоянно испытывает сомнения и угрызения совести», «рассматривает неудачи как источник жизненного опыта», «самооценка не зависит от обстоятельств», «сконцентрирован на препятствиях, а не на возможностях», «скрывает свое недовольство, чтобы оставаться хорошим в глазах других», «способен к самомотивации и самодисциплине», «способен принять позицию собеседника», «способен самостоятельно принимать решения», «строит отношения на доверии и взаимоуважении», «учится на собственных ошибках», «чаще настроен пессимистически».

3. Апробация специализированного семантического дифференциала

На последнем этапе электронный бланк специализированного семантического дифференциала был апробирован на выборке из пятнадцати респондентов (десять из которых являлись студентами университета). Изначально планировалось проведение фокус-группы, однако реализация данного этапа работы (март – апрель 2020 г.) совпала с введением ограничительных мер на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. В результате процедура была модифицирована и осуществлена в дистанционном формате: участникам было предложено заполнить апробационный бланк, который содержал инструкцию, все сорок шкал дескрипторов и два объекта («я в настоящем» и «интроверт»), затем с каждым из них проводилась беседа на предмет того, все ли формулировки были понятны и однозначно интерпретируемы. Таким образом, было выявлено шесть формулировок (пять шкал и инструкция), вызывавших затруднения у респондентов, которые в итоге были скорректированы [Габаева Л.М., 2021]. Финальный вариант бланка специализированного семантического дифференциала предъявлялся респондентам основного этапа исследования в формате электронной таблицы MS Excel, для удобства разделенной на два листа; на каждом листе содержалась инструкция, часть объектов (семь и восемь соответственно) и шкалы оценивания.

Результаты и обсуждение

Массив эмпирических данных, полученных в результате применения специализированного семантического дифференциала (n = 62), был обработан средствами эксплораторного факторного анализа в соответствии с процедурами, разработанными в Лаборатории психологии общения и психосемантики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ). Исходные эмпирические данные оказались пригодными для факторизации (мера адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина (КМО) = 0,944; критерий сферичности Бартлетта: $p \leq 0{,}001$), которая была осуществлена по всем 40 шкалам. Однако полученное факторное решение не могло быть признано состоятельным, т.к. кумулятивный процент объясненной дисперсии для двух основных факторов оказался существенно ниже 50 %, а именно 37,74 %. Для решения данной проблемы рекомендуется либо сократить число переменных, либо увеличить

количество факторов (в нашем случае до пяти): мы пошли по пути уменьшения числа факторизуемых переменных, чтобы получить максимально простую факторную структуру. Для этого мы исключили из анализа все переменные с факторными нагрузками ниже 0,5. Итоговая факторизация осуществлялась по 22 шкалам, ее результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты итоговой факторизации на общей выборке (n = 62)

Table 1. Final factorization results in the total sample (n = 62)

Шкалы	*Факторы*	
	Субъектная позиция	*Позитивный настрой*
Процент объясненной дисперсии: 50,12 %	**39,13 %**	**10,99 %**
Отличается сформированной жизненной позицией	0,816	
Способен самостоятельно принимать решения	0,795	
Понимает свое место и роль в этой жизни	0,783	
Способен к самомотивации / самодисциплине	0,764	
Готов к серьезным отношениям	0,762	
Рассматривает неудачи как источник жизненного опыта	0,710	
Активно отстаивает свои интересы и точку зрения, не оскорбляя собеседника	0,671	
Учится на собственных ошибках	0,640	
Строит отношения на доверии и взаимоуважении	0,632	
Люди обычно ему доверяют	0,628	
Способен принять позицию собеседника	0,603	
Доверяет своей интуиции и опыту	0,574	
Осознает собственную ценность и значимость	0,554	
Не способен позаботиться о себе	-0,697	
Обычно уверен в благоприятном исходе событий		0,679
Верит в свои мечты / будущие успехи		0,617
Уверен в собственных силах / возможностях		0,555
Чаще настроен пессимистически		-0,728
Постоянно испытывает сомнения и угрызения совести		-0,655
Отличается неуверенностью в себе и неадекватной самооценкой		-0,588
Комплексует по поводу своей внешности		-0,579
Метод выделения факторов: метод главных осей. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера (факторы не коррелируют r = -0,150) [Yong A.G., Pearce S., 2013].		
Мера адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина (KMO) = 0,956 Критерий сферичности Бартлетта: $p \leq 0,001$		

В ходе факторизации были также рассчитаны факторные баллы по всем оцениваемым объектам для каждого респондента, что позволило нам построить индивидуальные семантические пространства. По результатам содержательного анализа полученных графиков выборка была поделена на две подгруппы: студенты, воспринимающие себя личностно зрелыми (группа 1), и студенты, воспринимающие себя личностно незрелыми (группа 2). Анализ проводился путем определения положения объекта «я в настоящем» в семантическом пространстве двух рассматриваемых факторов и сопоставления этого положения с размещением объектов «эксперт», «лидер», «родитель» (традиционно ассоциирующихся с высоким уровнем личностной зрелости). На 19 графиках объект «я в настоящем» соотносится с ролями, ассоциирующимися с высоким уровнем личностной зрелости, и находится в правом верхнем квадранте, отражающем высокую степень выраженности субъектности и позитивного мышления. Еще на 43 графиках объект «я в настоящем» находился в сегментах, отражающих низкий уровень субъектности и/или позитивного мышления, и соотносился с такими ролями как «мечтатель», «исполнитель» (в свою очередь, также ассоциирующимися с низким уровнем личностной зрелости).

Для более наглядного представления результатов исследования была осуществлена повторная факторизация данных по выделенным подгруппам. Факторная структура при этом сохранилась. Студенты, воспринимающие себя личностно зрелыми (группа 1, n = 19): фактор «Субъектная позиция» (36,56 % общей дисперсии), включает в себя следующие признаки: «отличается сформированной жизненной позицией» (0,862), «способен самостоятельно принимать решения» (0,849), «готов к серьезным отношениям» (0,810), «понимает свое место и роль в этой жизни» (0,803), «способен к самомотивации/самодисциплине» (0,775), «активно отстаивает свои интересы и точ-

ку зрения, не оскорбляя собеседника» (0,756), «рассматривает неудачи как источник жизненного опыта» (0,665), «осознает собственную ценность и значимость» (0,657), «доверяет своей интуиции и опыту» (0,645), «учится на собственных ошибках» (0,644), «уверен в собственных силах/возможностях» (0,609), «люди обычно ему доверяют» (0,604), «строит отношения на доверии и взаимоуважении» (0,600), «способен принять позицию собеседника» (0,532), «не способен позаботиться о себе» (-0,763). Фактор «Позитивный настрой» (14 % общей дисперсии) включает в себя следующие признаки: «верит в свои мечты/будущие успехи» (0,636), «обычно уверен в благоприятном исходе событий» (0,615), «чаще настроен пессимистически» (-0,746), «постоянно испытывает сомнения и угрызения совести» (-0,585), «отличается неуверенностью в себе и неадекватной самооценкой» (-0,493).

Студенты, воспринимающие себя личностно незрелыми (группа 2, n = 43): фактор «Субъектная позиция» (32.3 % общей дисперсии) включает следующие признаки: «отличается сформированной жизненной позицией» (0,794), «понимает свое место и роль в этой жизни» (0,772), «способен самостоятельно принимать решения» (0,769), «способен к самомотивации/самодисциплине» (0,751), «готов к серьезным отношениям» (0,734), «рассматривает неудачи как источник жизненного опыта» (0,728), «учится на собственных ошибках» (0,652), «способен принять позицию собеседника» (0,649), «строит отношения на доверии и взаимоуважении» (0,642), «активно отстаивает свои интересы и точку зрения, не оскорбляя собеседника» (0,640), «люди обычно ему доверяют» (0,638), «доверяет своей интуиции и опыту» (0,544), «не способен позаботиться о себе» (-0,659). Фактор «Позитивный настрой» (17,7 % общей дисперсии) включает в себя следующие признаки: «обычно уверен в благоприятном исходе событий» (0,689), «верит в свои мечты/будущие успехи» (0,598), «уверен в собственных силах/возможностях» (0,570), «осознает собственную ценность и значимость» (0,535), «чаще настроен пессимистически» (-0,714), «постоянно испытывает сомнения и угрызения совести» (-0,690), «отличается неуверенностью в себе и неадекватной самооценкой» (-0,640), «комплексует по поводу своей внешности» (-0,630), «не доверяет миру и окружающим» (-0,550).

Были также рассчитаны усредненные факторные баллы для каждого из оцениваемых объектов (см. табл. 2), выступающие их координатами в семантическом пространстве анализируемых факторов, и построены семантические пространства для двух рассматриваемых подгрупп.

Таблица 2. Координаты объектов оценивания в семантическом пространстве выделенных факторов

Table 2. Coordinates of the evaluation objects in the semantic space of the determined factors

Объекты	*Группа 1 (n = 19)*		*Группа 2 (n = 43)*	
	Субъектная позиция	*Позитивный настрой*	*Субъектная позиция*	*Позитивный настрой*
Взрослый	0,732	-0,38	0,765	-0,036
Интроверт	-0,420	-1,662	-0,517	-1,156
Исполнитель	-0,157	-0,395	-0,207	-0,035
Лидер	0,613	0,367	0,670	0,638
Мечтатель	-1,039	0,569	-0,656	0,406
Оптимист	0,124	0,992	0,038	0,950
Организатор	0,598	0,201	0,427	0,265
Реалист	0,454	-0,537	0,270	-0,551
Ребенок	-2,311	0,640	-1,834	0,906
Родитель	0,606	-0,428	0,534	-0,316
Студент	-0,247	-0,433	-0,196	-0,440
Эксперт	0,811	0,346	0,839	0,336
Я в будущем	0,78	0,702	0,783	0,518
Я в настоящем	**0,133**	**0,352**	**-0,119**	**-0,613**
Я в прошлом	-0,677	-0,334	-0,775	-0,847

Таким образом, субъективные характеристики личностной зрелости отражаются через положение объекта «я в настоящем» в семантическом пространстве, сконструированном посредством специализированного семантического дифференциала.

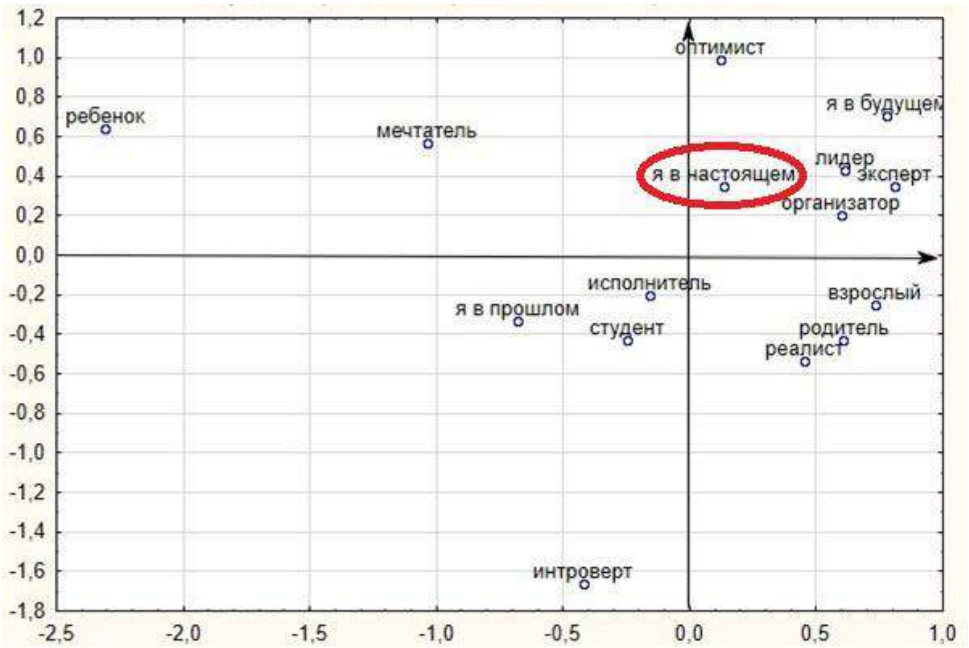


Рис. 1. Размещение объектов оценивания в семантическом пространстве факторов «Субъектная позиция» (ось X) — «Позитивный настрой» (ось Y) (студенты, воспринимающие себя личностно зрелыми, группа 1, n = 19)

Fig. 1. Placement of the evaluation objects in the semantic space of factors «Subjective position» (X axis) and «Positive attitude» (Y axis) (students who perceive themselves as personally mature, group 1, n = 19)

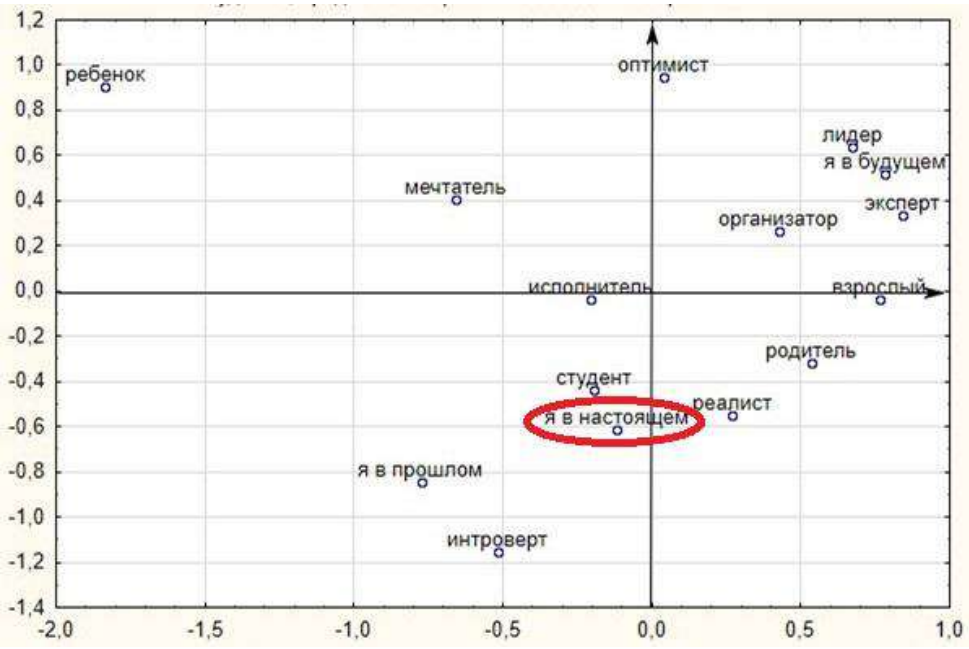


Рис. 2. Размещение объектов оценивания в семантическом пространстве факторов «Субъектная позиция» (ось X) — «Позитивный настрой» (ось Y) (студенты, воспринимающие себя личностно незрелыми, группа 2, n = 43)

Fig. 2. Placement of the evaluation objects in the semantic space of the factors «Subjective position» (X axis) and «Positive attitude» (Y axis) (students who perceive themselves as personally immature, group 2, n = 43)

Сравнительный анализ полученных семантических пространств позволяет утверждать, что представления о личностной зрелости у студентов рассматриваемых подгрупп, в целом, идентичны, о чем свидетельствует сходная картина расположения большинства оцениваемых объектов. При этом положение объекта «я в настоящем» на двух графиках диаметрально противоположно. Таким образом, на основании полученных данных мы смогли выделить контрастные группы респондентов, по-разному воспринимающие уровень собственной личностной зрелости.

Для решения второй эмпирической задачи, связанной с определением соотношения субъективных характеристик и объективных критериев личностной зрелости, данные психодиагностического обследования респондентов рассматриваемых подгрупп, полученные по результатам применения двух методик (методики диагностики личностной зрелости, автор В.А. Руженков, и методики диагностики самоактуализации личности, автор А.В. Лазукин в адаптации Н.Ф. Калина), были проанализированы с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни (см. табл. 3).

Таким образом, по данным психодиагностического обследования более высокий уровень личностной зрелости демонстрируют студенты, воспринимающие себя личностно незрелыми: они более ответственны, самостоятельны, автономны и т.д. Это интересная закономерность, которая в чем-то перекликается со знаменитым эффектом Даннинга–Крюгера, определяющим метакогнитивное искажение, когда менее квалифицированные специалисты более уверены в своей компетентности по сравнению с квалифицированными людьми, занижающими собственные способности. Возможно, и в нашем случае уверенные в собственной личностной зрелости старшекурсники просто не до конца понимают всей сложности этого многоаспектного явления, полагая, что они уже достигли необходимого и достаточного уровня психологической зрелости. Те же, кто воспринимает себя личностно незрелыми, осознают, что формирование психологически зрелой личности требует гораздо больше ресурсов, усилий и времени, чем было инвестировано до настоящего момента. Полученные данные, тем не менее, носят предварительный характер и нуждаются в дополнительной, прежде всего, количественной проверке на большей по объему выборке.

Таблица 3. Анализ значимых различий по изучаемым показателям в группах студентов, воспринимающих себя личностно зрелыми (группа 1, n = 19) и личностно незрелыми (группа 2, n = 43)

Table 3. Analysis of significant differences in the groups of students who perceive themselves as personally mature (group 1, n = 19) and personally immature (group 2, n = 43)

Название шкалы	*Средние значения*		*Средние ранги*		*U-критерий*	*Уровень значимости p*
	Группа 1	*Группа 2*	*Группа 1*	*Группа 2*		
Методика диагностики личностной зрелости						
Ответственность	20,0 (ср)	22,1 (ср)	26,87	41,97	209,5	0,002
Терпимость	9,1 (ср)	20,6 (выс)	24,53	47,26	109,0	0,001
Саморазвитие	17,0 (ср)	19,9 (выс)	28,21	38,95	267,0	0,030
Позитивное мышление	17,0 (ср)	22,3 (выс)	25,77	44,47	162,0	0,001
Самостоятельность	18,9 (ср)	20,9 (выс)	28,21	38,95	267,0	0,030
Личностная зрелость	92,6 (ср)	105 (выс)	25,77	44,47	162,0	0,001
Методика диагностики самоактуализации личности						
Ориентация во времени	8,8 (низ)	10,8 (ср)	28,17	39,03	265,5	0,028
Автономность	6,6 (ср)	8,1 (ср)	28,45	38,39	277,5	0,044
Спонтанность	7,1 (ср)	8,8 (ср)	27,86	39,74	252,0	0,016
Самопонимание	6,6 (ср)	9,0 (ср)	26,81	42,11	207,0	0,002
Аутосимпатия	5,9(ср)	9,4 (ср)	25,6	44,84	155,0	0,001
Гибкость в общении	7,1 (ср)	8,1 (ср)	27,88	39,68	253,0	0,016

Примечание: в таблице приведены только те показатели, по которым выявлены значимые различия.

Note: the table shows only the indicators with significant differences in the two samples.

Выводы

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что соотношение субъективных характеристик и объективных критериев личностной зрелости не линейно: на этапе личностного самоопределения, совпадающего со студенческим возрастом, высокая оценка собственного уровня личностной зрелости соотносится с ее более низким актуальным уровнем и наоборот. Если допустить,

что в данном случае по аналогии с эффектом Даннинга–Крюгера определена первая «ветвь» возможной нелинейной (параболической) закономерности, отражающей соотношение субъективного и объективного уровня личностной зрелости, то перспективным представляется исследование ее второй ветви и определение «точки перегиба»: что именно, когда и при каких условиях становится движущей силой личностного саморазвития субъекта, осознающего и адекватно демонстрирующего собственную психологическую зрелость.

Полученные данные могут быть использованы для усовершенствования процесса формирования универсальных компетенций выпускников вузов, связанных с личным и профессиональным саморазвитием (в частности, УК-6 ФГОС ВО). Выявленные закономерности могут применяться в консультационной практике, в работе служб по персоналу для создания эффективных команд, при отборе кандидатов на трудоустройство и т.д. Представленный алгоритм разработки специализированного семантического дифференциала будет полезен исследователям, изучающим неосознаваемые, латентные или слабо инструментализированные психологические феномены.

Список литературы

Агапова И.Ю. Восприятие рекламы: методика использования «репертуарных решеток» для формирования биполярных шкал семантического дифференциала // Социология: методология, методы, математические модели (4М). 1999. № 11. С. 73–100.

Бовкун М.Ю., Кожевникова О.В. Об опыте применения психосемантического подхода в психологических исследованиях // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. Вып. 1(3). С. 542–550.

Габаева Л.М. Разработка шкал оценивания специализированного семантического дифференциала в ходе изучения представлений студентов о личностной зрелости // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты / отв. ред. Е.А. Денисова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 475–479.

Кожевникова О.В. О структуре личностной зрелости студентов университета // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 31, № 4. С. 428–434. DOI: https://doi.org/10.35634/2412-9550-2021-31-4-428-434

Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала: учеб.-метод. пособие. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2016. 120 с.

Кожевникова О.В., Ионова А.С. Образ интернет-зависимости у студенток с тенденциями отклоняющегося поведения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 4(24). С. 88–98.

Митина О.В., Петренко В.Ф., Низовских Н.А., Эрдынеева К.Г., Кожевникова О.В., Супрун А.П. Восприятие политических лидеров студентами российских университетов: психосемантический подход // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. № 1–2. С. 50–64. DOI: https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-1-2-05

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Эксмо, 2010. 480 с.

Руженков В.А., Руженкова В.В., Лукьянцева И.С. Методика диагностики личностной зрелости // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2016. № 26(247), вып. 36. С. 65–70.

Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2006. 176 с.

Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. 490 с.

Mann F.D., DeYoung C.G., Krueger R.F. Patterns of cumulative continuity and maturity in personality and well-being: Evidence from a large longitudinal sample of adults // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 169. URL: https://midus.wisc.edu/findings/pdfs/2044.pdf (accessed: 24.09.2022). DOI: https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109737

Morales-Vives F., Camps E., Dueñas J.M. Predicting academic achievement in adolescents: The role of maturity, intelligence and personality // Psicothema. 2020. Vol. 32, no. 1. P. 84–91. DOI: https://doi.org/10.7334/psicothema2019.262

Niiyama H., Kontkanen I., Paavilainen E., Kamibeppu K. A comparison of personality maturity among Japanese youth and Finnish young adult students: a cross-sectional study using Erikson psychosocial stage inventory and sense of coherence scale // International Journal of Adolescence and Youth. 2018. Vol. 23, iss. 4. P. 482–495. DOI: https://doi.org/10.1080/02673843.2018.1435418

Osgood C.E. The nature and measurement of meaning // Psychological Bulletin. 1952. Vol. 49, iss. 3. P. 197–237. DOI: https://doi.org/10.1037/h0055737

Yong A.G., Pearce S. A beginner's guide to factor analysis: focusing on exploratory factor analysis // Tutorials in Quantitative Methods for Psychology. 2013. Vol. 9, iss. 2. P. 79–94. DOI: https://doi.org/10.20982/tqmp.09.2.p079

Получена: 01.10.2022. Принята к публикации: 21.10.2022

References

Agapova, I. Yu. (1999). [Advertising perception: methodology for using «repertoire grids» to form bipolar scales of the semantic differential]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskiye modeli (4M)* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Models (4M)]. No. 11, pp. 73–100.

Bovkun, M.Yu. and Kozhevnikova, O.V. (2019). [On the implementation of psychosemantic approach in research practices in psychology]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice]. Iss. 1(3), pp. 542–550.

Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. and Manuylov, G.M. (2002). *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of the development of personality and small groups]. Moscow: Psychotherapy Institute Publ., 490 p.

Gabaeva, L.M. (2021). [Development of scales of evaluation of specialized semantic differential while studying students' ideas about personal maturity]. *Aktual'nye issledovaniya yazyka i kul'tury: teoreticheskie i prikladnye aspekty, pod red. E.A. Denisovoy* [E.A. Denisova (ed.) Topical studies of language and culture: theoretical and applied aspects]. St. Petersburg: PLSU Publ., pp. 475–479.

Kozhevnikova, O.V. (2021). [On the structure of personal maturity of university students]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 31, no. 4, pp. 428–434. DOI: https://doi.org/10.35634/2412-9550-2021-31-4-428-434

Kozhevnikova, O.V. and Ionova, A.S. (2015). [Cyber-addiction image of female students with deviant behaviour tendencies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4(24), pp. 88–98.

Kozhevnikova, O.V. and V'yuzhanina, S.A. (2016). *Psikhosemantika. Metod semanticheskogo differentsiala* [Psychosemantics. Semantic differential technique]. Izhevsk: Udmurt University Publ., 120 p.

Mann, F.D., DeYoung, C.G., and Krueger, R.F. (2021). Patterns of cumulative continuity and maturity in personality and well-being: Evidence from a large longitudinal sample of adults. *Personality and Individual Differences*. Vol. 169. Available at: https://midus.wisc.edu/findings/pdfs/2044.pdf (accessed 24.09.2022). DOI: https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109737

Mitina, O.V., Petrenko, V.F., Nizovskih, N.A., Erdyneeva, K.G., Kozhevnikova, O.V. and Suprun, A.P. (2020). [Perception of political leaders by students at Russian universities: psychosemantic approach]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Scientific Review. Series 2: Human Science]. No. 1–2, pp. 50–64. DOI: https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-1-2-05

Morales-Vives, F., Camps, E. and Dueñas, J.M. (2020). Predicting academic achievement in adolescents: The role of maturity, intelligence and personality. *Psicothema*. Vol. 32, no. 1, pp. 84–91. DOI: https://doi.org/10.7334/psicothema2019.262

Niiyama, H., Kontkanen, I., Paavilainen, E. and Kamibeppu, K. (2018). A comparison of personality maturity among Japanese youth and Finnish young adult students: a cross-sectional study using Erikson psychosocial stage inventory and sense of coherence scale. *International Journal of Adolescence and Youth*. Vol. 23, iss. 4, pp. 482–495. DOI: https://doi.org/10.1080/02673843.2018.1435418

Osgood, C.E. (1952). The nature and measurement of meaning. *Psychological Bulletin*. Vol. 49, iss. 3, pp. 197–237. DOI: https://doi.org/10.1037/h0055737

Petrenko, V.F. (2010). *Osnovy psikhosemantiki* [Fundamentals of psychosemantics]. Moscow: Eksmo Publ., 480 p.

Rumyantseva, T.V. (2006). *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika otnosheniy v pare* [Psychological counseling: diagnosis of relationships in a couple]. St. Petersburg: Rech' Publ., 176 p.

Ruzhenkov, V.A., Ruzhenkova, V.V. and Lukyantseva, I.S. (2016). [Methodology for diagnosing personal maturity]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Meditsina. Farmatsiya* [Belgorod State University Scientific Bulletin]. No. 26(247), iss. 36, pp. 65–70.

Yong, A.G. and Pearce, S. (2013). A beginner's guide to factor analysis: focusing on exploratory factor analysis. *Tutorials in Quantitative Methods for Psychology*. Vol. 9, iss. 2, pp. 79–94. DOI: https://doi.org/10.20982/tqmp.09.2.p079

Received: 01.10.2022. Accepted: 21.10.2022

Об авторе

Кожевникова Оксана Вячеславовна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей психологии

Удмуртский государственный университет,
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1;
e-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1995-3886
ResearcherID: AAJ-6521-2021

About the author

Oksana V. Kozhevnikova
Candidate of Psychology, Docent, Associate Professor
of the Department of General Psychology

Udmurt State University,
1, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Russia;
e-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1995-3886
ResearcherID: AAJ-6521-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Кожевникова О.В. Соотношение субъективных характеристик и объективных критериев личностной зрелости студентов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 543–553. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-543-553

For citation:
Kozhevnikova O.V. [Complience of subjective characteristics and objective criteria of personal maturity of university students]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 543–553 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-543-553

УДК 159.924-057.875

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-554-565

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМПЛИЦИТНОЙ КОНЦЕПЦИИ ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ситников Валерий Леонидович

Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург),
Тувинский государственный университет (Кызыл)

Слотина Татьяна Викторовна, Карагачева Мария Валерьевна,
Кедич Светлана Игоревна

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург)

Комарова Александра Владимировна, Киселева Наталья Станиславовна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург)

Статья посвящена исследованию психосемантики имплицитных представлений об одаренной личности у современных студентов гуманитарной и технической специальностей. Цель исследования — психосемантический анализ образа одаренной личности на основе имплицитных представлений студентов различных специальностей и вузов. Выборку составили 229 респондентов: 88 человек гуманитарных специальностей, 141 — технических. Возраст колеблется от 17 до 22 лет. Выборка была выравнена по полу. Методологической основой послужила концепция исследования иерархической структуры образа человека в сознании индивида и группы, предложенная В.Л. Ситниковым. Исследование показало, что представления студентов об одаренной личности однотипны и не отличаются научностью, основу структуры и содержания образа одаренной личности у студентов гуманитарных и технических направлений разных вузов Санкт-Петербурга составляют характеристики интеллектуальной сферы личности, а самыми непопулярными оказались акизитивные характеристики, описывающие особенности отношения к материальным ценностям. На втором месте по частоте встречаемости оказались социальные характеристики. Сравнительный анализ показал, что они являются более характерными для студентов гуманитарных специальностей, также для них более свойственно употребление телесно-физических и эмоциональных характеристик. Для этой группы типично более частое указание на отрицательные качества одаренной личности. В группе студентов технического направления при описании одаренной личности чаще используются имена и качества деятельности. Психосемантический анализ имплицитной концепции одаренной личности современных студентов показал, что образ одаренного человека связан с профилем профессиональной подготовки студентов. Так, студенты технических специальностей склонны описывать одаренную личность в большой степени через ее реализацию в деятельности и через конкретные категории людей. Студенты-гуманитарии, возможно, в силу своих профессиональных предпочтений, выделяют социальные характеристики таких личностей. В целом, среди наиболее часто встречающихся слов, описывающих одаренную личность, у студентов разных направлений подготовки не выявлено кардинальных различий в иерархии определений одаренной личности.

Ключевые слова: одаренность, личность, психосемантика образа, ассоциативный эксперимент, контент анализ, имплицитная теория, представления.

© Ситников В.Л., Слотина Т.В., Комарова А.В., Карагачева М.В., Кедич С.И., Киселева Н.С., 2022

PSYCHOSEMANTICAL ANALYSIS OF GIFTED PERSONALITY AS PERCEIVED BY STUDENTS

Valery L. Sitnikov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Saint Petersburg),
Tuvan State University (Kyzyl)

Tatyana V. Slotina Mariya V. Karagacheva Svetlana I. Kedich

Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University (Saint Petersburg)

Aleksandra V. Komarova, Nataliya S. Kiseleva

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg)

The article is devoted to the study of the psychosemantics of implicit ideas about a gifted personality among modern students of humanities and technical specialties. The purpose of the study is a psychosemantic analysis of the image of a gifted personality based on implicit representations of students of various specialties and universities. The sample consisted of 229 respondents: 88 people of humanitarian specialties, 141 technical ones. The age of the sample participants ranged from 17 to 22 years. The sample was equal in gender composition.The methodological basis was the concept of the study of the hierarchical structure of the image of a person in the consciousness of an individual and a group, proposed by V.L. Sitnikov. The study showed that students ideas about a gifted personality are similar and lack scientificity. The basis of the structure and content of the image of a gifted personality among students of humanities and technical fields of various universities of St. Petersburg are the characteristics of the intellectual sphere of the individual. The most unpopular were the acquisitive characteristics describing the peculiarities of the attitude to material values. Social characteristics were in second place in terms of frequency of occurrence. Comparative analysis has shown that social characteristics are more important for humanities students. They also use bodily, physical and emotional characteristics more often. For this group of students, it is characteristic to indicate the negative qualities of a gifted person. In the group of students of the technical direction, when describing a gifted personality, names and qualities of activity are more often used. Psychosemantic analysis of the implicit concept of a gifted personality of modern students has shown that the image of a gifted person is associated with the profile of professional training of students. Students of technical specialties tend to describe a gifted personality to a large extent through its implementation in activities and through specific categories. Humanities students, perhaps due to their professional preferences, distinguish social characteristics. In general, among the most common words describing a gifted personality, students of different fields of study did not reveal fundamental differences in the hierarchy of definitions of a gifted personality.

Keywords: giftedness, personality, psychosemantics of the image, associative experiment, content analysis, implicit theory, representations.

Введение

Проблема психологии одаренности сегодня является одной из наиболее актуальных. Это продиктовано не только сложностью исследования и диагностики данного феномена, но и отсутствием единой комплексной теории одаренности. Статья В.И. Панова носит название «Парадоксальность и природа одаренности…», что как нельзя лучше характеризует современное состояние данной проблемы [Панов В.И., 2020]. Общепринятого определения одаренности до сих пор нет, несмотря на то, что в отечественной психологии немало исследований посвящено этой проблеме (Т.А. Араканцева, Ю.Д. Бабаева, Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин, Н.С. Лейтес, А.М. Матюшкин, В.И. Панов, А.И. Савенков, Б.М. Теплов, В.Д. Шадриков и др.). Как пишет Д.Б. Богоявленская, именно сейчас «с новой силой ставится вопрос об определении понятия…одаренность» [Богоявленская Д.Б., 2019, с. 15].

Во множестве разноплановых теорий описываются различные подходы к описанию природы возникновения одаренности, ее динамике, временных рамках проявления, способов и критериев выявления, поддержки и сопровождения, связи с коммуникативной, конативной, эмоциональной сферами личности и даже о том, одаренность является нормой или патологией. Эти вопросы направляют нас к поиску связи данного феномена с другой категорией, не менее многогранной в научном смысле, — с категорией «личность». Уместно вспомнить позицию В.Д. Шадрикова, который продемонстрировал подход, согласно которому способности и одаренность (как инте-

гральное проявление способностей) должны рассматриваться одновременно в трех измерениях: природном, субъектно-деятельностном и личностном [Шадриков В.Д., 2019]. О единстве интеллектуально-личностного потенциала человека пишет и M.S. Zirenko [Zirenko M.S., 2018].

Характеристика категории «одаренность»

Личность развивается на протяжении всей жизни, однако важнейшими периодами с точки зрения новообразований считаются детство и подростничество, однако говорить об одаренности человека как о личностной характеристике нужно после окончания полового созревания, пишет Н.В. Курасов [Курасов Н.В. и др., 2015]. Возникает вопрос: почему одаренных детей много, а взрослых — значительно меньше? Очевидно, что именно в процессе социализации одаренной личности происходит раскрытие и развитие личностных ресурсов. В частности, K.A. Heller отмечает, что в действительности ситуационные и социальные факторы оказывают сильнейшее влияние на развитие одаренности в результате процесса социализации [Heller K.A., 1989]. При этом, в начале прошлого века Дж.М. Болдуин писал об одаренности и гениальности с позиций общественных норм и ценностей. Для него существенно важным было проанализировать то, насколько обществом принимается одаренность данного человека. В исследовании Л.И. Акованцевой было обнаружено, что успеваемость в школе не может служить адекватной характеристикой развития способностей (одаренности) [Акованцева Л.И., 2016].

В зарубежной психологии выделяются фундаментальные положения об одаренности как о сложном и развивающемся личностном качестве, определяющем возможность достижения выдающихся результатов в деятельности, ценной для общества. В частности, в соответствии с кольцевой концепцой одаренности, разработанной Дж. Рензулли, предполагается, что число одаренных людей может быть намного шире, чем когда они выявляются с помощью тестов интеллекта, креативности или достижений. В личности несколько черт коррелируют друг с другом, соотвественно, можно предположить, что если присутствует одна, следует также предполагать наличие другой. В связи с этим такая черта характера, как одаренность, обязательно предполагает наличие других специфических черт [Berezovskaya I. et al., 2022]. Заявляя о многомерности феноменологии личности, А.Г. Асмолов пишет, что в ней «…причудливо переплетаются между собой столь различные проявления человека…продукты творчества, воображение, одаренность, интеллект…» [Асмолов А.Г., 2002].

Имплицитные теории одаренности

Представляется важным выяснить, как и какие смысловые единицы ассоциируются с понятием «одаренная личность» у наиболее интеллектуально активной части молодежи — студентов. Другими словами, речь идет об имплицитной теории личности. Г.М. Андреева отмечает: «Имплицитные теории личности — …это такая организация информации о другом человеке, при которой существует сеть ожиданий относительно взаимосвязанности некоторых личностных черт» [Андреева Г.М., 2000, с. 131].

Действительно, в обыденном сознании «личность» связывается с неординарностью, талантом, одаренностью. M.S. Zirenko отмечает, что имплицитные теории отражают представления о сущности когнитивных и личностных характеристик человека [Zirenko M.S., 2018]. В научной среду чаще используются эксплицитные теории, основанные на строгих, доказательных экспериментальных фактах. Однако, ряд ученых констатируют: «Имплицитные концепции оказывают большее влияние на жизнь и деятельность людей, чего не наблюдается по отношению к эксплицитным теориям — они меньше связаны с практикой» [Хиеу Ф.Т., Попова Л.В., 2011, с. 122]. Семья, родители, педагоги, преподаватели, студенты, дети, как правило, не знакомы с современными и классическими научными достижениями. Но именно эти люди, постоянно взаимодействуя, зачастую оказывают непосредственное влияние на проявление, развитие одаренности людей.

Имплицитные концепции одаренности зачастую имеют существенное влияние на отношение к одаренным личностям, на выявление одаренности, ее развитие. В настоящее время появились разного рода исследования имплицитных теорий; так, например, Н.Б. Шумакова рассматривает представления о творческой и успешной личности одаренных подростков [Шумакова Н.Б., 2019]. В частности, ею обнаружено, что образы творческого и успешного человека у современных подростков имеют гораздо больше различий, нежели сходства.

Наши исследования, посвященные изучению образа одаренных школьников в сознании действующих и будущих педагогов, убедительно доказывают, что знание имплицитной модели одаренной личности способствует эффективному педагогическому взаимодействию как с одаренными

детьми, так и с их окружением, позволяет понимать механизмы регуляции этого взаимодействия [Гусева (Кедич) С.И., 2000; Карагачева М.В. и др., 2013; Ситников В.Л., 2001]. В частности, было доказано, что у каждого педагога есть своя, достаточно индивидуальная концепция одаренного ребенка, но при разнообразном содержании конкретных характеристик, структуры и содержание большинства образов одаренного ребенка практически идентично у представителей одной образовательной культуры и существенно отличаются у представителей разных систем образования. Об этом убедительно свидетельствуют результаты исследования С.И. Кедич образов одаренного ученика в сознании российских и немецких будущих учителей математики. Оказалось, что при относительно сходной структуре образы математически одаренного и математически бездарного учащегося в сознании российских и немецких студентов существенно различаются по содержанию и модальности. У российских студентов больше положительных характеристик в образе «одаренного» ученика и больше отрицательных в образе «бездарного» ученика, в то время как у немецких студентов эти различия значительно меньше выражены (уровень значимости различий по модальности образов между российскими и немецкими студентами составляет 0,001). Важно отметить, что российские студенты в большей степени, чем немецкие, выделяют креативные характеристики, и меньше — те, что характеризуют особенности мышления (уровень значимости — 0,001) [Гусева (Кедич) С.И., 2000].

Проведенные нами исследования показали, что когда при актуализации образа ребенка вводится критерий одаренности, происходит изменение не только в содержании, но и в структуре образа; этот же эффект наблюдается и при введении противоположных по модальности критериев, например: «хороший ребенок» и «плохой ребенок» при измененном содержании структуры не обнаруживают достоверных различий [Гусева (Кедич) С.И., 2000; Ситников В.Л., 2001].

В работах Н.В. Былинской, исследовавшей иерархическую структуру личности одаренных учеников у педагогов в русле имплицитной теории, выявлено, что содержание только отдельных категорий соответствует существующим научным концепциям понятия одаренности. Она пишет об отсутствии критериев для идентификации одаренности школьников. Эти данные доказывают распространенность именно имплицитных представлений, в частности, у педагогов, которые имеют непосредственное отношение к одаренным детям, обучающимся в обычных школах [Былинская Н.В., 2016].

В исследовании Е.В. Колосовой, изучавшей представления студентов разных специальностей об одаренных детях, было установлено, что студенты, имеющие опыт педагогической деятельности, отметили, что среди их учеников были способные (66,8 % студентов), однако 34,2 % не смогли увидеть ни одного одаренного ребенка. Для них одаренный ребенок — это вундеркинд, обладающий исключительными незаурядными способностями [Колосова Е.В., 2018].

Существуют исследования имплицитных теорий одаренности и у зарубежных коллег. Например, T.G. Baudsonи F. Preckel изучали представления учителей об одаренных и среднестатистических учениках по параметрам достижения [Berezovskaya I. et al., 2022]. S. Matheis, L. Kronborg, M. Schmitt, F. Preckel исследовали убеждения учителей об отношении к мотивации педагогов у одаренных учеников [Preckel F. et al., 2015]. F. Preckel, T.G. Baudson, S. Krolak-Schwerdt, S. Glock проанализировали ассоциации людей, связанные, с одаренными детьми [Preckel F. et al., 2015]. Существуют немногочисленные зарубежные исследования одаренных людей студенческого возраста. Среди них выделим M. Jurisevic и U. Zerak, которые посвятили работы изучению отношения к одаренному студенчеству на примере славян [Juriševič M., Žerak U., 2019]. В исследовании S.-Y. Lee, M. Matthews, E. Boo, Y.-K. Kim рассматривается проблема лидерства как аспекта одаренности. Результаты показывают, что одаренные студенты проявляли большее стремление стать лидерами [Lee S.-Y. et al., 2021].

Важно отметить, что имплицитная теория личности родилась в области психосемантики, которая придает существенное значение субъективному смыслу того или иного психологического явления или субъекта. Слабо осознаваемые человеком эмоциональные структуры непосредственно связаны с глубоко индивидуальным личностным смыслом, при этом они редко облекаются в вербальную форму в силу своей недостаточной осознанности. В этой связи необходимо учитывать в индивидуальном сознании субъекта две реальности: индивидуальную и отраженную.

Таким образом, имплицитные теории личности отражают обобщенные представления, образы людей. Эти теории являются способом организации информации, которые нередко случайным образом и лишь частично осознаются человеком. Поскольку источников таких знаний много, имплицитные теории являются более обобщенными.

Не имея четкой структуры, они относятся к большему числу компонентов одаренности, а существующий в педагогике принцип позитивной гипотезы («презумпции одаренности» каждого) осложняет ситуацию [Илалтдинова Е.Ю., Фролова С.В., 2018].

Организация и методы эмпирического исследования

В нашем исследовании были проанализированы представления современной студенческой молодежи об одаренной личности. Объектом являются студенты вузов разных специальностей. Выбор объекта обусловлен тем, что вуз — это та среда, где есть возможность проявить и развить свои способности, найти им применение в практической деятельности, понять степень собственной одаренности. Выборку составили 229 респондентов: 88 чел. гуманитарных специальностей, 141 — технических. Выборка была выравнена по полу. Возраст информантов колеблется от 17 до 22 лет. Цель исследования — провести психосемантический анализ образа одаренной личности на основе имплицитных представлений студентов различных специальностей и вузов. Методологической основой послужила концепция В.Л. Ситникова и предложенная им методика «СОЧ(И) — структура образа человека (иерархическая)», основная на методе вербального и невербального ассоциативного эксперимента [Ситников В.Л., 2001]. О современных тенденциях применения невербального ассоциативного эксперимента в своем учебном пособии пишут О.В. Кожевникова и С.А. Вьюжанина: «В позднейших модификациях в качестве стимула используются различные знаки и предметы (письма, фотографии, игрушки и т.п.), аудио- и видеозаписи, описания ситуаций. Применяются различные методы межмодальных ассоциаций, в которых на стимул одной модальности испытуемые описывают (подбирают) ассоциации другой модальности» [Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А., 2016, с. 11]. Как отмечал В.Ф. Петренко: «…ассоциативная техника отражает как когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, так и индивидуальные особенности испытуемых, их личностные смыслы. Последующая статистическая обработка отчасти нивелирует этот “привкус” личностного смысла, выделяя аспекты, инвариантные для всей группы испытуемых» [Петренко В.Ф., 1983]. Применение для психосемантического анализа методики на основе невербального ассоциативного эксперимента открывает нетривиальные возможности для исследования психосемантики сознания, но в данной статье нами анализируются лишь результаты контент-анализа вербальной части методики «СОЧ(И)».

Методом экспертной оценки полученные в ходе ассоциативного эксперимента высказывания были отнесены к различным компонентам структуры образа. В результате контент-анализа были получены следующие группы компонентов образа одаренного студента:

1) телесно-физические характеристики;
2) конвенциональные характеристики;
3) характеристики особенностей интеллекта (характеристики интеллектуально-творческой сферы личности);
4) мотивационно-волевые характеристики;
5) поведенческие характеристики;
6) деятельностные характеристики;
7) социальные характеристики;
8) эмоционально-личностные характеристики;
9) метафорические характеристики;
10) акизитивные характеристики, связанные с материальной заинтересованностью.

Также была проанализирована модальность содержания этих компонентов, характеризующая отношение к изучаемому образу, в результате чего были выделены следующие характеристики:

– позитивные;
– нейтральные или амбивалентные;
– негативные.

Для выявления соотношения конкретных характеристик изучаемых образов применялся частотный анализ, в ходе которого выявлялась частота использования каждого высказывания.

Методический инструментарий, используемый в исследовании: вербальная часть методики «Структура образа человека (иерархическая)» (В. Ситников), ассоциативный эксперимент, контент-анализ, критерий Фишера.

Результаты и их обсуждение

Всего нами было проанализировано 2297 характеристик.

Контент-анализ показал, что наибольшее количество словоупотреблений (1214 слов) относится к характеристикам особенностей интеллекта: быстро думающий, умный, вундеркинд, талантливый, гениальный, способный и т.д. Данная категория составляет большую часть понятий, предложенных респондентами, что вполне закономерно, поскольку очевидно, что понятие «одаренность», прежде всего, и в имплицитных, и эксплицитных теориях соотносится с высоким уровнем интеллекта.

Категорию «Социальные характеристики» составили следующие слова: добрый, одинокий, скрытный, вежливый, стеснительный и др. Всего было выделено 507 понятий, что составило около 20 % от всех слов. В данной категории важно отметить разнообразие слов: от имеющих негативный оттенок с точки зрения социального интеллекта (одинокий, асоциальный, странный, замкнутый и др.), до тех, что однозначно характеризуют положительные качества (вежливый, воспитанный, добрый, дружелюбный и др.).

Реже всего встречаются слова, которые можно отнести к метафорам (243 реакции): победа, мечта, дар, успех, цель, благородство. Деятельностные характеристики (242 слова) представлены следующими реакциями: аккуратный, занят любимым делом, рисующий, активный в общественной жизни и т.д. Реакции, отражающие конвенциональные характеристики (211 слов): абитуриент, абонент, бизнесмен и др. Словоупотребления, отражающие поведенческие характеристики (184 слова): бойкий, болтает, бубнит под нос и т.п. Мотивационно-волевые характеристики (169 слов): волевой, настойчивый, хочет все знать и т.п. Ответы, характеризующие телесно-физические проявления (138 реакций): обладает музыкальным слухом, хорошим почерком, оборванец и т.п. Реакции, отражающие эмоциональные состояния (111 характеристик): обаяние, истеричный, испуганный, ворчливый. Менее всего представлены акизитивные характеристики, встречающиеся всего у 7 чел. (алчный, бедный, богатый, безденежный, бездомный и др.).

Модальность образов одаренной личности в основном позитивно окрашена: 1666 определений относятся к положительным характеристикам, 491 — к нейтральным и всего 73 определения одаренной личности негативно окрашены. Причем большая часть негативных определений дана студентами гуманитарных специальностей. Образ одаренной личности у студентов технической специальности более положительно окрашен ($\varphi = 2{,}013$, при $p \leq 0{,}05$) по сравнению со студентами гуманитарных направлений. Вероятно, это объясняется тем, что гуманитарии значительно чаще представителей технических направлений используют социальные и эмоциональные компоненты в характеристиках одаренной личности, и именно эти характеристики в большей степени имеют негативно-окрашенные слова.

Многие студенты написали имена известных людей и своих близких, знакомых (104 имени), при этом юноши отдают предпочтение мужским именам, а девушки — женским. Среди имен известных людей, которые называют студенты, чаще других встречаются Эйнштейн (6), Да Винчи (5), Маск (4), Менделеев (4), Моцарт (4). Таким образом, можно узнать и о популярности вышеперечисленных деятелей науки и искусства у современных студентов. Из наших соотечественников упоминается только Д.И. Менделеев.

Частотный анализ ассоциаций на тему «Одаренная личность» показал, что самыми популярными словами по всей выборке являются талант (65,5 %), гениальный/ая (51,1 %), способный/ая (30,6 %), ум (30,1 %), успех (24,9 %), особенный/ая (21,4 %), выдающийся (21 %), творец (17,5 %), дар (16,2 %).

Обнаружено, что, будучи в целом однотипными, эти образы зависят от профессиональной направленности личности. Так, самыми значимыми оказались различия в использовании имен: студенты технических специальностей писали их чаще ($\varphi = 7{,}890$, при $p \leq 0{,}01$). Студенты технических специальностей чаще гуманитариев использовали метафоры ($\varphi = 5{,}244$, при $p \leq 0{,}01$). Также в ответах студентов технического направления чаще встречаются деятельностные характеристики ($\varphi = 2{,}062$, при $p \leq 0{,}05$); они, как правило, указывают на конкретные умения одаренной личности и деятельностные сферы ее реализации (см. рис. 1).

У студентов гуманитарного направления 25 % всех определений приходится на социальные характеристики, что существенно больше, чем у студентов технических специальностей ($\varphi = 2{,}768$, при $p \leq 0{,}01$). Кроме того, они значительно чаще используют отрицательные характеристики ($\varphi = 4{,}716$, при $p \leq 0{,}01$). Также для них более характерно использование телесно-физических и эмоциональных характеристик одаренной личности ($\varphi = 3{,}819$, при $p \leq 0{,}01$) и ($\varphi = 3{,}146$, при $p \leq 0{,}01$) соответственно (см. табл. 1).

При этом, можно говорить о разных аспектах отражения изучаемого понятия студентами технических и гуманитарных направлений. Студенты технических направлений описывают одаренную личность в большой степени через ее реализацию в деятельности, в том числе и профессиональной, они склонны к написанию более конкретных категорий (имена, деятельностные черты личности). Для студентов-гуманитариев более значимым оказываются отношения одаренной личности с социальной средой, а также ее эмоциональные и телесно-физические характеристики.

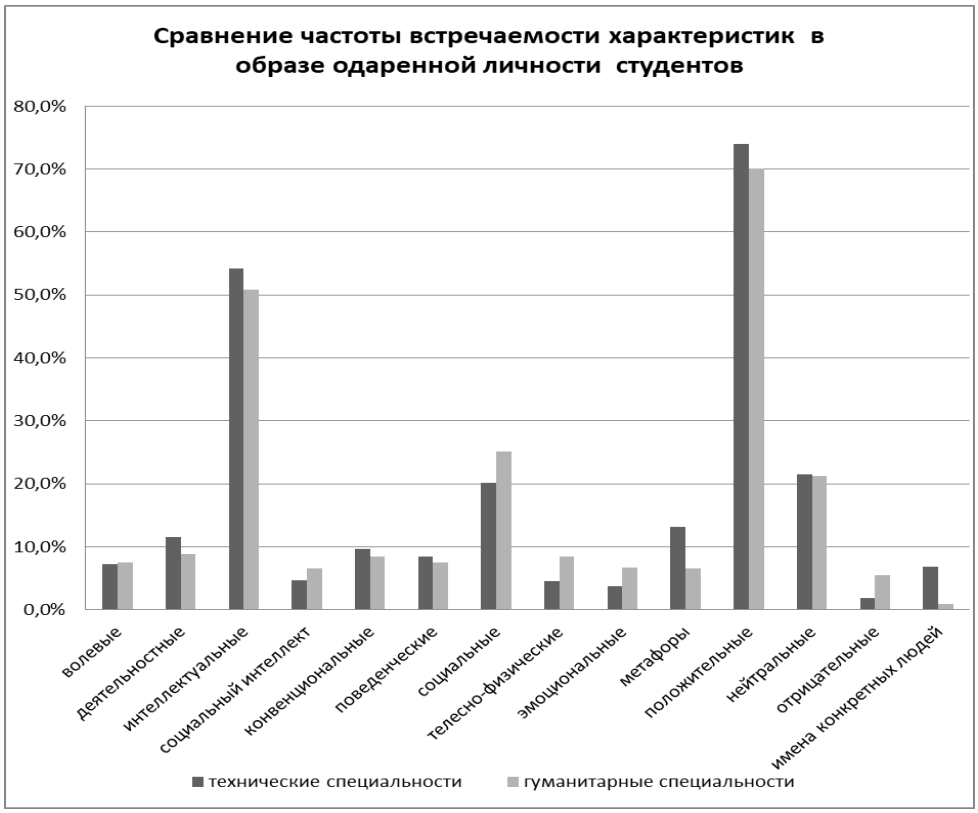


Рис. 1. Сравнение частоты встречаемости характеристик в образе одаренной личности студентов гуманитарных и технических специальностей

Fig. 1. Comparison of the frequency of occurrence of characteristics in the image of a gifted personality of students of humanities and technical specialties

Таблица 1. Структуры образов одаренной личности у студентов технических и гуманитарных специальностей

Table 1. Structures of images of a gifted personality among students of technical and humanitarian specialties

Характеристики	*Технические специальности*		*Гуманитарные специальности*		*Угловое преобразование Фишера*	*Уровень значимости*
	Всего слов	*% от всех слов*	*Всего слов*	*% от всех слов*		
Волевые	102	7	67	8	-0,273	–
Деятельностные	163	12	79	9	2,062	$p < 0,05$
Интеллектуальные	763	54	451	51	1,572	–
Социальный Интеллект	66	5	58	7	-1,880	$p < 0,05$
Конвенциональные	136	10	75	8	0,982	–
Поведенческие	118	8	66	7	0,815	–
Социальные	284	20	223	25	-2,768	$p < 0,01$
Телесно-Физические	63	4	75	8	-3,819	$p < 0,01$
Эмоциональные	52	4	59	7	-3,146	$p < 0,01$
Метафоры	185	13	58	7	5,244	$p < 0,01$
Акизитивные	4	0,3	3	0,3	-0,226	–
Положительные	1043	74	623	70	2,013	$p < 0,05$
Нейтральные	303	22	188	21	0,190	–
Отрицательные	25	2	48	5	-4,716	$p < 0,01$
Имена	96	7	8	1	7,890	$p < 0,01$

Среди наиболее часто встречающихся слов, описывающих одаренную личность, у студентов разных направлений подготовки не выявлено кардинальных различий в иерархии определений одаренной личности. Это отчетливо показывает частотный анализ: в первой десятке наиболее часто употребляемых слов студентами гуманитарных и технических специальностей одни и те же определения (табл. 2). Основные отличия в разнообразии ассоциаций начинаются на втором десятке слов. Так, корень «интеллект» и «интерес» у гуманитариев встречается в 19,32 % ассоциаций, в то время как у «технарей» «интеллект» упоминают, практически аналогично — 19,86 %, а корень «интерес» встречается лишь в 7,09 % описаний. Ассоциации с корнями «эруд» и «феном» у гуманитариев встречаются редко, но в два раза чаще, чем у студентов технических направлений, в то же время «индивидуальность» у них в два раза чаще ассоциируется с одаренной личностью, чем у гуманитариев.

Полученные нами данные в целом согласуются с результатами исследований Н.В. Былинской [Былинская Н.В., 2016], Ф.Т. Хиеу и Л.В. Поповой [Хиеу Ф.Т., Попова Л.В., 2011] в том, что имплицитные представления об одаренности имеются практически у каждого человека, складываясь достаточно стихийно и практически независимо от эксплицитных концепций и научных теорий.

Таблица 2. Частотный словарь десяти наиболее частых ассоциаций термина «одаренная личность» у студентов гуманитарных и технических направлений

Table 2. Frequency dictionary of the ten most frequent associations of the term «gifted personality» among students of humanities and technical fields

№ п/п	*Гуманитарные*	*Кол-во*	*%*	*Технические*	*Кол-во*	*%*
1	Талант	62	70,45	Талант	88	62,41
2	Гениальная	46	52,27	Гениальная	71	50,35
3	Способная	30	34,09	Ум	52	36,88
4	Особенная	25	28,41	Способная	40	28,37
5	Творческий	23	25,00	Творец	38	26,95
6	Успех	22	25,00	Успех	35	24,82
7	Ум	17	19,32	Уникальный	34	24,11
8	Выдающийся	16	18,18	Выдающийся	32	22,70
9	Дар	16	18,18	Особенная	24	17,02
10	Уникальный	16	18,18	Дар	21	14,89

Сравнение с результатами исследования С.И. Гусевой (Кедич) и В.Л. Ситникова [Гусева (Кедич С.И., 2000; Ситников В.Л., 2001], проведенными более двадцати лет назад, показало, что имплицитный образ одаренной личности мало изменился за последние 20 лет.

Выводы

Теоретический анализ, посвященный изучению имплицитных представлений об одаренных людях, показал, прежде всего, то, что знание имплицитной модели одаренной личности способствуют более эффективному взаимодействию с такими людьми, лучшему их пониманию. Именно имплицитные концепции оказываются прочно связанными с жизнью и практикой. Особенно важным видится осмысление имплицитных теорий личности одаренного человека в период получения им образования.

В эмпирической части нашего исследования, мы выявили, что представления студентов об одаренной личности однотипны и не отличаются научностью, при этом качества интеллектуально-когнитивной сферы отметили более 80% человек. Таким образом, действительно, большинство людей пользуются именно своими субъективными представлениями об одаренной личности, которые являются основой для выявления таких людей и построения взаимодействия с ними. Очевидно, что одаренная личность описывается, прежде всего, через интеллектуальные характеристики. При этом сравнительно мало в имплицитных концепциях одаренной личности представлены характеристики мотивационно-волевой и эмоциональной сферы. Другими словами, представления об одаренной личности мало связаны в имплицитной теории с волевой и аффективной сферами. Большая часть молодежи, полагает, что именно интеллектуальные способности являются отличительной особенностью одаренной личности, а не трудолюбие, высокая мотивация или эмоциональные компоненты личности.

Имплицитная концепция одаренной личности современных студентов связана с их профилем

профессиональной подготовки. Так, студенты технических специальностей склонны описывать одаренную личность в большой степени через ее реализацию в деятельности и через конкретные категории. Студенты-гуманитарии, возможно, в силу своих профессиональных предпочтений, выделяют социальные характеристики.

В.Ф. Петренко писал: «…задача психосемантики — реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, себя, а также изучение ее генеза, строения и функционирования. Психосемантика исследует различные формы существования значений в индивидуальном сознании — образы, символы, коммуникативные и ритуальные действия, словесные понятия» [Петренко В.Ф., 1998, с. 12]. Проведенное исследование позволяет утверждать целесообразность и перспективность изучения представлений профессионалов об одаренности. Это направление представляется важным с точки зрения осмысления влияния стереотипов современного общества на формирование представлений об одаренности профессионала. На наш взгляд, сегодня весьма целесообразны исследования психосемантики имплицитных моделей одаренности профессионала. Необходима разработка программ дальнейшего более детального изучения специфики представлений об одаренном профессионале, причем не только студентов, но и педагогов конкретных направлений и специальностей профессионального обучения, что поможет разработать программы подготовки педагогов и психологов к работе по повышению адекватности, эффективности выявления и сопровождения одаренных личностей не только в период школьного, но и вузовского обучения.

Список литературы

Акованцева Л.И. Одаренность, мотивация, успеваемость: трудности и конфликты // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, № 2. С. 32–36.

Андреева Г.М. Психология социального познания: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.

Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл: ИЦ «Академия», 2002. 416 с.

Богоявленская Д.Б. Философские основы теории одаренности // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 14–21. DOI: https://doi.org/10.17759/chp.2019150202

Былинская Н.В. Имплицитная теория личности одаренных мальчиков и девочек у педагогов гуманитарных дисциплин // Европейский Союз Ученых (ЕСУ). 2016. № 4(25). С. 53–55.

Гусева (Кедич) С.И. Образ математически одаренного ученика в сознании педагога: автореф. дис. … канд. психол. наук. СПб., 2000. 18 с.

Илалтдинова Е.Ю., Фролова С.В. Концептуальные основы выявления, отбора и сопровождения педагогически одаренной молодежи // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, № 4. URL: https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/892 (дата обращения: 06.08.2022).

Карагачева М.В., Кедич С.И., Ситников В.Л. Кросскультурные особенности образов учащихся разного уровня математической одаренности // Человек, субъект, личность в современной психологии: матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 80- летию А.В. Брушлинского: в 3 т. / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. Т. 3. С. 282–284.

Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала: учеб.-метод. пособие. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2016. 120 с.

Колосова Е.В. Психологическая готовность студентов педагогических вузов к менторингу одаренных школьников // Проблемы современного педагогического образования. 2018. Вып. 59, ч. 4. С. 412–415.

Курасов Н.В., Ледовских И.А., Ручкова Н.А. Изучение понятия одаренности в рамках психолого-педагогического знания // Интеграция образования. 2015. Т. 19, № 3. С. 52–58. DOI: https://doi.org/10.15507/inted.080.019.201503.052

Панов В.И. Парадоксальность и природа одаренности: экопсихологический подход // Ярославский психологический вестник. 2020. Вып. 3(48). С. 26–34.

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 177 с.

Петренко В.Ф. Психосемантический подход к исследованию сознания и личности // Психологическое обозрение. 1998. Т. 3, № 2. С. 12–17.

Ситников В.Л. Психология образа ребенка (в сознании субъектов педагогического процесса): дис. … д-ра психол. наук. СПб., 2001. 597 с.

Хиеу Ф.Т., Попова Л.В. Имплицитные представления об одаренности у вьетнамских студентов // Наука и школа. 2011. № 3. С. 122–126.

Шадриков В.Д. К новой психологической теории способностей и одаренности // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 2 С. 15–26. DOI: https://doi.org/10.31857/s020595920002981-5

Шумакова Н.Б. Представления о творческой и успешной личности у интеллектуально одаренных

подростков // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 88–99.

Berezovskaya I., Karagacheva M., Slotina T., Komarova A., Popova N. Images of Giftedness and Creativity // Technology, Innovation and Creativity in Digital Society: proceedings of the 21st International Conference «Professional Culture of the Specialist of the Future» / ed. by D. Bylieva, A. Nordmann. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 345. Cham, CH: Springer, 2022. P. 87–94. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_8

Heller K.A. Perspectives on the diagnosis of giftedness // German Journal of Psychology. 1989. Vol. 13. P. 140–159. DOI: https://doi.org/10.5282/ubm/epub.2431

Jurišević M., Žerak U. Attitudes towards gifted students and their education in the Slovenian context // Psychology in Russia: State of the Art. 2019. Vol. 12, iss. 4. P. 101–117. DOI: https://doi.org/10.11621/pir.2019.0406

Lee S.-Y., Matthews M., Boo E., Kim Y.-K. Gifted students' perceptions about leadership and leadership development // High Ability Studies. 2021. Vol. 32, iss. 2. P. 219–259. DOI: https://doi.org/10.1080/13598139.2020.1818554

Preckel F., Baudson T.G., Krolak-Schwerdt S., Glock S. Gifted and maladjusted? Implicit attitudes and automatic associations related to gifted children // American Educational Research Journal. 2015. Vol. 52, iss. 6. P. 1160–1184. DOI: https://doi.org/10.3102/0002831215596413

Zirenko M.S. Implicit theories of intelligence and personality: relations to intelligence, motivation and personality // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, № 1. С. 39–53. DOI: https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-1-39-53

Получена: 01.10.2022. Принята к публикации: 21.10.2022

References

Akovantseva, L.I. (2016). [Talent, motivation, academic perfomance: Difficulties and conflicts]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 26, no. 2, pp. 32–36.

Andreeva, G.M. (2000). *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press, 288 p.

Asmolov, A.G. (2002). *Psikhologiya lichnosti: printsypy obschepsikhologicheskogo analiza* [Personality psychology: principles of general psychological analysis]. Moscow: Smysl Publ., Akademiya Publ., 416 p.

Berezovskaya, I., Karagacheva, M., Slotina, T., Komarova, A. and Popova, N. (2022). Images of giftedness and creativity. *D. Bylieva, A. Nordmann (eds) Technology, Innovation and Creativity in Digital Society: proceedings of the 21st International Conference «Professional Culture of the Specialist of the Future»*. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 345. Cham, CH: Springer Publ., 2022, pp. 87–94. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_8

Bogoyavlenskaya, D.B. (2019). [Philosophical foundations of the theory of giftedness]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and Historical Psychology]. Vol. 15, no. 2, pp. 14–21. DOI: https://doi.org/10.17759/chp.2019150202

Bylinskaya, N.V. (2016). [Implicit theory of the personality of gifted boys and girls among teachers of humanities]. *Evropeyskiy Soyuz Uchenykh* [Eurasian Union of Scientists]. No. 4(25), pp. 53–55.

Guseva, S.I. (2000). *Obraz matematicheski odarennogo uchenika v soznanii pedagoga: avtoref. dis. … kand. psikhol. nauk* [The image of a mathematically gifted student in the teacher's mind: Abstract of Ph.D. dissertation]. St. Petersburg, 18 p.

Heller, K.A. (1989). Perspectives on the diagnosis of giftedness. *German Journal of Psychology*. Vol. 13, pp. 140–159. DOI: https://doi.org/10.5282/ubm/epub.2431

Hieu, F.T. and Popova, L.V. (2011). [Implicit ideas about giftedness among Vietnamese students]. *Nauka i shkola* [Science and School]. No. 3, pp. 122–126.

Ilaltdinova, E.Yu. and Frolova, S.V. (2018). [Conceptual foundations for the identification, selection and support of pedagogically gifted youth]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University]. Vol. 6, no. 4. Available at: https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/892 (accessed 06.08.2022).

Jurišević, M. and Žerak, U. (2019). Attitudes towards gifted students and their education in the Slovenian context. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 12, iss. 4, pp. 101–117. DOI: https://doi.org/10.11621/pir.2019.0406

Karagacheva, M.V., Kedich, S.I. and Sitnikov, V.L. (2013). [Cross-cultural features of images of students of different levels of mathematical giftedness]. *Chelovek, sub'ekt, lichnost' v sovremennoy psikhologii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy 80- letiyu A.V. Brushlinskogo: v 3 t.* [Man, Subject, Personality in Modern Psychology. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of A.V. Brushlinsky: in 3 vols]. St. Petersburg: IP RAS Publ., vol. 3, pp. 282–284.

Kolosova, E.V. (2018). [Psychological readiness of students of pedagogical universities to monitor gifted schoolchildren]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. Iss. 59, pt. 4, pp. 412–415.

Kozhevnikova, O.V. and V'yuzhanina, S.A. (2016). *Psikhosemantika. Metod semanticheskogo differentsiala* [Psychosemantics. Semantic differential technique]. Izhevsk: Udmurt University Publ., 120 p.

Kurasov, N.V., Ledovskikh I.A. and Ruchkova N.A. (2015). [Study of the concept of giftedness as part of psychological and pedagogical knowledge]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education]. Vol. 19, no. 3, pp. 52–58. DOI: https://doi.org/10.15507/inted.080.019.201503.052

Lee, S.-Y., Matthews, M., Boo, E. and Kim, Y.-K. (2021). Gifted students' perceptions about leadership and leadership development. *High Ability Studies*. Vol. 32, iss. 2, pp. 219–259. DOI: https://doi.org/10.1080/13598139.2020.1818554

Panov, V.I. (2020). [Paradoxes in the study of the nature of giftedness: eco-psychological approach]. *Yaroslavskiy psikhologicheskiy vestnik* [Yaroslavl Psychological Bulletin]. Iss. 3(48), pp. 26–34.

Petrenko, V.F. (1983). *Vvedenie v eksperimental'nuyu psikhosemantiku: issledovanie form reprezentatsii v obydennom soznanii* [Introduction to experimental psychosemantics: a study of forms of representation in ordinary consciousness]. Moscow: MSU Publ., 177 p.

Petrenko, V.F. (1998). [Psychosemantic approach to the study of consciousness and personality]. *Psihologicheskoe obozrenie* [Psychological Review]. Vol. 3, no. 2, pp. 12–17.

Preckel, F., Baudson, T.G., Krolak-Schwerdt, S. and Glock, S. (2015). Gifted and maladjusted? Implicit attitudes and automatic associations related to gifted children. *American Educational Research Journal*. Vol. 52, iss. 6, pp. 1160–1184. DOI: https://doi.org/10.3102/0002831215596413

Shadrikov, V.D. (2019). [Towards a new psychological theory of abilities and giftedness]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 40, no. 2, pp. 15–26. DOI: https://doi.org/10.31857/s020595920002981-5

Shumakova, N.B. (2019). [The notion of a creative and successful person in intellectually gifted adolescents]. *Voprosy psikhologii*. No. 4, pp. 88–99.

Sitnikov, V.L. (2001). *Psikhologiya obraza rebenka (v soznanii sub'ektov pedagogicheskogo protsessa): dis. … d-ra psikhol. nauk* [Psychology of the child's image (in the minds of the subjects of the pedagogical process): dissertation]. St. Petersburg, 597 p.

Zirenko, M.S. (2018). Implicit theories of intelligence and personality: relations to intelligence, motivation and personality. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 15, no. 1, pp. 39–53. DOI: https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-1-39-5

Received: 01.10.2022. Accepted: 21.10.2022

Об авторах

Ситников Валерий Леонидович
доктор психологических наук, профессор

профессор кафедры юридической психологии,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1

профессор кафедры психологии,
Тувинский государственный университет,
667000, Республика Тыва, Кызыл, ул. Ленина, 36

e-mail: sitnikof@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6847-7591
ResearcherID: T-7798-2017

Слотина Татьяна Викторовна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры «Прикладная психология»

Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I,
190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9;
e-mail: vladislava-97@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7304-7446
ResearcherID: GWZ-2835-2022

About the authors

Valery L. Sitnikov
Doctor of Psychology, Professor

Professor of the Department of Legal Psychology,
Saint Petersburg University of the MIA of Russia,
1, Letchik Pilyutov st., Saint Petersburg, 198206, Russia

Professor of the Department of Psychology,
Tuvan State University,
36, Lenin st., Kyzyl, Republic of Tuva, 667000, Russia

e-mail: sitnikof@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6847-7591
ResearcherID: T-7798-2017

Tatyana V. Slotina
Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Applied Psychology

Emperor Alexander I Saint Petersburg
State Transport University,
9, Moskovskiy av., Saint Petersburg, 190031, Russia;
e-mail: vladislava-97@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7304-7446
ResearcherID: GWZ-2835-2022

Комарова Александра Владимировна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент Высшей школы инженерной педагогики,
психологии и прикладной лингвистики,
Гуманитарный институт

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29;
e-mail: alex_komarova@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6104-0194
ResearcherID: ABF-3288-2021

Карагачева Мария Валерьевна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры «Прикладная психология»

Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I,
190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9;
e-mail: karagache@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0379-9108
ResearcherID: R-3446-2016

Кедич Светлана Игоревна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры «Прикладная психология»

Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I,
190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9;
e-mail: kedichsi@inbox.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1577-6306
ResearcherID: AAG-3594-2020

Киселева Наталья Станиславовна
кандидат психологических наук,
доцент Высшей школы инженерной педагогики,
психологии и прикладной лингвистики,
Гуманитарный институт

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29;
e-mail: dellarosa@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0376-4028
ResearcherID: GWF-2356-2022

Aleksandra V. Komarova
Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Higher School
of Engineering Pedagogy, Psychology
and Applied Linguistics, Institute of Humanities

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
29, Politekhnicheskaya st., Saint Petersburg,
195251, Russia;
e-mail: alex_komarova@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6104-0194
ResearcherID: ABF-3288-2021

Mariya V. Karagacheva
Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Applied Psychology

Emperor Alexander I Saint Petersburg
State Transport University,
9, Moskovskiy av., Saint Petersburg, 190031, Russia;
e-mail: karagache@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0379-9108
ResearcherID: R-3446-2016

Svetlana I. Kedich
Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Applied Psychology

Emperor Alexander I Saint Petersburg
State Transport University,
9, Moskovskiy av., Saint Petersburg, 190031, Russia;
e-mail: kedichsi@inbox.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1577-6306
ResearcherID: AAG-3594-2020

Nataliya S. Kiseleva
Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Higher School
of Engineering Pedagogy, Psychology
and Applied Linguistics, Institute of Humanities

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
29, Politekhnicheskaya st., Saint Petersburg,
195251, Russia;
e-mail: dellarosa@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0376-4028
ResearcherID: GWF-2356-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Ситников В.Л., Слотина Т.В., Комарова А.В., Карагачева М.В., Кедич С.И., Киселева Н.С. Психосемантический анализ имплицитной концепции одаренной личности у студенческой молодежи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 554–565. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-554-565

For citation:
Sitnikov V.L., Slotina T.V., Komarova A.V., Karagacheva M.V., Kedich S.I., Kiseleva N.S. [Psychosemantical analysis of gifted personality in student youth]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 554–565 (in Russian).
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-554-565

УДК 159.964–057.87(470.53)

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-566-578

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ОТНОШЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ ГОРОДА ПЕРМЬ И ПЕРМСКОГО КРАЯ

Афанасьев Вадим Геннадьевич, Соломин Игорь Леонидович

Компания HB Assistance (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено в 2017 г. по заказу Министерства образования и науки Пермского края в рамках задачи по раннему выявлению школьников и студентов, склонных к употреблению наркотических и психотропных веществ. С помощью методики психосемантической экспресс-диагностики мотивации на основе компьютерной программы Express было обследовано 56317 обучающихся г. Пермь и Пермского края. Большинство респондентов характеризовалось достаточно высоким уровнем эмоционального благополучия, широким кругом интересов, удовлетворенностью ведущих потребностей, высоким уровнем самооценки, оптимистичным отношением к будущему, позитивным отношением к своей семье, низким уровнем учебной мотивации и отсутствием интереса к учебной деятельности, негативным отношением к наркотикам, риску и смерти. Однако 7 % школьников продемонстрировали максимально позитивное отношение и интерес к наркотикам, 5 % школьников характеризовались повышенной привлекательностью темы смерти, и 15 % школьников испытывают стремление к риску и острым ощущениям. Была выявлена корреляционная связь между показателями общего эмоционального неблагополучия, негативного отношения к учебе, позитивного отношения к наркотикам, риску и смерти. В результате аппроксимации регрессии методом наименьших квадратов было выявлено, что показатели привлекательности наркотиков, риска и смерти прямо пропорциональны квадрату показателя общего эмоционального неблагополучия. Методика психосемантической экспресс-диагностики мотивации позволяет дифференцировать тестируемых по содержанию и уровню эмоциональных отношений и выявлять группы риска школьников и студентов, характеризующихся повышенным интересом к наркотикам и смерти и стремлением к рискованному поведению.

Ключевые слова: психосеманика, психодиагностика, мотивация, отношение, представления, индивидуальное и групповое сознание, школьники, студенты.

A PSYCHOSEMANTICAL STUDY OF THE REPRESENTATIONS AND ATTITUDES OF SCHOOLCHILDREN AND STUDENTS OF THE PERM SITY AND THE PERM TERRITORY

Vadim G. Afanasiev, Igor L. Solomin

HB Assistance (Saint Petersburg)

The study was carried out in 2017 by order of the Ministry of Education and Science of the Perm Territory as part of the task of early detection of schoolchildren and students prone to the use of narcotic and psychotropic substances. Using the methodology of psychosemantic express diagnostics of motivation based on the Express computer program, 56,317 students from the city of Perm and the Perm Territory were examined. Most respondents were characterized by a fairly high level of emotional well-being, a wide range of interests, satisfaction of leading needs, a high level of self-esteem, an optimistic attitude towards the future, a positive attitude towards their family, a low level of educational motivation and a lack of interest in educational activities, a negative attitude towards drugs, risk and death.However, 7% of schoolchildren demonstrated the most positive attitude and interest in drugs, 5% of the schoolchildren characterized the topic of death as highly attractive for them, and 15% of schoolchildren feel a desire for risk and thrills. A correlation was found between indicators of general emotional distress, negative attitude to learning, positive attitude to drugs, risk and death. As a result

© Афанасьев В.Г., Соломин И.Л., 2022

of the least squares fit of the regression, it was found that the indicators of drug attractiveness, risk and death are directly proportional to the square of the indicator of general emotional distress. The method of psychosemantic express diagnostics of motivation makes it possible to differentiate test subjects by the content and level of emotional relationships and to identify risk groups of schoolchildren and students characterized by an increased interest in drugs and death and a desire for risky behavior.
Keywords: psychosemantics, psychodiagnostics, motivation, attitude, ideas, individual and group consciousness, schoolchildren, students.

Введение

Мотивация является одной из основных детерминант поведения человека. Точное знание содержания потребностей, мотивов и отношений конкретных людей необходимо для прогнозирования и коррекции их поведения и состояния, эффективного психологического консультирования, профориентации и управления. Решение задач исследования и оптимизации мотивации и отношений требует создания и совершенствования объективных, надежных и научно обоснованных методов диагностики мотивационной сферы личности. В настоящее время для изучения различных аспектов мотивации человека наиболее часто используются анкетные методы. Однако опрос не всегда может дать объективную информацию о потребностях. Прямые методы диагностики, основанные на самоотчете, часто выявляют лишь осознаваемые, декларируемые, а не реально действующие мотивы. При этом даже адекватно осознанные мотивы могут искажаться при тестировании вследствие их различной социальной желательности, что проявляется в маскировке порицаемых и демонстрации одобряемых мотивов. Проективные методы частично разрешают проблему мотивационных искажений со стороны испытуемого, однако их достоверность и надежность не всегда обоснованы, а их эффективность в большой мере зависит от квалификации и опыта специалистов.

Поскольку традиционные психодиагностические методы не позволяют с достаточной степенью точности выявлять содержание мотивации, актуальной задачей является поиск защищенных от неискренности испытуемого методов диагностики реальных его отношений к действительности. Наиболее перспективным направлением диагностики содержания представлений и отношений личности являются методы, разработанные в экспериментальной психосемантике [Петренко В.Ф., 1983, 2010; Шмелев А.Г., 1983; Эткинд А.М., 1985; Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А., 2016]. Одним из авторов настоящей статьи разработана концепция мотивации как особой структуры представлений и отношений, которая является частью сознания и бессознательного и может быть выявлена с помощью методов экспериментальной психосемантики [Соломин И.Л., 2001, 2006, 2013].

Методы психосемантической диагностики мотивации использовались авторами и коллегами для решения широкого круга задач. В период с 1981 г. по настоящее время с помощью методик семантического дифференциала, репертуарных решеток и цветовых метафор исследовались школьники, российские, китайские, американские и казахские студенты, курсанты, военнослужащие, водолазы, операторы энергоблоков Чернобыльской атомной электростанции, руководители и специалисты коммерческих организаций, чиновники, безработные, спортсмены, репатрианты в Израиль, заключенные и персонал учреждений исполнения наказаний, здоровые люди, невротики и наркозависимые. Выявлялись потребности, интересы и ценности, мотивы учебной, профессиональной и трудовой деятельности, удовлетворенность и эмоциональное благополучие, лояльность, политические убеждения, готовность к экстремизму, отношение к наркотикам, страхи [Смирнов А.Д., Соломин И.Л., 2013; Соломин И.Л., 2015, 2019; Соломин И.Л., Цзян Н., 2015; Афанасьев В.Г. и др., 2019; Ященко Е.Ф., Соломин И.Л., 2022].

Представляет интерес оценка возможностей психосемантических технологий для решения задач выявления групп риска молодежи, в том числе предрасположенности школьников и студентов к различным видам девиантного поведения, в частности, готовности к употреблению наркотиков, суицидальному и рискованному поведению.

Организация исследования

В соответствии с Приказом Министерства образования и науки Пермского края № СЭД-26-01-06-887 от 01.09.2017 г. «О проведении социально-психологического тестирования обучающихся 9, 10, 11 классов общеобразовательных организаций, 1, 2 курсов профессиональных организаций, студентов 1 курса образовательных организаций высшего образования, расположенных на территории Пермского края, в 2017–2018 учебном году» были обследованы 36 992 учащихся старше 14 лет из 870 общеобразовательных школ 48 районов г. Пермь и Пермского края, а также 17 652

студента из 58 техникумов и колледжей, 1673 студента из 7 вузов. Тестирование было сплошным, респонденты при желании могли не указывать свои фамилии и имена. Психологи и другие специалисты образовательных учреждений с помощью компьютерной программы Express, установленной в компьютерных классах, проводили групповое тестирование, сохраняли ответы в базах данных и высылали файлы баз данных исполнителю, который объединял полученные базы, обрабатывал групповые данные и анализировал полученные результаты.

Методика исследования

Методика психосемантической экспресс-диагностики мотивации, разработанная И.Л. Соломиным, позволяет выявлять структуру и содержание не декларируемых эмоциональных отношений, потребностей и мотивов различных категорий взрослых людей и детей школьного возраста. Методика имеет 2 варианта: цветовые метафоры и «9 рук». В данном исследовании использовался вариант «9 рук» на основе монохромного стимульного материала Hand-теста Э. Вагнера, не интерферирующего с понятиями «наркотики», «курение» и «алкоголь», которые могут иметь цветовые коннотации. Респонденты должны обозначить каждое из нескольких десятков предъявленных понятий с помощью одного из 9 изображений человеческих рук. После этого респонденты должны расположить изображения рук в порядке привлекательности от самого приятного до самого противного.

Понятия характеризуют различные потребности и ценности, занятия и виды деятельности, людей и группы людей, события, а также эмоциональные переживания и чувства. В данном исследовании респондентам предъявлялись 82 понятия: «Успех», «Неудача», «Общение», «Болезнь», «Богатство», «Знания», «Радость», «Игра», «Медицина», «Музыка», «Печаль», «Усталость», «Бизнес», «Дети», «Здоровье», «Интернет», «Искусство», «Любовь», «Безопасность», «Взрослые», «Алкоголь», «Выполнение требований», «Интересное занятие», «Мое прошлое», «Мои друзья», «Удовольствие», «Заработок», «Закон», «Курение», «Мои обязанности», «Мое настоящее», «Моя мать», «Моя учеба», «Кайф», «Наказание», «Наука», «Мое увлечение», «Мой отец», «Нарушение правил», «Неприятности», «Образование», «Отдых», «Деньги», «Моя школа» («Мой техникум, колледж, вуз» — для студентов), «Мое будущее», «Мои учителя» («Мои преподаватели» — для студентов), «Независимость», «Наркотики», «Работа», «Семья», «Порядок», «Риск», «Обида», «Ответственность», «Свобода», «Уважение», «Моя жизнь», «Преступление», «Каким (какой) я хочу быть», «Скука», «Спорт», «Творчество», «Лечение», «Уверенность», «Чтение книг», «Моя будущая профессия», «Раздражение», «Ломка», «Ссора», «Угроза», «Развлечения», «Страх», «Наркомания», «Какой (какая) я на самом деле», «Зависимость», «Мои одноклассники» («Мои однокурсники» — для студентов), «Стыд», «Смерть», «Техника», «Соперничество», «Осторожность», «Наркоманы».

Методика основана на предположении, что если несколько понятий обозначаются одним изображением руки, то данные понятия ассоциируются в сознании респондента. Например, если респондент обозначил одинаковым изображением понятия «Интересное занятие» и «Моя учеба», то это значит, что он относится к своей учебе с интересом. Если он объединяет понятия «Каким я хочу быть» и «Мой отец», то он, вероятно, хочет быть похож на своего отца. Если человек обозначает одной рукой понятия «Наркотики» и «Угроза», то он опасается наркотиков. Если в одной группе оказываются понятия «Мое будущее», «Мое увлечение», «Достижение успеха», «Творчество», «Радость», то в сознании человека его собственное будущее ассоциируется именно с этими понятиями, его представления о будущем оптимистичны.

Если понятие обозначается самым привлекательным изображением руки, это означает, что респондент выражает позитивное отношение к данному понятию, оно ему нравится. И наоборот, если понятие обозначается самой неприятной рукой, оно респонденту не нравится. Таким образом, ранг привлекательности изображения руки, которым обозначается данное понятие, выражает степень привлекательности данного понятия в сознании респондента.

В процессе интерпретации для выявления ведущих потребностей, стремлений, интересов и увлечений анализируются понятия, обозначенные самой привлекательной рукой, а также понятия, ассоциирующиеся с понятиями «Мое увлечение» и «Интересное занятие». Для оценки удовлетворенности потребностей, актуального состояния, эмоционального благополучия, воспоминаний, ожиданий, надежд и намерений выявляются те понятия, которые связаны с понятиями «Мое настоящее», «Мое прошлое» и «Мое будущее». Для определения отношения к себе и уровня самооценки выясняется, с какими понятиями ассоциируются понятия «Какой я на самом деле» и «Каким я хочу быть». Для выявления источников

негативных переживаний определяется, какие понятия обозначаются самой неприятной рукой, а также какие понятия связаны с отрицательными переживаниями или событиями: «Неудачей», «Угрозой», «Раздражением», «Печалью», «Неприятностями» и т.п. Таким способом можно выявить содержание стремлений, интересов и увлечений, их удовлетворенность, отношение к прошлому, настоящему и будущему, отношение к себе и другим людям, отношение к различным занятиям, источники стресса.

Для сбора и обработки данных методики «9 рук» использовалась написанная под руководством И.Л. Соломина компьютерная программа Express (рис. 1). Программа позволяет редактировать список понятий для оценки респондентами, вводить и редактировать данные респондентов, вводить ответы респондентов, анализировать индивидуальные результаты по каждому респонденту и данные группового сознания по любой категории респондентов в зависимости от пола, возраста, группы, региона и образовательного учреждения.

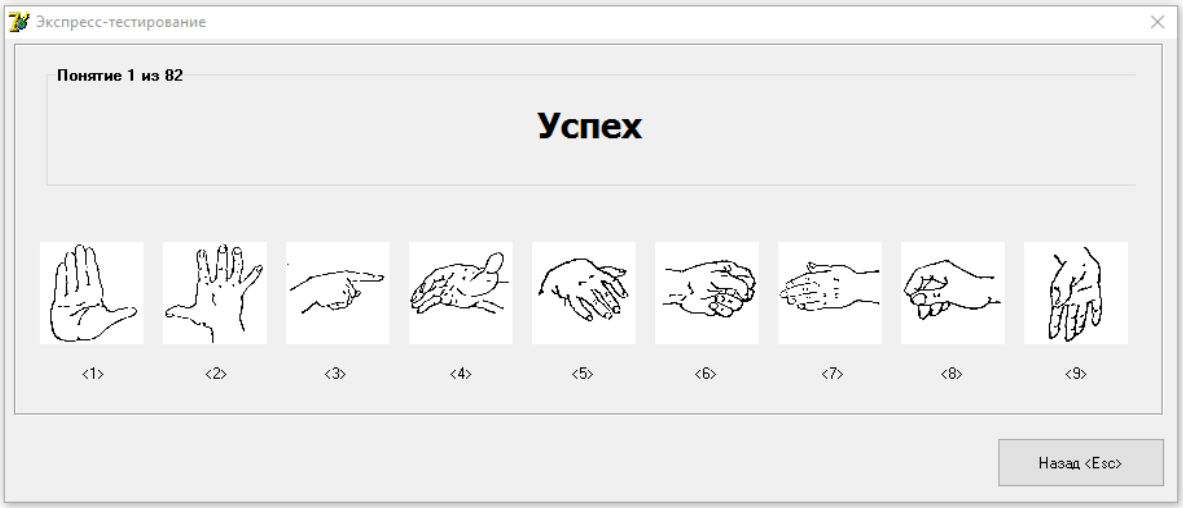


Рис. 1. Окно тестирования программы Express

Fig. 1. Express test window

В процессе анализа данных группового сознания с помощью программы Express для каждой пары понятий вычисляется так называемый процент несогласия — доля респондентов в выборке, обозначающих данные два понятия разными изображениями, характеризующая степень несходства, различия, расстояния между данными понятиями в групповом сознании. Если процент несогласия не превышает эмпирически установленного для методики «9 рук» порогового значения 75 %, то данные два понятия представляются респондентами как сходные, т.е. ассоциируются в сознании группы респондентов. В этом случае более 25 % респондентов в группе обозначают понятия одинаковым изображением руки. Для каждого понятия в списке программа Express выводит список понятий, которые ассоциируются в сознании более 25 % респондентов. Таким образом, для любого интересующего нас понятия мы можем установить, какие понятия с ним ассоциируются в сознании значительной части респондентов. Кроме того, программа позволяет для каждого понятия вычислить, какой процент респондентов в выборке обозначает данное понятие самой привлекательной рукой, второй по степени привлекательности рукой и т.д., а также определить среднегрупповой ранг привлекательности.

В процессе обработки данных в программу Express были введены решающие правила, которые позволяли для каждого тестируемого получить значения количественных показателей общего эмоционального благополучия и неблагополучия, позитивного и негативного отношения к учебе, позитивного и негативного отношения к наркотикам, позитивного отношения к риску и смерти. Каждый из данных показателей определяется с помощью суммы выбранных экспертом весовых коэффициентов в зависимости от определенных условий. Иными словами, в зависимости от того, какой ранг привлекательности от 1 до 9 занимает определенное понятие, а также с какими другими понятиями оно ассоциируется, к соответствующему показателю добавляется определенный весовой коэффициент (табл. 1).

Таблица 1. Решающие правила для получения количественных показателей

Table 1. Decision rules for scoring

Показатель	*Способ определения (без указания конкретных весовых коэффициентов)*
Общее эмоциональное благополучие	Понятия «Моя жизнь», «Мое настоящее», «Мое будущее», «Какой я на самом деле» обозначены самыми привлекательными изображениями или ассоциируются с понятиями «Интересное занятие», «Мое увлечение», «Удовольствие», «Здоровье», «Уверенность», «Порядок», «Успех», «Свобода», «Любовь»
Общее эмоциональное неблагополучие	Понятия «Моя жизнь», «Мое настоящее», «Мое будущее», «Какой я на самом деле» обозначены самыми непривлекательными изображениями или ассоциируются с понятиями «Неприятности», «Печаль», «Страх», «Раздражение», «Обида», «Скука», «Стыд», «Усталость», «Угроза», «Неудача», «Ссора», «Наказание»
Позитивное отношение к учебе	Понятия «Моя учеба», «Моя школа», «Мои учителя» обозначены самыми привлекательными изображениями или ассоциируются с понятиями «Интересное занятие», «Мое увлечение», «Удовольствие», «Радость», «Мое настоящее», «Мое будущее», «Знания», «Любовь», «Выполнение требований», «Мои обязанности»
Негативное отношение к учебе	Понятия «Моя учеба», «Моя школа», «Мои учителя» обозначены самыми непривлекательными изображениями или ассоциируются с понятиями «Неприятности», «Печаль», «Страх», «Раздражение», «Обида», «Скука», «Стыд», «Усталость», «Угроза», «Неудача», «Ссора», «Наказание»
Позитивное отношение к наркотикам	Понятия «Наркотики», «Алкоголь», «Курение» обозначены самыми привлекательными изображениями или ассоциируются с понятиями «Интересное занятие», «Мое увлечение», «Удовольствие», «Радость», «Мое настоящее», «Мое будущее», «Моя жизнь», «Развлечения», «Любовь», «Кайф», «Какой я на самом деле», «Мои друзья»
Негативное отношение к наркотикам	Понятия «Наркотики», «Алкоголь», «Курение» обозначены самыми непривлекательными изображениями или ассоциируются с понятиями «Неприятности», «Печаль», «Страх», «Стыд», «Раздражение», «Болезнь», «Смерть», «Ломка», «Неудача», «Преступление», «Наказание», «Нарушение правил»
Позитивное отношение к риску	Понятия «Риск», «Страх», «Угроза» обозначены самыми привлекательными изображениями или ассоциируются с понятиями «Интересное занятие», «Мое увлечение», «Удовольствие», «Радость», «Любовь», «Мое настоящее», «Моя жизнь», «Отдых», «Свобода», «Развлечения», «Кайф», или понятия «Безопасность» и «Осторожность» обозначены самыми непривлекательными изображениями, или понятие «Нарушение правил» не ассоциируется с понятиями «Неприятности», «Страх», «Наказание»
Позитивное отношение к смерти	Понятие «Смерть» обозначено самыми привлекательными изображениями, или ассоциируется с понятиями «Интересное занятие», «Мое увлечение», «Мое настоящее», «Мое будущее», «Моя жизнь», «Какой я на самом деле», «Каким я хочу быть», Отдых, «Свобода», «Мои обязанности», или не ассоциируется с понятиями «Неприятности», «Печаль», «Страх», «Стыд», «Обида», «Болезнь», «Неудача», «Угроза»

Поскольку методика психосемантической экспресс-диагностики не является стандартизированным тестом, ее валидность и надежность зависят от задачи, набора понятий, состава обследуемых респондентов и алгоритмов анализа. Содержательная валидность методики обосновывается в работах [Соломин И.Л., 2001, 2006, 2013]. В методике продемонстрировала высокую чувствительность к текущему состоянию и динамике представлений и отношений респондентов.

Результаты исследования

Итоги качественного анализа структуры отношений школьников, студентов колледжей и вузов представлены в табл. 2.

Результаты обследования школьников позволяют сделать следующие выводы.

1. Значительная часть учащихся школ в регионе ассоциирует понятие «Мое увлечение» с творчеством, уверенностью, свободой и независимостью, а также с развлечениями, что позволяет предположить выраженное стремление к отдыху, впечатлениям, разнообразию, безопасности, автономии и творческому самовыражению. Представления о семье и будущей профессии также ассоциируются с увлечением.

2. Связь в сознании школьников между представлением о настоящем и увлечением свидетельствует о том, что настоящее представляется им как увлекательный и интересный период жизни. Т.е. мы можем предположить, что уже в настоящее время большая часть школьников имеет возможность удовлетворять свои ведущие потребности в достаточной степени.

3. Настоящее часто ассоциируется у школьников с обязанностями. Иными словами, потребность в выполнении обязанностей, чувство долга актуализируются под влиянием жизненных об-

стоятельств. В настоящее время многие школьники сосредоточены на отношениях с родителями и друзьями.

4. Представление о будущем у школьников, как правило, оптимистично, наполнено позитивными эмоциями, мыслями о семье, профессии, работе, учебе, школе, учителях, одноклассниках, друзьях, родителях. Связь образов будущего и настоящего говорит о том, что школьники не ожидают существенных изменений в будущем по сравнению с настоящим.

5. Образы реального Я и идеального Я у большой части школьников обозначаются одинаковым изображением, что указывает на отношение к себе как к идеалу, удовлетворенность своей личностью и максимально высокий уровень самооценки. Многие идентифицируют себя со своими родителями и друзьями, берут с них пример, относятся к себе и к ним с уважением.

6. Учеба чаще всего ассоциируется у школьников с будущим, ответственностью, матерью и учителями. Учеба не представляет интереса для большинства учащихся школ, не связана с представлением о настоящем; иными словами, школьники в настоящее время не сосредоточены на учебе, не думают о ней, не слишком заботятся о получении среднего образования. Учеба не привлекательна и не актуальна. К учебной деятельности их побуждает, главным образом, только чувство ответственности, не самое сильное в структуре потребностей, а также мать и учителя.

7. Представление о наркотиках и всем с ними связанным, включая алкоголь, курение, зависимость, ломку, смерть, ассоциируется у большинства школьников с негативными чувствами, воспринимается как источник неприятностей, раздражения, усталости, угрозы, ссор, а также как нарушение правил, преступление и наказание.

Таким образом, мы можем утверждать, что значительная часть учащихся школ характеризуется высоким уровнем эмоционального благополучия, широким кругом интересов, удовлетворенностью базовых потребностей, оптимистичным отношением к будущему, позитивным отношением к себе, своей семье, друзьям, относительным безразличием к учебе и крайне негативным отношением к наркотикам.

Результаты исследования реакций, полученных от студентов техникумов и колледжей, в значительной мере совпадают с данными, полученными от школьников, но характеризуются более позитивным отношением к учебе.

Многие студенты колледжей ориентированы на свободу и развлечения, с увлечением относятся к своей учебе, работе, будущей профессии и спорту. Представления о настоящем и будущем ассоциируются у них с увлечением, родителями, друзьями, однокурсниками и преподавателями, с которыми они себя идентифицируют. Студенты коллеждей и техникумов с симпатией и уважением относятся к себе. Учебная деятельность побуждается значимыми и актуальными потребностями, связана с увлечением, представлением о настоящем и будущем, работой и будущей профессией. Отношение к наркотикам, в основном, такое же негативное, как и у школьников.

Студенты вузов стремятся главным образом к отдыху, развлечениям, свободе и творчеству, чтению книг, дружескому общению, поддержанию контактов с матерью и отцом. В настоящее время озабочены проблемами здоровья, успехов, выполнения обязанностей, сосредоточены на уверенности, думают об учебе. Будущее связывают с семьей, образованием, работой, дружеским общением, здоровьем, и порядком. Относятся к себе так же позитивно, как и школьники, идентифицируют себя с родителями, друзьями, преподавателями и однокурсниками. К учебной деятельности студентов вузов побуждают актуальные потребности в безопасности и порядке, а также родители, преподаватели и однокурсники. Представление о наркотиках у большинства студентов вузов также вызывает широкий круг негативных ассоциаций и переживаний.

В целом, можно отметить, что содержание эмоциональных отношений школьников и студентов Пермского региона, во-первых, является довольно похожим, характеризуется высоким уровнем однородности; во-вторых, уровень общего эмоционального благополучия и учебной мотивации у молодых пермяков оказывается более высоким по сравнению с данными аналогичных исследований, выполненных в других регионах, например, в Московской области [Афанасьев В.Г., Соломин И.Л., 2021].

Таблица 2. Ассоциации между понятиями в групповом сознании

Table 2. Associations between concepts in group consciousness

Понятие	*Понятия, ассоциирующиеся с данным у более 25 % респондентов (ранжированы в порядке убывания тесноты связи в групповом сознании)*		
	Учащиеся школ	*Студенты техникумов и колледжей*	*Студенты вузов*
Мое увлечение	Удовольствие, Развлечения, Каким (какой) я хочу быть, Моя жизнь, Моя будущая профессия, Интересное занятие, Мое будущее, Какой (какая) я на самом деле, Творчество, Семья, Уверенность, Свобода, Мое настоящее, Независимость	Моя будущая профессия, Работа, Мое настоящее, Мое будущее, Свобода, Развлечения, Каким (какой) я хочу быть, Мой колледж (техникум, вуз), Моя учеба, Спорт	Моя жизнь, Развлечения, Семья, Мое будущее, Интересное занятие, Моя будущая профессия, Каким (какой) я хочу быть, Какой (какая) я на самом деле, Творчество, Свобода, Удовольствие, Отдых, Мои однокурсники, Мое настоящее, Мой колледж (техникум, вуз), Моя мать, Чтение книг, Мои друзья, Мой отец
Мое настоящее	Моя жизнь, Мое будущее, Каким (какой) я хочу быть, Какой (какая) я на самом деле, Семья, Моя мать, Моя будущая профессия, Мои друзья, Мои обязанности, Развлечения, Мое увлечение, Мой отец	Моя жизнь, Образование, Моя будущая профессия, Каким (какой) я хочу быть, Мое будущее, Какой (какая) я на самом деле, Моя мать, Семья, Отдых, Мои однокурсники, Мой колледж (техникум, вуз), Мое увлечение, Мой отец, Моя учеба, Работа, Спорт, Мои друзья, Мои преподаватели, Ответственность	мое будущее, Моя жизнь, Каким (какой) я хочу быть, Семья, какой (какая) я на самом деле, Мой колледж (техникум, вуз), Моя мать, Моя будущая профессия, Мои однокурсники, Моя учеба, Мой отец, Свобода, Мои друзья, Мои преподаватели, Образование, Развлечения, Здоровье, Уверенность, Интересное занятие, Удовольствие, Успех, Мое увлечение, Радость, Уважение, Мои обязанности
Мое будущее	Моя будущая профессия, Моя жизнь, Каким (какой) я хочу быть, Мои учителя, Мое настоящее, Какой (какая) я на самом деле, Семья, Мои друзья, Мой отец, Моя мать, Моя школа, Мои одноклассники, Интересное занятие, Развлечения, Образование, Творчество, Свобода, Мое увлечение, Чтение книг, Уверенность, Работа, Моя учеба, Уважение	Каким (какой) я хочу быть, Моя жизнь, Моя будущая профессия, Мой колледж (техникум, вуз), Семья, Мои преподаватели, Моя мать, Какой (какая) я на самом деле, Моя учеба, Мое настоящее, Уверенность, Развлечения, Мои однокурсники, Работа, Образование, Успех, Свобода, Порядок, Мое увлечение, Мои друзья, Удовольствие, Творчество, Мой отец, Здоровье, Уважение, Спорт	Моя жизнь, Каким (какой) я хочу быть, Мой колледж (техникум, вуз), Моя будущая профессия, Семья, Мое настоящее, Мои преподаватели, Какой (какая) я на самом деле, Моя мать, Образование, Развлечения, Моя учеба, Мои однокурсники, Уверенность, Мое увлечение, Мой отец, Свобода, Успех, Мои друзья, Уважение, Работа, Здоровье, Удовольствие, Порядок, Чтение книг, Интересное занятие, Спорт, Радость, Независимость
Какой (какая) я на самом деле	Каким (какой) я хочу быть, Моя жизнь, Развлечения, Моя будущая профессия, Мое будущее, Семья, Мое настоящее, Моя мать, Образование, Свобода, Мои друзья, Отдых, Моя школа, Мое увлечение, Уверенность, Мой отец, Успех, Уважение	Каким (какой) я хочу быть, Моя жизнь, Моя будущая профессия, Мои преподаватели, Семья, Мое будущее, Развлечения, Мое настоящее, Свобода, Мои однокурсники, Мои друзья, Уверенность, Моя мать, Мой отец, Образование, Мой колледж (техникум, вуз), Ответственность, Уважение, Спорт, Отдых, Здоровье, Порядок	Каким (какой) я хочу быть, Моя жизнь, Семья, Моя будущая профессия, Мое будущее, Мое настоящее, Моя мать, Развлечения, Мои однокурсники, Уверенность, Мой колледж (техникум, вуз), Мои преподаватели, Мое увлечение, Мои друзья, Свобода, Мой отец, Уважение, Успех, Удовольствие, Чтение книг, Образование, Здоровье, Моя учеба, Отдых, Интересное занятие, Радость, Творчество, Спорт, Порядок

Окончание табл. 2

Понятие	*Понятия, ассоциирующиеся с данным у более 25 % респондентов (ранжированы в порядке убывания тесноты связи в групповом сознании)*		
	Учащиеся школ	*Студенты техникумов и колледжей*	*Студенты вузов*
Моя учеба	Моя мать, Моя жизнь, Образование, Моя школа, Мои учителя, Мое будущее, Ответственность	Моя мать, Моя жизнь, Мое будущее, Мой колледж (техникум, вуз), Образование, Работа, Мои преподаватели, Каким (какой) я хочу быть, Порядок, Моя будущая профессия, Семья, Мой отец, Мое настоящее, Мое увлечение	Образование, Моя мать, Мой колледж (техникум, вуз), Мое будущее, Мое настоящее, Мои преподаватели, Каким (какой) я хочу быть, Моя будущая профессия, Мой отец, Моя жизнь, Семья, Какой (какая) я на самом деле, Уверенность, Мои однокурсники, Порядок, Работа
Наркотики	Наркомания, Наркоманы, Алкоголь, Курение, Преступление, Зависимость, Смерть, Ломка, Нарушение правил, Неприятности, Угроза, Наказание, Ссора, Раздражение, Усталость	Наркомания, Наркоманы, Преступление, Курение, Ломка, Зависимость, Алкоголь, Смерть, Угроза, Скука, Ссора, Нарушение правил, Неприятности, Стыд, Раздражение, Наказание	Наркомания, Наркоманы, Преступление, Курение, Зависимость, Алкоголь, Ломка, Смерть, Ссора, Неприятности, Нарушение правил, Угроза, Страх, Раздражение, Наказание, Печаль, Стыд, Обида, Неудача, Усталость, Скука

Ранги привлекательности понятий в сознании школьников и студентов свидетельствуют о том, что к самым привлекательным у всех трех групп относятся понятия «Каким (какой) я хочу быть», «Какой (какая) я на самом деле», «Успех», «Мое будущее», «Моя будущая профессия», «Семья», «Моя жизнь», «Моя мать», «Мои друзья». Самыми непривлекательными понятиями являются следующие: «Наркотики», «Наркомания», «Наркоманы», «Смерть», «Печаль», «Усталость», «Болезнь». Таким образом, можно утверждать, что у большинства школьников и студентов отношение к наркотикам категорически отрицательное. С повышением уровня образования повышается привлекательность понятий «Моя учеба», «Моя школа (колледж, вуз)», «Мои учителя (преподаватели)», что указывает на усиление мотивации учебной деятельности (см. табл. 3).

Таблица 3. Привлекательность понятий, связанных учебной деятельностью

Table 3. Attractiveness of concepts related to learning activities)

Понятие	*Средний ранг привлекательности понятия из 9-ти (порядковое место понятия по степени привлекательности из 82-х)*		
	Учащиеся школ	*Студенты колледжей и техникумов*	*Студенты вузов*
Моя учеба	4,2 (40 место)	4,1 (33 место)	3,6 (28 место)
Моя школа (колледж, вуз)	4,1 (36 место	3,7 (16 место)	3,2 (12 место)
Мои учителя (преподаватели)	4,0 (30 место)	3,8 (22 место)	3,4 (20 место)

Вызывает опасение тот факт, что 7 % школьников обозначают понятие «Наркотики» самым привлекательным изображением, и только 32 % — самым непривлекательным изображением (см. рис. 2), что указывает на то, что некоторые учащиеся относятся к наркотикам максимально позитивно, либо они испытали наркотики и получили удовольствие, либо испытывают интерес к ним и готовы их попробовать. Отсутствие выраженного негативного отношения к наркотикам у большинства школьников, отсутствие убеждения, что наркотики — это зло, делает значительную часть школьников незащищенными, и при определенных условиях их можно побудить попробовать наркотики.

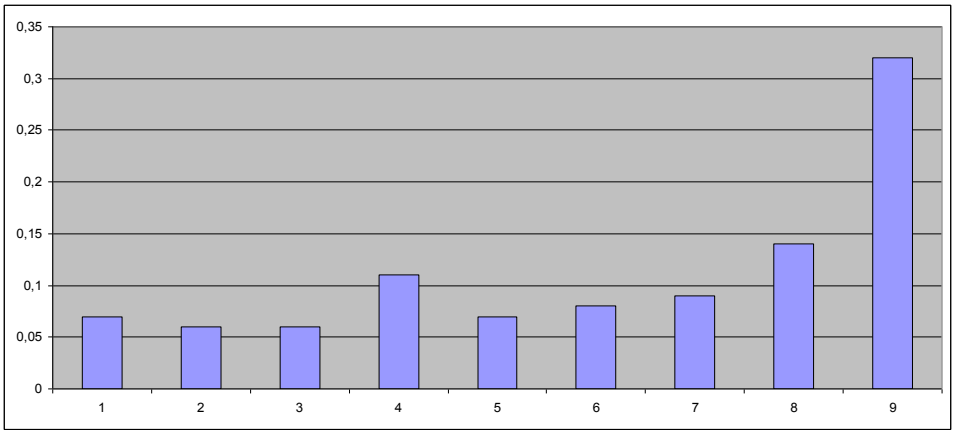


Рис. 2. Доля школьников, обозначающих понятие «Наркотики» различными по степени привлекательности изображениями

Fig. 2. Percentage of schoolchildren denoting the concept of «Drugs» with images of different levels of attractiveness

Анализ средних значений и распределений частот значений количественных показателей общего эмоционального благополучия и неблагополучия, положительного и отрицательного отношения к учебе, положительного и отрицательного отношения к наркотикам, положительного отношения к риску и смерти позволяет сделать следующие выводы.

1. Уровень общего эмоционального благополучия у школьников существенно превышает уровень неблагополучия, что позволяет позитивно оценивать адаптационные возможности большинства учащихся, перспективы их развития и жизненные успехи. Большинство учащихся школ вполне удовлетворены собой и своей жизнью, у них доминируются положительные эмоциональные переживания.

2. Средний уровень позитивного отношения к учебной деятельности хоть и не столь значительно, но все-таки превышает уровень негативного отношения к учебе. Хотя интерес к учебе встречается также нечасто. Таким образом, потенциал побуждения школьников к учебной деятельности используется не в полной мере.

3. Негативное отношение к наркотикам в среднем выше позитивного отношения, что позволяет большинству школьников отказаться от их употребления. Как правило, в сознании большинства школьников наркотики воспринимаются как что-то непривлекательное.

4. Позитивное отношение к смерти в любой ее форме характеризуется очень низкой встречаемостью, подавляющее большинство школьников не испытывают интерес к смерти и не думают о ней. Однако для 5 % учащихся школ тема смерти может представлять повышенный интерес. Это может касаться либо смерти вообще, либо собственной смерти в частности. Такие подростки могут быть озабочены ей в настоящее время, думать о будущей смерти, желать ее; они не рассматривают смерть как событие, вызывающее негативные эмоциональные переживания. Группа суицидального риска может быть выявлена с помощью методики психосемантической экспресс-диагностики мотивации.

5. Склонность к рискованному поведению относительно невелика, природная осторожность, потребность в безопасности и стремление к самосохранению блокируют стремление к риску и удовольствие от адреналина. Но при этом у 15 % школьников отмечается повышенный уровень позитивного отношения к риску. Это означает, что они стремятся к риску и острым ощущениям, получают удовольствие от чувства страха, пренебрегают потребностью в безопасности, могут вести себя неосторожно и не связывают нарушение правил с негативными переживаниями и событиями. Такие школьники склонны к экстремальным и опасным занятиям и могут быть включены в группу риска.

Данные корреляционного анализа количественных показателей отношений школьников позволяет сделать следующие выводы.

1. Общее эмоциональное неблагополучие школьников слабо связано с общим эмоциональным благополучием ($r = 0{,}086$). Это означает, что степень страданий не является противоположным полюсом по отношению к степени удовлетворен-

ности. Подростки характеризуются разной степенью удовлетворенности при разных уровнях страданий.

2. Общее эмоциональное неблагополучие тесно связано с негативным отношением к учебе у школьников (r = 0,653). Т.е. если подросток чувствует себя несчастным, страдает, не удовлетворен жизнью и собой, то с высокой степенью вероятности он будет негативно относиться к своей учебной деятельности, испытывать негативные эмоциональные переживания в связи со своей учебой, школой и учителями. Следовательно, любые меры, направленные на уменьшение уровня общего неблагополучия, могут уменьшить демотивацию по отношению к учебной деятельности.

3. Чем выше уровень общего эмоционального неблагополучия школьников, тем выше позитивное отношение к наркотикам (r = 0,648). Таким образом, привлекательность наркотиков, алкоголя и курения тесно связана со степенью неудовлетворенности, страданий и негативных эмоциональных переживаний. Наркозависимость — не самостоятельная проблема, а одно из проявлений общей дезадаптации человека. Помощь человеку в решении его социальных и психологических проблем может рассматриваться как одно из наиболее эффективных средств профилактики аддиктивного поведения.

4. Общее эмоциональное неблагополучие школьников сопровождается также позитивным отношением к риску (r = 0,524) и смерти (r = 0,568). Общая неудовлетворенность и страдания могут побуждать человека к опасному рискованному поведению, приводят к недооценке опасности и подавляют стремление к самосохранению, делают человека менее осторожным.

На рис. 3 иллюстрируется зависимость позитивного отношения к наркотикам от общего эмоционального неблагополучия. Аппроксимация регрессии методом наименьших квадратов показала, что данная зависимость описывается полиномом второй степени. Т.е. уровень позитивного отношения к наркотикам прямо пропорционален квадрату уровня общего эмоционального неблагополучия. Прирост уровня страданий и неудовлетворенности приводит к приросту величины привлекательности наркотиков, алкоголя и курения во второй степени.

Подобным образом обнаруживается зависимость от общего эмоционального неблагополучия показателей негативного отношения к учебе, а также уровня позитивного отношения к смерти и риску.

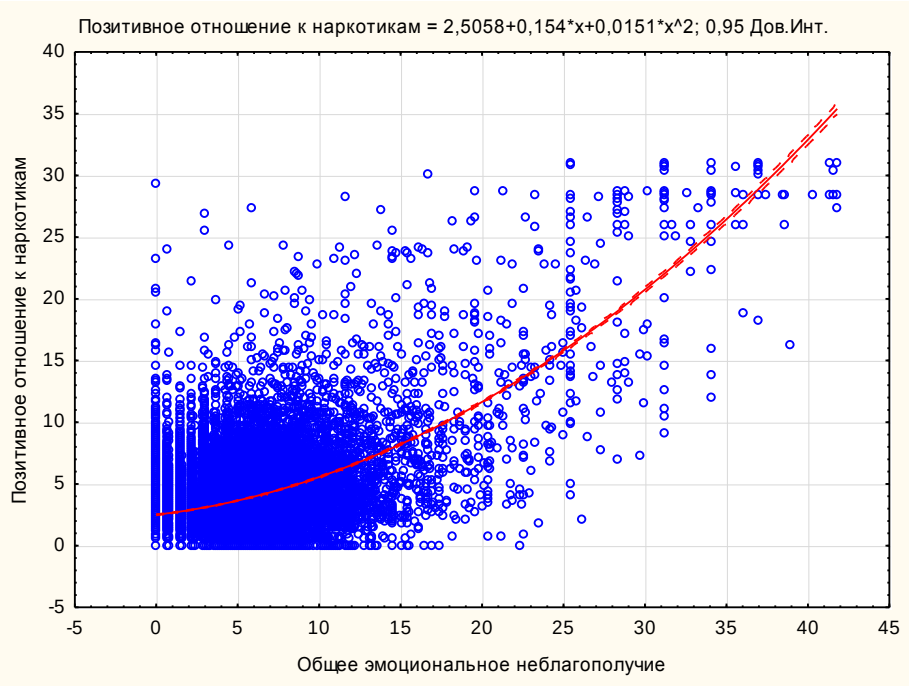


Рис. 3. Двумерная диаграмма рассеивания и аппроксимация регрессии зависимости позитивного отношения к наркотикам от общего эмоционального неблагополучия у школьников

Fig. 3. Two-dimensional scatterplot and approximation of the regression of the dependence of a positive attitude towards drugs on general emotional distress in schoolchildren

Выводы и рекомендации

1. Школьники и студенты Пермского региона характеризуются преимущественно достаточно высоким уровнем общего эмоционального благополучия, удовлетворенности, позитивных эмоций, незначительным преобладанием позитивного отношения к учебной деятельности, преобладанием негативного отношения к наркотикам, смерти и риску.

2. Различия между учащимися школ, студентами колледжей и вузов в содержании и количественных показателях эмоциональных отношений незначительны и касаются в основном уменьшения общего эмоционального неблагополучия и негативного отношения к учебе по мере повышения уровня образования.

3. Негативное отношение к учебной деятельности, позитивное отношение к наркотикам, смерти и риску тесно связано с уровнем общего эмоционального неблагополучия, поэтому снижение эмоционального неблагополучия может быть одной из актуальных задач и одним из средств профилактики риска употребления наркотиков и наркозависимости.

4. Методика психосемантической экспресс-диагностики мотивации дифференцирует тестируемых как по содержанию, так и по уровню эмоциональных отношений, в том числе, по уровню эмоционального благополучия, мотивации учебной деятельности и отношения к наркотикам.

5. Методика психосемантической экспресс-диагностики мотивации пригодна для многократных повторных обследований школьников и студентов с целью оценки содержания и динамики отношений, в том числе общего эмоционального благополучия, учебной мотивации, отношения к наркотикам, семейных проблем, профессиональных интересов и других показателей.

6. Для повышения эффективности использования методики целесообразна разработка и апробация сетевой версии компьютерной программы, работающей на сервере с доступом через Интернет.

7. Представляется важным обучение и повышение квалификации психологов образовательных учреждений по использованию системы, методики и программы психосемантической диагностики мотивации для решения задач оценки и повышения эффективности образовательного процесса и отдельных его направлений.

Список литературы

Афанасьев В.Г., Соломин И.Л., Соломина Л.Ю. Психосемантическое исследование мотивации спортсменов высокой квалификации // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2019. Т. 14, № 2, С. 83–88. DOI: https://doi.org/10.14526/2070-4798-2019-14-2-83-88

Афанасьев В.Г., Соломин И.Л. Психосемантическое исследование отношения к наркотикам учащихся Московской области // Социальное поведение. Риски. Безопасность личности и социума: сб. ст. II Междунар. Конгресса девиантологов «Девиантологический нарратив XXI века: Социальное поведение. Риски. Безопасность личности и социума» (19–20 декабря 2020 г.) / под ред. Ю.А. Клейберга. Лондон; Тверь: Академия образования Великобритании, 2021. С. 63–72.

Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала: учеб.-метод. пособие. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2016. 120 с.

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 177 с.

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.

Смирнов А.Д., Соломин И.Л. Психосемантическое исследование самосознания и политического сознания студентов // Транспорт: проблемы, идеи, перспективы (Неделя науки – 2013): матер. LXXIII всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Санкт-Петербург, 1–19 апреля 2013 г.) / под ред. Т.С. Титовой. СПб.: ПГУПС, 2013. С. 221–223.

Соломин И.Л. Использование методики цветовых метафор для диагностики структуры эмоциональных отношений школьников // Педагогическая диагностика. 2015. № 2 . С. 75–86.

Соломин И.Л. Особенности интеллекта, личности и мотивации студентов транспортного вуза // Психологические факторы обеспечения безопасности и надежности эргатических систем / под ред. Е.Ф. Ященко, И.Л. Соломина. СПб.: ЭЛВИ-Принт, 2019. С. 158–185.

Соломин И.Л. Практикум по психодиагностике. Психосемантические методы: учеб.-метод. пособие. СПб.: ПГУПС, 2013. 96 с.

Соломин И.Л. Психосемантическая диагностика скрытой мотивации: метод. руководство. СПб.: ИМАТОН, 2001. 112 с.

Соломин И.Л. Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. СПб.: Речь, 2006. 280 с.

Соломин И.Л., Цзян Н. Кросскультурное исследование мотивационной сферы личности китайских и российских студентов // Карминские чтения: матер. Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы философии, культурологии, психологии, конфликтологии, образования» (Санкт-Петербург, 10–11 ноября 2015 г.). СПб.: ПГУПС, 2015. С. 79–88.

Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 158 с.

Эткинд А.М. Цветовой тест отношений: методические рекомендации. Л.: Ленингр. науч.-исслед. психоневрологический ин-т им. В.М. Бехтерева, 1985. 18 с.

Ященко Е.Ф., Соломин И.Л. Психосемантическое исследование мотивационно-эмоциональной сферы личности и предрасположенности к девиантному и экстремистскому поведению студентов вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 1(93). С. 118–122. DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2022.1.14

Получена: 01.10.2022. Принята к публикации: 21.10.2022

References

Afanas'ev, V.G., Solomin, I.L. and Solomina, L.Yu. (2019). [Psychosemantic study of highly-qualified athletes' motivation]. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta* [The Russian Journal of Physical Education and Sport]. Vol. 14, no. 2, p. 83–88. DOI: https://doi.org/10.14526/2070-4798-2019-14-2-83-88

Afanas'ev, V.G. and Solomin, I.L. (2021). [Psychosemantic study of the attitude towards drugs of students in the Moscow region]. *Sotsial'noe povedenie. Riski. Bezopasnost' lichnosti i sotsiuma: sbornik statey II Mezhdunarodnogo Kongressa deviantologov «Deviantologicheskiy narrativ XXI veka: Sotsial'noe povedenie. Riski. Bezopasnost' lichnosti i sotsiuma» (19–20 dekabrya 2020 g.)* [Social Behavior. Risks. Personal and Social Security: proceedings of the 2th International Congress of Deviantologists «The Deviantological Narrative of the 21st Century: Social Behavior. Risks. Security of the individual and society» (December 19–20, 2020)]. London, Tver: Academy of Education of Great Britain Publ., pp. 63–72.

Etkind, A.M. (1985). *Tsvetovoy test otnosheniy: metodicheskie rekomendatsii* [Color test of relationships: guidelines]. Leningrad: LRPI named after V.M. Bekhterev Publ., 18 p.

Kozhevnikova, O.V. and V'yuzhanina, S.A. (2016). *Psikhosemantika. Metod semanticheskogo differentsiala* [Psychosemantics. Semantic differential technique]. Izhevsk: Udmurt University Publ., 120 p.

Petrenko, V.F. (1983). *Vvedenie v eksperimental'nuyu psikhosemantiku: issledovanie form reprezentatsii v obydennom soznanii* [Introduction to experimental psychosemantics: a study of forms of representation in ordinary consciousness]. Moscow: MSU Publ., 177 p.

Petrenko, V.F. (2010). *Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma* [Multidimensional consciousness: psychosemantic paradigm]. Moscow: Novyy Khronograf Publ., 440 p.

Smirnov, A.D. and Solomin, I.L (2013). [Psychosemantic study of self-consciousness and political consciousness of student]. *Transport: problemy, idei, perspektivy (Nedelya nauki – 2013): materialy LXXIII vserossiyskoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (Sankt-Peterburg, 1–19 aprelya 2013 g.)* [Transport: Problems, Ideas, Prospects (Science Week – 2013). Proceedings of the 73rd All-Russian Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists (St. Petersburg, April 1–19, 2013)]. St. Petersburg: PGUPS Publ., pp. 221–223.

Solomin, I.L. (2001). *Psikhosemanticheskaya diagnostika skrytoy motivatsii. Metodicheskoe rukovodstvo* [Psychosemantic diagnostics of hidden motivation. Methodical guidance]. St. Petersburg: IMATON Publ., 112 p.

Solomin, I.L. (2006). *Sovremennye metody psikhologicheskoy ekspress-diagnostiki i professi-onal'nogo konsul'tirovaniya* [Modern methods of psychological express diagnostics and professional counseling]. St. Petersburg: Rech' Publ., 280 p.

Solomin, I.L. (2013). *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhosemanticheskie metody* [Workshop on psychodiagnostics. psychosemantic methods]. St. Petersburg: PGUPS Publ., 96 p.

Solomin I.L (2015). [Using the method of color metaphors for diagnosing the structure of emotional relations of schoolchildren]. *Pedagogicheskaya diagnostika* [Pedagogical Diagnostics]. No. 2, pp. 75–86.

Solomin, I.L. (2019). [Features of intelligence, personality and motivation of students of a transport university]. *Psikhologicheskie faktory obespecheniya bezopasnosti i nadezhnosti ergaticheskikh system, pod red. E.F. Yaschenko, I.L. Solomina* [E.F. Yaschenko, I.L. Solomina (eds.) Psychological factors for ensuring the safety and reliability of ergatic systems]. St. Petersburg: ELVI-Print Publ., pp. 158–185.

Solomin, I.L. and Jiang, N. (2015). [Cross-cultural study of the motivational sphere of the personality of Chinese and Russian students]. *Karminskie chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Ak-*

tual'nye problemy filosofii, kul'turologii, psikhologii, konfliktologii, obrazovaniya» (Sankt-Peterburg, 10–11 noyabrya 2015 g.) [Karmin Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference «Actual Problems of Philosophy, Cultural Studies, Psychology, Conflictology, Education», St. Petersburg, November 10–11, 2015]. St. Petersburg: PGUPS Publ., pp. 79–88.

Shmelev, A.G. (1983). *Vvedenie v eksperimental'nuyu psikhosemantiku: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya i psikhodiagnosticheskie vozmozhnosti* [Introduction to experimental psychosemantics: theoretical and methodological foundations and psychodiagnostic possibilities]. Moscow: MSU Publ., 158 p.

Yaschenko, E.F. and Solomin, I.L. (2022). [Psychosemantic study of motivational-emotional sphere of personality and predisposition to deviant and extremist behavior of students]. *Obschestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. No. 1(93), pp. 118–122. DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2022.1.14

Received: 01.10.2022. Accepted: 21.10.2022

Об авторах

Афанасьев Вадим Геннадьевич
управляющий партнер

Компания HB Assistance,
195009, Санкт-Петербург, ул. Михайлова, 12,
оф. 13Н;
e-mail: afanasiev2002@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6522-9138
ResearcherID: GWC-8508-2022

Соломин Игорь Леонидович
кандидат психологических наук,
научный консультант

Компания HB Assistance,
195009, Санкт-Петербург, ул. Михайлова, 12,
оф. 13Н;
e-mail: igsol@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-3354-0666
ResearcherID: GWC-8471-2022

About the authors

Vadim G. Afanasyev
managing partner

HB Assistance,
ofc. 13N, 12, Mikhailov str., Saint Petersburg,
195009, Russia;
e-mail: afanasiev2002@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6522-9138
ResearcherID: GWC-8508-2022

Igor L. Solomin
Ph.D. in Psychology, scientific consultant

HB Assistance,
ofc. 13N, 12, Mikhailov str., Saint Petersburg,
195009, Russia;
e-mail: igsol@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-3354-0666
ResearcherID: GWC-8471-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Афанасьев В.Г., Соломин И.Л. Психосемантическое исследование содержания представлений и отношений школьников и студентов города Пермь и Пермского края // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 566–578. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-566-578

For citation:
Afanasiev V.G., Solomin I.L. [A psychosemantical study of the representations and attitudes of schoolchildren and students of the Perm sity and the Perm territory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 566–578 (in Russian).
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-566-578

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165:575.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-579-589

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО РЕЛЯТИВИЗМА (АРГУМЕНТ «ЗА»)

Филатова Мария Игоревна

Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И.И. Иванова (Курск)

В статье вскрываются сложности в определении проблемы релятивизма, выражающей себя через декларируемую его сторонниками готовность отрешиться от вопроса об истине. Поскольку такая готовность в истории философии является беспрецедентной, то признание ее основательности предполагает глубокие изменения основоположений западной философии, примером которых может быть подразумеваемая самим буквальным смыслом понятия «релятивизм» (от лат. relativus — относительный) — перемена в соотношении абсолютного и относительного, когда последнее остается само по себе. В статье показано, что, с одной стороны, сомнения в возможности такого изменения укрепляют позиции противников релятивизма, настаивающих, что не может быть относительного вне связи с абсолютным, но, с другой стороны, в современной философии уже обсуждается изменение статуса абсолютного, вследствие которого оно уже не может выполнять свои прежние функции в познании. Так, в спекулятивном реализме К. Мейясу и конструктивном реализме Э. Агацци оказывается востребованным представление о потенциально бесконечной реальности как нетотализируемом трансфинитном, представляющем собой результат переосмысления в современной философии прежних представлений об абсолюте. В статье показано, что такой переменой в статусе абсолютного как раз и обусловлены фиксируемые релятивизмом изменения возможностей познания, когда одни из них утрачиваются (возможность говорить об истине в познании), а другие возникают (предполагаемая релятивизмом возможность высказываний, исключающих друг друга по закону непротиворечия). Показано, что связанная с потенциальной бесконечностью возможность радикализации проблемы эпистемологического релятивизма предполагается даже теми подходами (например, реляционизмом), на основании которых ее, наоборот, стремятся сгладить или вовсе исключить, но которые оказываются еще более уязвимыми, чем она сама. В заключении указывается на перспективы современной эпистемологии, связанные с антропным космологическим принципом.

Ключевые слова: релятивизм, конструктивный реализм, спекулятивный реализм, реляционизм, нетотализируемое трансфинитное, относительное, абсолютное, антропный принцип.

RADICALIZATION OF THE PROBLEM OF EPISTEMOLOGICAL RELATIVISM (ARGUMENT «FOR»)

Maria I. Philatova

Kursk State Agricultural Academy named after I.I. Ivanov (Kursk)

The author of the article shows the difficulties in defining the problem of relativism, which expresses itself through the willingness declared by its supporters to abandon the question of truth. Since such readiness is unprecedented in the history of philosophy, the recognition of its solidness implies profound changes in the foundations of Western philosophy. An example of such changes can be the change in the ratio of absolute and relative, implied by the very literal meaning of the concept of «relativism», when the latter remains by itself. On the one hand, the doubt about the possibility of such a change strengthens the position of the opponents of relativism, who

© Филатова М.И., 2022

insist that there can be no relative without connection with the absolute. But on the other hand, in modern philosophy, a change in the status of the absolute is already being discussed, as a result of which it can no longer perform its former functions in cognition. Thus, what appears to be an «in-demand» idea in the speculative realism of K. Meyasu and the constructive realism of E. Agazzi is the idea about a potentially infinite reality as non-actualized transfinite, which is the result of a rethinking by modern philosophy of previous ideas about the absolute. The author of the article shows that such a change in the status of the absolute is precisely due to the changes in the possibilities of cognition noted by relativism, when some of them are lost (the possibility of speaking about truth in cognition), and others arise (the possibility of statements assumed by relativism that exclude each other according to the law of non-contradiction). The author shows that the possibility of radicalization of the problem of epistemological relativism associated with potential infinity is assumed even by those approaches (relationism), on the basis of which, on the contrary, philosophers seek to smooth out the problem or exclude it altogether, but which turn out to be even more vulnerable. In conclusion, the author points out the prospects of modern epistemology associated with the anthropic cosmological principle.
Keywords: relativism, constructive realism, speculative realism, relationism, non-actualized transfinite, relative, absolute, anthropic principle.

Релятивизм и скептицизм

Проблема релятивизма является сегодня одной из самых обсуждаемых в современной эпистемологии, но несмотря на это сама ее суть остается далекой от ясности. Существует множество определений релятивизма, при этом ни одно из них не отражает суть этой проблемы, но отражает лишь некоторые ее проявления, сходные с проявлениями других известных в истории философских позиций, таких как диалектика, антиреализм, скептицизм [Черткова Е.Л., 2012, с. 84]. Более того, современный релятивизм нередко прямо отождествляют со скептицизмом. Так, например, считал и Карл Поппер, назвавший релятивизм главной болезнью нашего времени [Поппер К.Р., 1983, с. 379]. В дополнении к работе «Открытое общество и его враги» он писал: «Под релятивизмом или, если вам угодно, скептицизмом я имею в виду концепцию, согласно которой выбор между конкурирующими теориями произволен» [Поппер К.Р., 1992, с. 441]. Но исследователи проблемы релятивизма настаивают, что релятивизм и скептицизм не тождественны, что позволяет выявить специфику релятивизма через отличие от скептицизма. Как настаивает Е.Л. Черткова, «именно в отношении к проблеме истины заключено принципиальное различие между скептиками и релятивистами» [Черткова Е.Л., 2012, с. 95]. Если релятивисты предлагают отрешиться от вопроса об истине, то «для скептиков сомнение и стремление к истине — почти синонимы» [Черткова Е.Л., 2012, с. 97]. Как замечал еще Д. Юм, скептическая философия «подавляет всякую страсть, за исключением любви к истине, а последняя никогда не доводится и не может быть доведена до чрезмерно высокой степени» [Юм Д., 1996, с. 37]. Такая позиция скептиков по отношению к проблеме истины представляется не только естественной, но и единственно возможной, в рамках которой принцип сомнения и проблема истины сочетаются без противоречия. Как поясняет Е.Л. Черткова, «сомневаться в достигнутом знании можно только имея в виду нечто, к чему можно стремиться… Если истина не является целью познания, то действительно не понятно, в чем можно сомневаться…» [Черткова Е.Л., 2012, с. 98]. Вместе с тем в скептицизме эта цель признается недостижимой. Эпохе как воздержание от суждений означает здесь осознание несоизмеримости человеческих возможностей познания с искомой истиной, признание ее непреодолимой запредельности по отношению к ним. Поэтому, как справедливо замечает Е.Л. Черткова, «предметом “изысканий” или “расследований” скептиков становится не столько само знание, сколько осознание нашего незнания, принимаемого за истинное знание» [Черткова Е.Л., 2012, с. 84]. Как видно, по отношению к истине скептицизм представляет собой апофатическое учение. К такому же выводу приходит и Е.Л. Черткова, которая считает, что «воспользовавшись формулировкой Николая Кузанского, заимствованной им у Филона, можно сказать, что это своего рода позиция “знающего незнания”» [Черткова Е.Л., 2012, с. 84].

И если суть скептицизма более или менее ясна, то суть релятивизма, определяемого через отличие от скептицизма, так и остается непроясненной. Если скептики воздерживаются от суждений не иначе как из любви к истине, то релятивисты считают себя уже полностью свободными от каких-либо обязательств по отношению к ней. По замечанию Е.Л. Чертковой, «если скептик обеспокоен вопросом, можем ли мы познать истину, т.е. мир, каков он есть, то релятивист пред-

лагает отрешиться от этого вопроса и рассматривать познание как инструмент практического согласования конвенциональных убеждений» [Черткова Е.Л., 2012, с. 96]. Однако ни основания, ни мотивы такого шага остаются неизвестными. Исследователи проблемы релятивизма, которые заостряют ее подобным образом, лишь констатируют ее присутствие в современной философии, но ничем это присутствие не оправдывают и не проясняют обстоятельств такого резкого разворота эпистемологического поиска, граничащего с отказом от собственной сути [Черткова Е.Л., 2012, с. 97]. Почему было предложено отрешиться от вопроса об истине? Это принципиальный вопрос. Если это *свободное* решение современного человека, свидетельствующее, что прагматические интересы ему важнее, чем беспристрастный поиск истины, то в этом случае проблему релятивизма следует признать не собственно эпистемологической, а этической проблемой.

Релятивизм как негация абсолютного

Возможен и другой подход к проблеме релятивизма. Поскольку релятивизм дословно означает относительность (от лат. relativus — относительный), то нередко исследование проблемы релятивизма начинают с рассмотрения вопроса о том, что такое относительность. Так, В.М. Маслов, определяя специфику релятивизма, выбирает точкой отсчета бинарную оппозицию относительного и абсолютного. В рамках такой оппозиции «абсолютное — нечто безусловное, предел всего, существующее как таковое, тождественное самому себе, самоопределяющееся вне отношения к чему-либо; релятивное/относительное — нечто определяемое через отношение (как часть) к абсолютному» [Маслов В.М., 2018, с. 218]. Такого рода бинарная оппозиция относится к разряду *исходных* для человеческого мышления и обнаруживается даже тогда, когда абсолютное допускается лишь отрицательно, как, например, в античном скептицизме. От принадлежности к данной бинарной оппозиции тем более не может быть свободно относительное, поэтому не может быть никакого другого относительного, кроме того, которое уже известно из данной бинарной оппозиции. Как совершенно справедливо замечает Д.И. Дубровский, «“относительное” не имеет смысла без логической связи с “абсолютным”. “Абсолютизация относительного” — нонсенс» [Дубровский Д.И., 2012, с. 30]. Проблему относительного, поставленную современным релятивизмом, мы не можем рассматривать вне связи с абсолютным. Этот аргумент нередко используют с целью смягчения проблемы релятивизма (см. [Никифоров А.Л., 2018]). Однако если обратиться к тому, что говорят о судьбе абсолютного неклассическая эпистемология и постмодернизм в целом, то можно заметить, что здесь речь идет именно о некоторой перемене в статусе абсолютного, когда его наличие становится отсутствием (см. сравнительную таблицу Ихаба Хасана) [Парилов О.В., Парилов Д.О., 2012, с. 4]. Применительно к эпистемологии эта перемена выражается в негации классики, в отрицании тех ее положений, на основании которых в ней допускалась возможность абсолютного, как об этом, в частности, говорит Б.И. Пружинин. По его словам, критическая позиция неклассической эпистемологии «сводится лишь к отрицанию — не-фундаментализм, не-наукоцентризм, не-субъектоцентризм» [Пружинин Б.И., 2009, с. 234]. Правда, сам Б.И. Пружинин не считает такую негацию классики окончательной. Ввиду того, что неклассическая эпистемология ничего не может предложить взамен отвергнутым основоположениям классики, Б.И. Пружинин допускает, что они так или иначе все же могут быть восстановлены. В связи с этим он призывает «понять современные течения не как “передовые” прозрения истины, а как проблематизации» [Пружинин Б.И., 2009, с. 244]. По его словам, «нужно искать форму трансформации возможностей познания, а не возводить в норму описания различного рода отклонений от нее» [Пружинин Б.И., 2009, с. 246].

Ожидания, связанные с возможностью такой трансформации, не оправдались, поэтому полезно исследовать и более радикальные представления об отсутствии абсолютного в познании. Прежде всего следует отметить, что именно это отсутствие и подразумевается в проблеме современного эпистемологического релятивизма. Исходя из этого, стоит задаться вопросом, что означает отсутствие абсолютного и как оно становится возможно?

Негация абсолютного в конструктивном реализме и спекулятивном реализме

В современной философии проблема негации абсолютного была поднята в рамках спекулятивного реализма Квентина Мейясу. Для Мейясу негация абсолютного, как ни странно, означает реабилитацию реализма, потесненного кантовским разделением «в себе» и «для нас». При этом Мейясу показывает, какие именно изменения в понимании абсолюта предполагает такая реабилитация реализма. По его словам, «единственный абсо-

лют, который нам удалось спасти в нашем столкновении, может показаться противоположностью того, что обычно понимается под этим термином, то есть основание достоверного знания. Такой абсолют, в итоге, есть не что иное, как крайняя форма хаоса, гипер-Хаос, где нет, или кажется, что нет, ничего невозможного, даже немыслимое возможно» [Мейясу К., 2015, с. 91]. Таким образом, тот абсолют, к необходимости которого приходит Мейясу, это *гипер-Хаос*, поддерживаемый принципом неоснования, или не-Все как абсолютизация нетотализируемого трансфинитного (потенциально бесконечного) [Мейясу К., 2015, с. 91, 94, 165].

Мейясу стремится создать фактуальную онтологию, которая не была бы только «негативной онтологией», и выработать богатый концепт контингентности [Мейясу К., 2015, с. 149]. Через постепенное развертывание принципа достаточного основания, Мейясу приходит к выявлению позитивных и отличительных свойств отсутствия основания. Он показывает, в чем состоит точное условие явленной стабильности Хаоса, указание на которое он считает спекулятивным решением проблемы Д. Юма. Задача Мейясу в том, чтобы «представить мир, лишенный всякой физической необходимости, совместимым в то же время с фактом стабильности законов» [Мейясу К., 2015, с. 147]. Логика аргумента к необходимости проста. Согласно ему необходимость законов природы доказана фактом их бесконечно невероятной стабильности. И наоборот, если бы законы природы могли без основания изменяться, было бы невероятно, если бы они не изменялись часто, если не сказать непрестанно [Мейясу К., 2015, с. 145]. На это Мейясу возражает, что «для того, чтобы говорить, что умозаключение [к частотности возможных изменений законов природы] легитимно, надо, чтобы оно было дополнено неопровержимым условием: что *тотальность* представимых возможностей *есть»* [Мейясу К., 2015, с. 151]. Однако, опираясь на теорию множеств Кантора, Мейясу показывает, что такая тотальность как «“величина всех величин” полагается не как “слишком большая”, чтобы быть постигнутой мышлением: она полагается как просто несуществующая» [Мейясу К., 2015, с. 155]. Таким образом, как показывает Мейясу, на месте предполагаемой принципом достаточного основания абсолютной тотальности как «величины всех величин» оказывается нетотализируемое трансфинитное или потенциально бесконечное, фундирующее принцип неоснования. И хотя оно занимает не предназначенное ему место, однако оно заявляет на него свои права, изобличая «величину всех величин» как несуществующую.

Таким образом, в современной философии можно встретить попытки обоснования необходимости пересмотра понятия абсолют. Такие попытки связаны с привлечением категории потенциальной бесконечности, которая оказывается производной от отвергаемого понятия «величины всех величин» и возникает в результате его негации. Неизбежность такой негации доказана теорией множеств Кантора, значимость которой, по словам А. Бадью, в том, что «она раскрывает математическую мыслимость детотализации бытия-как-такового» [Badiou A., 1988].

Таким образом, обращение к категории потенциальной бесконечности проливает свет на суть радикальной перемены в статусе абсолютного, когда имплицированные в нем характеристики принимают отрицательное значение (нетотальность, не-основание) и лишают его возможности выполнять свойственные ему функции в познании. В результате этого одни возможности познания утрачиваются, а другие возникают. Так, утрачивается возможность говорить об истине в познании и возникает возможность и необходимость говорить о релятивизме.

Посмотрим, однако, насколько обращение к потенциальной бесконечности востребовано среди других исследователей и действительно ли современные эпистемологические проблемы предполагают его необходимость.

Эвандро Агацци в работе «Научная объективность и ее контексты» пересматривает характерное для классической эпистемологии и единственно приемлемое для здравого смысла представление о том, что познаваемая вещь существует как единое целое. Таким представлением и задается возможность и необходимость разделения на относительное (частичное) и абсолютное познание. Однако такое разделение создает угрозу антиреализма в случае, когда прогрессирующая пролиферация относительного знания обнаруживает все меньше способности согласовывать его между собой, а потому дает все меньше шансов представить его как знание о существовании некоторого целого. Противником антиреализма и считает себя Э. Агацци. Он показывает, как угроза антиреализма нейтрализуется отказом от представления о том, что познаваемая вещь существует как единое, завершенное целое, как некоторая тотальность (от лат. totalis — целый, полный). Разделение на относительное и абсолютное, зада-

ваемое таким представлением, у Э. Агацци принимает вид разделения на конечное и потенциально бесконечное, определенное и неопределенное, причем вторая составляющая здесь теряет свою онтологическую значимость.

По Э. Агацци, познаваемая «…вещь есть потенциально бесконечная связка предикатов… вещь может рассматриваться с потенциально бесконечного числа точек зрения и, таким образом, считаться обладающей бесконечным числом свойств» [Агацци Э., 2017, с. 270]. Но наука занимается не вещами, а объектами, которые относятся к вещам так же, как некоторая *определенная* числовая последовательность относится к *неопределенности* потенциально бесконечного числового ряда. Мы считаем любую *конечную* числовую последовательность частью *того же самого* числового ряда, который взятый сам по себе, мы признаем *бесконечным*. По Агацци, «…объект **вырезается** из вещи в результате применения к ней всех базовых предикатов (выделено полужирным мной. — *М.Ф.*)» [Агацци Э., 2017, с. 215]. Он утверждает, что «любая область объектов, пусть и ограниченная по охвату, может содержать потенциально бесконечное число объектов» [Агацци Э., 2017, с. 127], а также то, что «область референтов, очевидно, не задается, но находится в состоянии постоянного строительства, в том смысле, что это открытое и потенциально бесконечное множество» [Агацци Э., 2017, с. 215].

Однако Э. Агацци не вполне последователен в пересмотре онтологического статуса познаваемой реальности (вещи). Он не отказывается *явно* от признания независимого существования вещи в качестве самостоятельного начала, хотя такое признание по меньшей мере проблематизирует все те плюсы от обращения к потенциальной бесконечности, на которые и опирается Э. Агацци в своей борьбе с антиреализмом. Когда он утверждает, что «каждое независимо существующее обладает возможностью образовать не только новую разновидность объектов, но и неограниченное количество разновидностей» [Агацци Э., 2017, с. 130–131], не может не возникнуть вопрос, как соотносятся между собой такое независимо существующее и сами образуемые им объекты. Здесь или имеет место тот самый онтологический дуализм (между поверхностью и сердцевиной реальности) [Агацци Э., 2017, с. 56], который стремится устранить Э. Агацци, или вопрос о соотношении этих двух «реальностей» необходимо прояснить. Однако Э. Агацци не только не дает этому вопросу разъяснения, но и некоторыми своими высказываниями вовсе исключает его: «Объекты суть **часть** реальности (та часть, которая “объективирована” посредством операций), а не нечто такое “**за**” которым или “**под**” которым скрыта реальность, как в случае кантовских ноуменов. То, что не вошло в некоторую объектификацию, — отнюдь не нечто непознаваемое, а просто то, что не было учтено в данной объектификации, но может войти в какую-то дальнейшую объектификацию (выделено полужирным мной. — *М.Ф.*)» [Агацци Э., 2017, с. 146]. Это утверждение дает понять, что в данном случае Э. Агацци понимает реальность («в себе») потенциально бесконечной по образу потенциально бесконечного числового ряда, указывая на его неопределенность (нетотальность), и избегая вопроса о том, что он есть сам по себе и может ли он вообще таковым быть. Несмотря на то, что представление о потенциально бесконечной реальности занимает центральное место в конструктивном реализме Э. Агацци, он избегает говорить о нем прямо, усматривая его как бы периферийным зрением. Такого рода недоговоренность объясняется слабой разработанностью нового для философии представления об абсолюте как о потенциальной бесконечности, что отражается на связанной с данным представлением проблеме современного эпистемологического релятивизма, которая вне четкой экспликации данного представления продолжает оставаться малопонятной. Вместе с тем нетрудно показать, что суть затруднений, производимых проблемой эпистемологического релятивизма, вызвана как раз недостаточным вниманием к связанным с потенциальной бесконечностью возможностям изменения абсолютного. Ниже будут рассмотрены эти затруднения и показаны возможности потенциальной бесконечности открыть перспективу их преодоления.

Негация абсолютного как потенциальная бесконечность

Нарушение закона непротиворечия возможно в рамках эпистемологического релятивизма. Г.Д. Левин подчеркивает, что в случае релятивизма речь идет именно «о высказываниях, исключающих друг друга по закону противоречия», и что «этот факт иногда пытаются “заговорить”, но без его строгой констатации дальнейшее обсуждение релятивизма не имеет смысла» [Левин Г.Д., 2012, с. 41]. Но возникает вопрос, при каких обстоятельствах об одном и том же предмете/явлении могут быть высказаны разные суждения, тогда как возможность таких высказы-

ваний была пресечена еще Аристотелем в связи с законом непротиворечия. Но если релятивизм есть простое нарушение закона непротиворечия, то стоит ли вообще говорить о нем как об отдельной проблеме? Однако о релятивизме говорят, и поводом к этому становится стремление разоблачить мнимую ситуацию противоречия, чтобы таким образом представить релятивизм псевдопроблемой.

Критики релятивизма стремятся показать, что высказываемые *об одном и том же* противоположные суждения на самом деле относятся *к разным* его сторонам и отношениям, и на этом основании делается заключение, что никакого релятивизма в таких случаях нет, а есть релятивность. Приведем высказывание Е.А. Мамчур на этот счет: «Существование различных уровней организации материи и различных теорий, каждая из которых описывает один из уровней (мир малых скоростей и макротел описывается классической механикой; мир больших скоростей — теорией относительности; микромир — квантовой теорией) отнюдь не ведет к релятивизму и не является основанием для него. Повторяем, о релятивизме можно было бы говорить, если бы по поводу *каждого* из этих уровней реальности были бы сформулированы *различные* теории, и все эти теории полагались бы *равноценными*» [Мамчур Е.А., 2004, с. 17].

Как было сказано выше, релятивизм становится псевдопроблемой в случае, когда разные суждения, высказываемые якобы *об одном и том же*, на самом деле относятся к *разным* сторонам исследуемой реальности. Однако вопрос об этой реальности выносится за пределы исследования, где она *по умолчанию* и полагается существующей как таковая и тождественной самой себе. Поскольку когда мы говорим о сторонах одной и той же реальности, мы по умолчанию предполагаем, что это стороны именно *чего-то*, т.е. того, что существует как таковое и, соответственно, может быть одним и тем же, несмотря на наличие содержащегося в нем многообразия сторон, частей, слоев, аспектов и т.д. То, что разные стороны не есть сами по себе стороны, а именно стороны *чего-то*, и части не даны сами по себе, а только как части чего-то целого, — это в европейской философии является аксиомой, в силу чего полное раскрытие этого обстоятельства не требуется.

Если реальность имеет те стороны, о которых известно современной физике, то мы вправе были бы задаться вопросом о том, что она представляет собой как целое в единстве этих сторон, и можем ли мы быть уверены, что сторон у реальности ровно столько, сколько их известно современной физике? Если допустить, что количество сторон — это открытое и потенциально бесконечное множество, то в этом случае необходимо поставить вопрос о том, каким образом из них может составится нечто целое. По словам Е. Вигнера, развитие научного знания связано «с углублением еще на один слой в “тайны природы”» [Вигнер Е., 1971, с. 174]. Открытие нового слоя происходит всякий раз, когда устраняется расхождение существующих представлений теоретической физики с опытом. «Релятивистская квантовая теория расположена по крайней мере в четвертом по глубине слое и оперирует понятиями всех трех предшествующих слоев, известных своей неадекватностью и замененных на четвертой ступени познания более глубокими понятиями» [Вигнер Е., 1971, с. 174]. Е. Вигнер убежден, что данный процесс введения в физику все более и более глубоких понятий «не завершается открытием окончательных, абсолютных понятий» [Вигнер Е., 1971, с. 175]. Будущее фундаментальной физики он видит следующим образом образом: «Признание неадекватности понятий десятого слоя и замена их более тонкими понятиями одиннадцатого слоя будет гораздо менее важным событием, чем открытие теории относительности, но для того, чтобы найти корень зла, нам придется провести более трудоемкие и продолжительные исследования, чем некогда понадобившиеся для оценки тех противоречий с опытом, которые исключала теория относительности… Возможно также, что… нам никогда не удастся решить, адекватны ли “в принципе” понятия десятого слоя, пригодны ли они для полного описания неодушевленного мира. Отсутствие интереса в сочетании со слабостью человеческого разума может легко привести к тому, что решение вопроса о полной адекватности понятий n-го слоя будет откладываться на неопределенный срок» [Вигнер Е., 1971, с. 174–175].

Соображение Е. Вигнера о том, что недостаточность продолжительности человеческой жизни для того, чтобы освоить накопленное знание и суметь сделать шаг вперед, рано или поздно приведет к ослаблению интереса к фундаментальным исследованиям, должно не столько огорчать ревнителей фундаментальной науки несоответствием между ее перспективами и возможностями человека, сколько разочаровывать в самих этих перспективах. Ведь «вперед» в данном случае не означает в направлении к цели пусть даже и недо-

стижимой, которой могла бы быть возможность познания *всей* реальности как она *есть*. Чтобы иметь такую цель, необходимо иметь возможность отсылки к абсолютному, как это было в классической теории познания (относительная и абсолютная истины). Е. Вигнер дает понять, что тенденции развития современного физического знания уже не оставляют этому места. Таким образом, стремление нейтрализовать проблему релятивизма как проблему возможности разных высказываний об одном и том же за счет вычленения в нем разных уровней, сторон, фрагментов и т.д. не исключает обратного эффекта радикализации этой проблемы. Такой эффект возникает в случае признания количества этих уровней, сторон, фрагментов и т.д. открытым и потенциально бесконечным множеством, о котором нельзя говорить как о целом. Соответственно, в случае такого рода распада целого предполагаемая релятивизмом возможность разных высказываний о нем уже не пресекается законом непротиворечия и, соответственно, делает релятивизм действительной проблемой, заслуживающей серьезного обсуждения.

Эпистемологический релятивизм в свете проблемы актуальной бесконечности: от нейтрализации эпистемологического релятивизма к его радикализации

Предпринимаемые в эпистемологии попытки смягчить проблему релятивизма или вовсе уйти от нее не исчерпаны. Еще одна попытка такого рода становится возможна на базе реляционизма. Реляционизм дает возможность нейтрализовать сам повод к возникновению проблемы релятивизма, а именно вопрос о самих вещах, по отношению к которым могли бы быть высказаны разные суждения, исключающие друг друга по закону непротиворечия. Реляционизм стремится заведомо взять вопрос о самих вещах в скобки и ограничиться рассмотрением отношений между вещами. Посмотрим, однако, насколько такое намерение состоятельно.

В соответствии с представлениями реляционизма считается, что «все наше знание… охватывает только связи и отношения (Beziehungen und Verhaltnise) вещей, а не вещи и их свойства» [Eisler R., 1913, S. 557], что «отношениями являются все объекты науки» [Серрюс Ш., 1948, с. 184], «отношения вещей есть вещество науки» [Eisler R., 1929, S. 684]. Однако возможность уйти от вопроса о самих вещах и, соответственно, от проблемы релятивизма, приводит к другой — к проблеме агностицизма. Ведь если любое знание сводится к знанию отношений между вещами, то внутреннее содержание самих вещей, а также их свойства, остаются непознаваемыми. Вместе с тем, как подсказывает Г.Д. Левин, в этом случае проблема агностицизма нейтрализуется за счет того, что «исследуя отношения между вещами, частями этих вещей и частями этих частей мы движемся к первоэлементам этого мира, а отражая отношения между вещами, ансамблями этих вещей, ансамблями этих ансамблей и т.д. — к миру в целом» [Левин Г.Д., 2012, с. 57]. Однако в перспективе такого рода минимума и максимума мира чистота реляционизма утрачивается, т.к. в этом случае вопрос о самих вещах не исключается, а лишь отодвигается к этим пределам, и к нему можно и нужно вновь вернуться. Но только сейчас этот вопрос предстает в свете проблемы актуальной бесконечности[1], к которой вели все разрабатываемые в истории философии учения о первоэлементах этого мира и о мире в целом. Поворотный момент в отношении западной философии к проблеме актуальной бесконечности связан с именем Николая Кузанского, впервые сделавшего ее предметом рационального дискурса. Но и в этом случае, называя соответствующий труд «Об ученом незнании», Н. Кузанский дает понять, сколь сложные отношения с разумом отражаются в обсуждаемом им здесь вопросе. Н. Кузанский показывает, что понятия абсолютного максимума и абсолютного минимума как абсолютные пределы отличаются от того, что может быть больше или меньше. По Н. Кузанскому, они существуют вне мира, а потому возможность перехода (или по меньшей мере приближения) к ним со стороны того, что может быть больше или меньше, представляет собой проблему: «Максимум и минимум берутся в этой книжке как трансцендентные пределы с абсолютной значимостью… Чего не может быть ни больше, ни меньше, того нельзя именовать, потому что имена приписываются движением рассудка только вещам, в том или ином соотношении допускающим превышаемое и превышающее» [Кузанский Н., 2011, с. 15–16].

О том, что все, что есть в мире, может быть больше или меньше, чем оно есть, говорил еще Зенон. Именно Зенон впервые ввел понятие величины как отвлеченного представления о чув-

[1] Если потенциально бесконечное является отрицанием конечного только потому, что оно может превзойти любое конечное, то актуально бесконечное *уже* актуально превосходит любое конечное.

ственно воспринимаемом существовании телесно протяженного бытия. Оно сохранилось у Аристотеля[2]. По этому определению, величина *всегда* (до бесконечности) делима. Соответственно, допущение возможности существования неделимого (атома от греч. ἄτομος — неделимый) среди делимого равносильно допущению какого-то другого существования помимо чувственно воспринимаемого существования телесно протяженного бытия. Если древние атомисты (Демокрит) могли просто постулировать существование атомов, то последующей критической рефлексией возможность такого существования была проблематизирована. Стоит напомнить, что возрождение физического атомизма произошло только в XVI в. из-за востребованности у медиков, а не у философов, и что химия стала той областью знания, которая внесла в это событие решающий вклад и отметила его своей спецификой. Как пишет об этом В.П. Зубов, «представление об элементах как простейших неделимых далее атомах, все более оттеснялось на второй, так сказать "умозрительный", далекий план и на первое место становилось представление о практически неразложимых веществах, иногда именовавшихся "началами"» [Зубов В.П., 1965, с. 305]. Эти процессы были обусловлены осознанной к этому времени невозможностью умозрительного решения вопроса о существовании неделимых, в рамках которого, однако, он только и мог бы быть разрешен. Что касается его практической стороны, то она позволяла говорить о существовании неделимых только *условно*. Из того, что ученые того времени довольствовались ею, можно судить, в какой тупик зашли тогда теоретические дискуссии о существовании неделимых. Таким образом, насколько бы перспективы отодвинуть вопрос о самих вещах, представив его в свете проблемы бесконечности, не благоприятствовали намерению подменить релятивизм реляционизмом, именно проблема бесконечности вновь делает релятивизм актуальным.

[2] «В самом деле, если что-нибудь, поскольку оно прибавляется [к какой-либо вещи] или отнимается от [неё], не делает [эту вещь] [в первом случае] больше или [во втором] меньше, тогда, по словам Зенона, оно не принадлежит к числу существующего, существующее, очевидно, понимается как величина и постольку — как величина телесная: ведь именно такая величина обладает бытием в полной мере; а все другие, если их прибавлять известным образом, произведут увеличение, а если иначе — то никакого; так будет, например с плоскостью и линией, а точка и единица не создадут его ни при каких обстоятельствах» (Arist. Metaph. B4. 1001, в8-в14).

Антропный космологический принцип и перспективы современной эпистемологии

Рассмотрение проблемы релятивизма было бы неполным без указания на современные альтернативы утраченного эпистемологией центрирующего фактора. Таковым сегодня признается антропный космологический принцип (АКП), который привлекает к себе все больше внимания со стороны исследователей. Согласно сильному АКП: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные постоянные, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей» [Картер Б., 1978, с. 372]. Основное значение антропной аргументации было сформулировано Б. Картером в 1973 г. Данная аргументация была направлена против «принципа Коперника», согласно которому человек не занимал никакого привилегированного места во Вселенной. Как известно, программа построения новоевропейской науки предполагала, что фундаментальные свойства мира должны быть инвариантны относительно системы отсчета и тем более относительно наблюдателя. Однако Б. Картер настаивает на том, что положение человека «неизбежно в некотором смысле привилегированно» [Картер Б., 1978, с. 370]. Характерно, что Б. Картер перефразировал Декарта («Cogito ergo mundus talis est», что означает «Я мыслю, следовательно, мир таков»), который пытался обосновать возможность связи идеи «Я» как конечности и несовершенства и идеи Бога как бесконечности и совершенства (т.е. связи относительного и абсолютного). Но в рассуждениях Декарта можно заметить частое смешение совершенного и несовершенного. Как замечает по этому поводу Е.В. Малышкин, «идея бесконечности дана наиболее начальным образом, она есть идея в высшей степени ясная и отчетливая, такая, которая должна бы предшествовать идее cogito me cogitare, но по каким-то обстоятельствам следует за ней» [Малышкин Е.В., 2011, с. 141]. Таким образом, оригинал перефразированного Б. Картером высказывания Декарта уже содержал в себе перспективу для подобного перефраза. Как замечает в связи с этим А.Н. Павленко, «в антропном космологическом принципе неявно содержится антропный исторический принцип, накладывающий ограничения на человеческую историю, предполагая ее протекание в строго определенном направлении…» [Павленко А.Н., 1997, с. 215–216]. «Это означает, что не только физическая Вселенная должна быть Вселенной определенного типа, т.е. совместимой,

пользуясь терминологией Дикке, с “существованием физиков”… но и человеческая история — эволюция человеческой (уже — европейской) рациональности — должна была допустить существование такого и только такого пути, который бы привел к появлению типа рациональности, в рамках которого АКП является осмысленным» [Павленко А.Н., 1997, с. 215].

АКП наследует, преломляя по-своему, положенную в основание новоевропейского естествознания проблематику абсолютного. Эта проблематика может по-новому заявить о себе ввиду связанных с АКП перспектив единства гуманитарных и естественных наук[3]. Разделяя одни и другие, основатели новоевропейского естествознания как бы выносили за скобки вопрос о человеке, по умолчанию предполагая его решенным. Характерно, что в классической эпистемологии допускалось, что наблюдатель видит мир с точки зрения «ниоткуда». На сегодняшний день, когда негативные последствия такого допущения заявили о себе в виде кризиса классической эпистемологии, вопрос о человеке действительно должен стать решающим для науки вопросом.

Заключение

Представления о потенциально бесконечной реальности открывают возможность представления проблемы эпистемологического релятивизма в русле ее радикализации. Было показано, что обращение к потенциальной бесконечности востребовано среди исследователей, и современные эпистемологические проблемы действительно предполагают его необходимость. Бесконечная реальность является открытым потенциально бесконечным образованием, по отношению к которому предполагаемая релятивизмом возможность разных высказываний уже не пресекается законом непротиворечия, что делает релятивизм действительной проблемой, заслуживающей серьезного обсуждения. На примере концепции конструктивного реализма Э. Агацци было показано, что именно на основе представления о потенциально бесконечной реальности исключается (а не отодвигается) вопрос о познаваемых вещах как отличных от аспектов, фрагментов, сторон и т.д. самой (потенциально бесконечной) познаваемой реальности, явленных познанию через те или иные его отношения с ней. И соответственно, вопрос о познаваемых вещах больше не может давать повод для обвинений в агностицизме и дискредитировать данную концепцию в качестве познавательной установки, как это можно было видеть в случае реляционизма. Как видно, реляционизм, призванный смягчить и вытеснить малопонятную проблему релятивизма, оказывается даже более уязвимым, чем сам релятивизм.

Таким образом, востребованное в современной эпистемологии представление о потенциально бесконечной реальности (о детотализации бытия-как-такового) оправдывает радикализацию проблемы эпистемологического релятивизма и открывает перспективы ее исследования в этом направлении.

Список литературы

Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / пер. с англ. Д.Г. Лахути; под ред. В.А. Лекторского. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.

Вигнер Е. Этюды о симметрии / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Мир, 1971. 318 с.

Дубровский Д.И. Многоликий «релятивизм» (о необходимости его концептуального обоснования в общефилософском плане) // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Ин-т философии РАН, 2012. С. 29–39.

Зубов В.П. Развитие атомистических представлений до начала XIX века. М.: Наука, 1965. 372 с.

Казютинский В.В., *Балашов Ю.В*. Антропный принцип: история и современность // Природа. 1989. №. 1. С. 23–32.

Картер Б. Совпадение Больших Чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: теория, наблюдения / под ред. Я.Б. Зельдовича, И.Д. Новикова. М.: Мир, 1978. С. 369−380.

Кузанский Н. Об ученом незнании. М.: Академ. проект, 2011. 160 с.

Левин Г.Д. Релятивизм и реляционизм (к истории проблемы) // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 40–60.

Малышкин Е.В. Две метафоры памяти. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2011. 246 с.

Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (к дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.

Маслов В.М. Эпистемологический релятивизм в эпоху рисков и ответственности // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Н. Новгород:

[3] По словам В.В. Казютинского, «то обстоятельство, что возникшая в естествознании столь необычная и неоднозначная идея быстро проникла в сферу общенаучной (в том числе гуманитарной) культуры, не случайно: в этом отражаются комплексные, синтетические ориентации современной науки» [Казютинский В.В., Балашов Ю.В., 1989, с. 32].

Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 217–222.

Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Никифоров А.Л. Абсолютное в релятивном // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 213–216.

Павленко А.Н. Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // Философско-религиозные истоки науки / отв. ред. П.П. Гайденко. М.: Мартис, 1997. С. 178–218.

Парилов О.В., Парилов Д.О. Постмодернизм как мировоззренческая установка. Н. Новгород: Нижегор. прав. акад., 2012. 99 с.

Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

Пружинин Б.И. Неклассическая эпистемология: взгляд из классики // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Изд. дом «Міръ», 2009. С. 230–248.

Серрюс Ш. Опыт исследования значения логики / пер. с фр. В.Ф. Асмуса. М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1948. 228 с.

Чертков Е.Л. Проблема ценности истины в скептицизме и релятивизме // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Ин-т философии РАН, 2012. С. 80–102.

Юм Д. Исследование о человеческом разумении // Юм Д. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 3–144.

Badiou A. L'etre et I'evenement. Paris: Du Seuil, 1988. 576 p.

Eisler R. Handworterbuch der Philosophie. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1913. 801 S.

Eisler R. Worterbuch der Philosophischen Begriffen. Bd. 2. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1929. 724 S.

Получена: 21.09.2022. Доработана после рецензирования:11.11.2022. Принята к публикации: 15.11.2022

References

Agazzi, E. *(*2017). *Nauchnaja ob'ektivnost' i ee konteksty* [Scientific objectivity and its contexts]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 688 p.

Badiou, A. (1988). *L'etre et I'evenement* [Being and eevent]. Paris: Du Seuil Publ., 576 p.

Chertkova, E.L. (2012). *Problema tsennosti istiny v skeptitsizme i relyativizme* [The problem of the value of truth in skepticism and relativism]. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskiy analiz, otv. red. V.A. Lektorskiy* [V.A. Lektorskiy (ed.) Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 80–102.

Dubrovskiy, D.I. (2012). *Mnogolikiy «relyativizm» (o neobkhodimosti ego kontseptual'nogo obosnovaniya v obschefilosofskom plane)* [Multifaceted «relativism» (on the need for its conceptual justification in the general philosophical plan)]. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskiy analiz, otv. red. V.A. Lektorskiy* [V.A. Lektorskiy (ed.) Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 29–39.

Eisler, R. (1913). *Handworterbuch der Philosophie* [Handbook of philosophy]. Berlin: E.S. Mittler & Sohn Publ., 801 p.

Eisler, R. (1929). *Worterbuch der Philosophischen Begriffen.Bd. 2*[Dictionary of philosophical terms. Vol. 2]. Berlin: E.S. Mittler & Sohn Publ., 724 p.

Hume, D. (1996). [Research on human understanding]. Yum D. *Sochineniya: v 2 t.* [Hume D. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 3–144.

Karter, B. (1979). [The coincidence of Large Numbers and the anthropological principle in cosmology]. *Kosmologiya: teoriya, nablyudeniya, pod red. Ya.B. Zel'dovicha, I.D. Novikova* [Ya.B. Zeldovich, I.D. Novikov (eds.) Cosmology: theory, observations]. Moscow: Mir Publ., pp. 369−380.

Kazyutinskiy, V.V. and Balashov, Yu.V. (1989). [The anthropic principle: history and modernity]. *Priroda* [Nature]. No. 1, pp. 23–32.

Levin, G.D. (2012). [Relativism and relationism (on the history of the problem)]. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskiy analiz, otv. red. V.A. Lektorskiy* [V.A. Lektorskiy (ed.) Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 40–60.

Malyshkin, E.V. (2011). *Dve metafory pamyati* [Two metaphors of memory]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 246 p.

Mamchur, E.A. (2004). *Ob'ektivnost' nauki i relyativizm: (k diskussiyam v sovremennoy epistemologii)* [Objectivity of science and relativism: (to discussions in modern epistemology)]. Moscow: IPh RAS Publ., 242 p.

Maslov, V.M. (2018). [Epistemological relativism in the era of risks and responsibility]. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii* [Epistemology today. Ideas, problems, discussions]. Nizhny Novgorod: UNN Publ., pp. 217–222.

Meillassoux, Q. (2015). *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finiteness: an essay on the necessity of contingency]. Yekaterinburg, Moscow: Kabinetnyy Uchenyy Publ., 196 p.

Nicholas of Cusa (2011). *Ob uchenom neznanii* [On learned ignorance]. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., 160 p.

Nikiforov, A.L. (2018). [Absolute in the relative]. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii* [Epistemology today. Ideas, problems, discussions]. Nizhny Novgorod: UNN Publ., pp. 213–216.

Parilov, O.V. and Parilov, D.O. (2012). *Postmodernizm kak mirovozzrencheskaya ustanovka* [Postmodernism as a worldview]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of Law Publ., 99 p.

Pavlenko, A.N. (1997). [The anthropic principle: origins and consequences in European scientific rationality]. *Filosofsko-religioznye istoki nauki, otv. red. P.P. Gaydenko* [P.P. Gaydenko (ed.) Philosophical and religious origins of science]. Moscow: Martis Publ., pp. 178–218.

Popper, K. (1983). *Logika i rost nauchnogo znaniya* [The growth of scientific knowledge]. Moscow: Progress Publ., 605 p.

Popper, K. (1992). *Otkrytoe obschestvo i ego vragi. T. 2: Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly* [Open society and its enemies. Vol. 2: The time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles]. Moscow: Feniks Publ., International Fund «Kul'turnaya initsiativa» Publ., 528 p.

Pruzhinin, B.I. (2009). *Neklassicheskaya epistemologiya: vzglyad iz klassiki* [Non-classical epistemology: a look from the classics]. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura, otv. red. L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin* [L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin (eds.) Postnonclassics: philosophy, science, culture]. St. Petersburg: Mir Publ., pp. 230–248.

Serrus, C. (1948). *Opyt issledovaniya znacheniya logiki* [Experience in the study of the meaning of logic]. Moscow: Foreign Languages Publ, 228 p.

Wigner, E. (1971). *Etyudy o simmetrii* [Symmetries and reflections: Scientific essays]. Moscow: Mir Publ., 318 p.

Zubov, V.P. (1965). *Razvitie atomisticheskikh predstavleniy do nachala XIX veka* [The development of atomistic ideas before the beginning of the 19th century]. Moscow: Nauka Publ., 372 p.

Received: 21.09.2022. Revised: 11.11.2022. Accepted: 15.11.2022

Об авторе

Филатова Мария Игоревна
кандидат философских наук,
преподаватель кафедры философии

Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И.И. Иванова,
305021, Курск, К. Маркса, 70;
e-mail: m.philatova@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8032-3816
ResearcherID: GSD-6962-2022

About the author

Maria I. Philatova
Candidate of Philosophy, Lecturer
of the Department of Philosophy

Kursk State Agricultural Academy
named after I.I. Ivanov,
70, K. Marx st., Kursk, 305021, Russia;
e-mail: m.philatova@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8032-3816
ResearcherID: GSD-6962-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Филатова М.И. Радикализация проблемы эпистемологического релятивизма (аргумент «за») // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 579–589.
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-579-589

For citation:
Philatova M.I. [Radicalization of the problem of epistemological relativism (argument «for»)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 579–589 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-579-589

УДК 130.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-590-596

КРИЗИС СУБЪЕКТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Казанцева Вера Анатольевна

Челябинский государственный университет (Челябинск)

В статье освещается проблема кризиса субъектности в современном обществе. Об этом свидетельствуют такие негативные явления, как кризис суверенитета национальных государств, абсентеизм, популизм и прочие реалии политической жизни. Эти особенности характерны для множества государств по всему миру, поскольку страны в условиях глобализации являются взаимозависимыми и взаимоуязвимыми. Власть в нашем исследовании понимается как перераспределение субъектности между акторами политического процесса. Субъектность определяется как деятельностная способность. Обосновывается тезис о необходимости гармоничного единства сильного государства и сильного гражданского общества. Рассматриваются процессы перераспределения субъектности «снизу вверх» и «сверху вниз» в современной политике, их причины и следствия. Необходимость установления гармоничного единства государства и гражданского общества обуславливается тем, что мир постепенно становится действительно многополярным, на международной арене формируются новые центры силы. При этом одни политические акторы прибегают к демонстрации субъектности, другие предпочитают ее скрывать по тем или иным причинам, а третьи имитируют субъектность. Эффективная же реализация субъектности государства на международной арене, защита национальных интересов возможны только в условиях сотрудничества с гражданским обществом, его поддержки.

Ключевые слова: политика, политическая власть, субъектность, государство, гражданское общество.

THE CRISIS OF AGENCY IN MODERN SOCIETY

Vera A. Kazantseva

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk)

The problem of the crisis of agency in modern society is posed. This is evidenced by such negative phenomena as the crisis of the sovereignty of national states, absenteeism, populism and other realities of political life. And they are typical for many states around the world, since countries in the context of globalization of the country are interdependent and mutually vulnerable. Power in our study is understood as a redistribution of agency between the actors of the political process. Agency is defined as an ability to act. The thesis about the need for a harmonious unity of a strong state and a strong civil society is substantiated. The processes of redistribution of agency «bottom-up» and «top-down» in modern politics are considered. Their causes and consequences are revealed. The need to establish a harmonious unity of the state and civil society is due to the fact that the world is gradually becoming truly multipolar, new centers of power are being formed in the international arena. At the same time, some political actors resort to demonstrating agency, while others prefer to hide it for one reason or another, and still others imitate agency. The effective implementation of the agency of the state in the international arena, the protection of national interests is possible only in conditions of cooperation with civil society, its support.

Keywords: politics, political power, agency, state, civil society.

Постановка проблемы

Современное общество столкнулось с серьезным кризисом субъектности. И касается это не только высшего уровня государственной власти, но и поведения обычных людей, их гражданских практик. Его симптомами являются такие явления, как кризис легитимности политической власти, кризис суверенитета национальных государств, абсентеизм, популизм и прочие негативные реалии политической жизни. Сегодня в мире «царит ве-

© Казанцева В.А., 2022

ликое смятение», связанное с вышеперечисленными процессами, но какова же ситуация?

Пространство для поиска взаимопонимания в современном мире постоянно сокращается, поскольку из-за многочисленных накладывающийхя друг на друга кризисов глобальная солидарность и международное сотрудничество необходимы [Жижек С., 2022, с. 5–7]. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что в условиях глобализации страны становятся взаимозависимыми и взаимоуязвимым, поэтому все реже мы сталкиваемся с локальными кризисами, и все чаще — с глобальными, так или иначе влияющими на все мировое сообщество. Поэтому кризис субъектности затрагивает сразу множество государств и граждан по всему миру.

Результаты исследования

В нашем исследовании мы понимаем политическую власть как отношения перераспределения субъектности. Субъектность — это деятельностная способность. Она может перераспределяться, например, между государствами на международной арене или между политиками и гражданами во внутриполитической жизни общества. Процессы перераспределения субъектности могут протекать:

1. «По вертикали»: «сверху-вниз», т.е. от государства к гражданскому обществу (различные законы, указы Президента и т.п.), или «снизу-вверх» от гражданского общества к государству (например, гражданские инициативы);

2. «По горизонтали»: выстраивание взаимоотношений между государствами на международной арене как между равноправными партнерами на основе соблюдения международного права и учета национальных интересов субъектов взаимодействия.

С нашей точки зрения, в настоящее время оба этих отношения перераспределения субъектности находятся в кризисе. Рассмотрим далее подробнее каждое из них, и начнем с кризиса суверенитета национального государства. Данная проблема поднималась и описывалась во многих исследованиях. Например, ей посвящены работы таких авторов, как Ф. Фукуяма [Фукуяма Ф., 2010, 2017], Н. Хомский [Хомский Н., 2012, 2014], Дж.С. Най [Най Дж.С., 2014], М. Наим [Наим М., 2016], С. Жижек [Жижек С., 2014] и многих других. В исследованиях они пишут о перераспределении субъектности от национального государства к транснациональным корпорациям. Все перечисленные эксперты оценивают данный процесс негативно, поскольку это может приводить к таким явлениям, как «низведение политики до простого администрирования» или к «экономизации общественной жизни», поскольку ТНК стремится главным образом к достижению прибыли, обогащению. Определяя подлинную политику как «искусство невозможного», С. Жижек в работе, посвященной процессам перераспределения субъектности, писал о приостановке политического, т.е. «сведения государства к рядовому полицейскому, обслуживающему потребности рыночных сил» [Жижек С., 2014]. Они ратуют за усиление государственной власти, за укрепление суверенитета национального государства как гаранта порядка и стабильности и выступают против неолиберальной политической повестки, широко распространенной на Западе. Согласно ей, люди должны быть свободны от государства, последнему должна быть отведена весьма ограниченная роль «городового полицейского», чтобвы не ограничивать индивида в реализации его прав, свобод и индивидуальности, а все остальное отрегулирует «свободный рынок». Такие представления о государстве берут свое начало в эпоху Просвещения и встречаются у таких философов, как Дж. Локк [Локк Дж., 2022] и Ш.Л. Монтескье [Монтескье Ш.Л., 2022]. Встречаются и иные трактовки государства. Оно понималось, например, и «как излишество», и «как бандит», и «как ресурс», и «как передел» [Аузан А., 2014, с. 53–71], и т.д. Во всех теориях прослеживается весьма настороженное отношение к государству, в них постулируется ограничение его субъектности, и отголоски таких теорий находятся в современной неолиберальной концепции мирового порядка, который западные страны активно пытаются распространить на весь остальной мир, что повсеместно приводит к кризису субъектности.

Еще одним субъектом политической жизни помимо государства является гражданское общество. Но и здесь мы сталкиваемся с кризисом перераспределения субъектности. Это проявляется в инфантилизме современной молодежи, абсентеизме, проблеме подлинно демократической вовлеченности в политику и т.д.

Инфантилизм современной молодежи находит свое выражение в уверенности многих молодых людей в том, что «им все должны, особенно государство». Свои права они, преимущественно, знают хорошо, зачастую забывая о собственной ответственности, обязанностях и гражданском долге. Виной тому могут быть следующие особенности современного общества:

1. Отсутствие патриотического воспитания.

2. Превалирование материалистических ценностей над духовными в умах современной молодежи и индивидуалистическая поведенческая установка. Чаще всего при устном опросе большинство студентов сами признаются, что больше и чаще думают об обеспечении собственного благосостояния, чем, например, о духовных ценностях или благополучии всего общества. Во многих современных странах индивидуализм выступает в качестве поведенческой установки. Детей, начиная с детского сада, учат проявлять свою индивидуальность, уникальность, защищать свои права и выстраивать личные границы. Все это, с одной стороны, хорошо в умеренных пределах, с другой стороны, это может привести к появлению и проявлению эгоизма, социальной дезадаптации, атомизации индивидов. Как ни парадоксально, современный человек, благодаря распространению гаджетов, перманентно доступен для связи, но при этом испытывает все больше трудностей с коммуникативными навыками. Люди становятся все более дистанцированными в реальной жизни, причем настолько, что на государственном уровне задумались о создании «Агентства по делам одиночества» для того, чтобы решить эту проблему.

3. Популизм в современной политике. Систематическое невыполнение политиками своих обещаний приводит к гражданской апатии и абсентеизму. Современную демократию называют, например, «демократией шума», имея в виду технологию манипулирования массовым сознанием, когда все чаще совершенно безнадежно искать смысл в разноголосьи политических слоганов и обещаний. Политический теоретик Н. Урбинати называет современную демократию «демократией зрителей», указывая, таким образом, на «вуайеризм» и популизм современной политики [Урбинати Н., 2016, с. 18, 401]. Данные проблемы усугубляются такими феноменами как «фейк-ньюс» и «постправда», которые стали уже настолько обыденными явлениями нашей жизни, что ими никого не удивишь. Современный человек и так постоянно испытывает синдром перепривации, существуя в условиях многозадачности, конкуренции, жесткого тайминга, и при этом вынужден постоянно задаваться вопросом об истинности того или иного новостного сообщения, проверять и перепроверять информацию. Все это приводит к усталости, апатии, депрессиям и неврозам, ставшими уже едва ли не вариантом нормы в условиях «новой нормальности».

В этих реалиях граждане не хотят задействовать свою субъектность, не интересуются общественной жизнью, не принимают участия в гражданский инициативах, что приводит к кризису перераспределения субъектности «снизу вверх»: «С демократией происходит нечто странное: кажется, что все к ней стремятся, но никто в нее уже не верит» [Рейбрук Д. ван, 2018, с. 10]. Недоверие к имеющимся демократическим институтам и процедурам во многих странах действительно растет. Часто люди не ходят на выборы, потому что считают, что от них ничего не зависят, у них не сформирована культура политического участия, которая должна формироваться у ребенка еще в школе благодаря, например, урокам истории и обществознания. И такой человек, игнорирующий выборы, рассуждает далее следующим образом: «Вот я бы за политика Х не проголосовал, а раз именно политик Х набрал большинство голосов, значит результатам выборов доверять нельзя». Далее этот порочный круг замыкается на самом себе: недоверие приводит к апатии, апатия — к недоверию. Между тем, как писал М. Мамардашвили, не те люди могут называться гражданами, которые могут принимать участие в общественных делах, «но те, кто принимает на себя обязательства и способен выполнять свои обязанности в общественной жизни», «у нас не просто есть право, но у нас есть обязанность участвовать в общественных делах, разрешать свои проблемы» [Мамардашвили М., 2019, с. 65]. В эссе «Гражданское общество» он напоминает, что одним из правил кантовской мысли было думать с точки зрения другого, и сегодня мы все должны думать с точек зрения друг друга [Мамардашвили М., 2019, с. 66]. Думается, что акцент должен быть сделан не на единичном, а на общем, на поиске того, что нас связывает, объединяет. Это невозможно сделать при отсутствии диалога и взаимодействия между государством и гражданским обществом. Для этого и государство должно быть независимым, и граждане должны реализовывать свою субъектность, участвуя в политической жизни страны.

Сегодня большинство стран мира называют себя демократическими. При этом в политической риторике лидеров ряда стран часто встречаются обвинения других стран в недемократичности (авторитарности или даже тоталитарности их политического режима). Критерии же демократичности от государства к государству могут отличаться. Например, в ряде западных стран существенным признаком демократии считается

частая сменяемость политических лидеров. Политологи и прочие политические эксперты этих стран видят угрозу для демократии в том случае, если политик занимает свой пост несколько сроков подряд. Но действительно ли это является угрозой для демократического политического режима? Сменяемость власти, конечно, важна, но, на наш взгляд, не должна быть при этом самоцелью. Для стабильного развития общества важна преемственность политического курса. Часто политические деятели работают «на перспективу». Результаты их политических решений мы можем увидеть и по достоинству оценить через несколько месяцев или даже лет. Политик, принимающий непопулярное, но необходимое политическое решение, может быть дальновидным стратегом, чьи действия бóльшая частьь людей по достоинству сможет оценить только через значительный промежуток времени. Если постоянно менять политическую власть, не давая ее представителям в полной мере реализовать намеченный вектор развития, то это может привести к нестабильности в обществе, социальной напряженности, индифферентности и прочим негативным последствиям.

С нашей точки зрения, критерием демократичности государства является не частота сменяемости политической власти, а перераспределение субъектности между государством и гражданским обществом. Чем лучше отлажены каналы перераспределения субъектности «снизу вверх», чем лучше народ информирован о наличии этих каналов и знает как ими пользоваться, тем более развито гражданское общество, а значит сильнее и государство. Проблема абсентеизма, нежелания участвовать в политической жизни страны, которую мы поднимали выше, также уходит своими корнями в незнание гражданами каналов перераспределения субъектности. К сожалению, довольно часто бывает так, что каналы перераспределения субъектности «снизу вверх» созданы, но люди не знают об их существовании. Поэтому важно информировать граждан о том, каким образом они могут повлиять на работу политической власти страны разных уровней. Особенно важно такое информирование в молодежной среде.

Современные ментальные войны ведутся в том числе и за ценностные приоритеты молодежи. Эта борьба за умы со стороны ряда стран направлена на формирование определенного «негативного» и «пассивного» мировоззрения молодых людей, дискредитации образа политической власти, очернения истории страны, формирования у человека ощущения беспомощности и собственной незначимости.

После распада Советского Союза в нашей стране образовался идеологический и ценностный вакуум, который стал активно заполняться извне. Причем это «заполнение», судя по всему, было не только стихийным, но и направляемым. Так, американский политолог неолиберальной направленности Джозеф Най называл влияние на ценности населения «мягкой силой». В его интерпретации концепция «мягкой силы» включает в себя возможность добиваться поставленных целей не силовым, военным путем, а при помощи распространения, воспитания среди молодежи других государств определенных ценностей. К ресурсам «мягкой силы» он относит образы, идеи, духовные ценности, культуру. В работе «Будущее власти» он пишет: «Нематериальные ресурсы — такие как патриотизм, мораль и легитимность — сильно влияют на военную способность воевать и победить» [Най С.Д., 2014, с. 56–57]. Причем совершенно очевидно, что речь идет не только о «горячей войне», но и о ментальных войнах, глобальной войне за умы. Инициирующими же субъектами «мягкой силы» в этих войнах при этом могут выступать как государственные, так и негосударственные структуры (транснациональные корпорации, фонды и т.п.).

Осознание важности воспитания и сохранения ценностей, активная работа в этом направлении является важным элементом национальной безопасности. Работа в этом направлении в нашей стране в последнее время активизируется, что проявляется и в принятии определенных законов. Сюда относятся, например, Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ] и Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809]. Данные законы призваны защитить россиян от распространения чуждых им ценностей и идей. Дальнейшая разработка законодательства по этому вопросу наконец, осознана в нашей стране как стратегически важная задача, касающаяся национальной безопасности и суверенитета государства.

Также важно формировать позитивный образ страны, информировать граждан о достижениях России в различных областях, создавать образ будущего, на достижение которого были бы направ-

лены совместные усилия государства и гражданского общества. В Советском Союзе такой образ будущего был, в девяностые же годы его не стало, что негативно отразилось на настроениях общества. В умах подрастающего поколения девяностых сформировался сугубо позитивный образ Запада (в частности США) и негативный образ собственной страны, как отсталой, не успевающей за прогрессивным Западом. Эта установка продолжает эксплуатироваться и сейчас. Часть населения, к сожалению, воспринимают усилия государства по сохранению традиционных ценностей как симптом «отсталости» и «закрытости» страны. Это говорит о том, что работа в данном направлении должна продолжаться, поскольку от ценностей, от того, что осознается личностью как значимое, зависит деятельность человека, его цели, мотивация и многое другое.

Сейчас, в эпоху фейк-ньюс и постправды особенно важно обращать внимание на становление умов подрастающего поколения, на то, кто является для них примером и авторитетом, лидером мнений. Зачастую ими оказываются различные блогеры. Блогосфера на сегодняшний день активно развивается и находится на пике популярности в молодежной среде. Многие дети на вопрос «Кем ты хочешь стать?» отвечают: «блогером». При этом их привлекает в данном виде деятельности не только материальная сторона, а скорее возможность иметь широкую аудиторию, на которую можно было бы оказывать определенное влияние. При этом деятельность блогеров сложно контролировать и регламентировать, хотя существенная необходимость в этом есть, поскольку некоторые представители данного вида деятельности в целях достижения популярности, в погоне за аудиторией для своих каналов, транслируют и шок-контент. Примером могут быть «треш-стримы», во время которых за пожертвования от зрителей блогеры выполняют разные задания, в том числе и опасные как для собственного здоровья и жизни, так и для окружающих. Влияние блогеров на умы современной молодежи велико. В условиях атомизации людей в современном обществе для многих молодых людей блогеры становятся друзьями, с которых они берут пример, с кем делятся переживаниями. При этом далеко не все блогеры сами осознают ответственность за те идеи, ценности и модели поведения, которые онитранслируют. Сегодня важность обеспечения безопасности в этой сфере осознается, ведется работа в этом направлении. Например «Лига безопасного интернета» ставит своей задачей просвещение и развитие навыков медиаграмотности у детей и их родителей. Также ведется разработка ряда законопроектов, направленных на противодействие деструктивному контенту и интернете. Современные блогеры являются лидерами мнений среди современной молодежи. Они выступают выразителями умонастроений и мировоззрения современных молодых людей и могут существенно влиять на их ценностные установки, ориентацию деятельности и мотивацию. Понимая это, их нередко приглашают выступить с докладам по различным вопросам в Государственную Думу, на различные международные форумы и т.д.

Важно формирование «активного» мировоззрения среди молодежи, когда человек мыслит себя важным и значимым субъектом общественных отношений, участие в политической жизни страны понимает как свою обязанность, знает механизмы перераспределения субъектности и умеет ими пользоваться. Такое мировоззрение должно формироваться еще со школы, а продолжать его формирование важно и в университетах, например, при изучении истории, философии, философии политики, истории политических учений и т.д.

С нашей точки зрения, после распада СССР долгое время государством не уделялось должного внимания ценностной борьбе за умы своих граждан, особенно молодежи. Отсутствие политической воли и усилий в этом направлении, по-видимому, внесли значительный вклад в формирование столь тяжелой ситуации в современной Украине. Подобного развития событий нельзя допустить в других республиках бывшего Советского Союза. Это является условием и гарантией национальной безопасности самой России.

Заключение

Сегодня мир становится действительно многополярным. Постепенно крепнут новые центры силы, а это значит, что мир сталкивается с беспрецедентным кризисом перераспределения субъектности на международной арене. Политические субъекты реагируют на это по-разному. Одни прибегают к демонстрации собственной субъектности, например, не идут на поводу у западных стран в ущерб интересам собственного народа или отстаивают собственные национальные интересы, защищая свой суверенитет. Другие политические акторы, например, ТНК, различные группы давления, лоббирующие экономические интересы узких групп людей, прибегают к сокрытию субъектности. К политическим акторам, имитирую-

щим субъектность, можно отнести государства, уже не обладающие суверенитетом. В этих государствах политическая власть обслуживает политические и экономические интересы другого государства, действуя как в интересах не собственного народа, так и повсеместно дестабилизируя порядок.

Считаем, что для эффективного развития общества необходимо гармоническое единство сильного независимого государства и развитого гражданского общества. Только в этом случае возможны мир, порядок, независимость, демократия и развитие. Нельзя забывать простую и важную истину: «политическое есть сфера коллективного единства людей» [Магун А.В, 2011, с. 13].

Список литературы

Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с.

Жижек С. Небеса в смятении. М.: АСТ, 2022. 320 с.

Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.

Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: Социум, 2022. 494 с.

Магун А.В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 544 с.

Мамардашвили М. Возможный человек. М.: РИПОЛ классик, 2019. 495 с.

Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: АСТ, 2022. 864 с.

Наим М. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе. М.: АСТ, 2016. 512 с.

Най Дж.С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 444 с.

Рейбрук Д. ван. Против выборов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 200 с.

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019/ (дата обращения: 18.11.2022).

Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 448 с.

Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140018/ (дата обращения: 18.11.2022).

Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ, 2010. 224 с.

Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: АСТ, 2017. 704 с.

Хомский Н. Государство будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 104 с.

Хомский Н. Как устроен мир. М.: АСТ, 2014. 448 с.

Получена: 01.10.2022. Доработана после рецензирования:28.10.2022. Принята к публикации: 17.11.2022

References

Auzan, A. (2014). *Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [The economy of everything. How institutions shape our lives]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 160 p.

Chomsky, N. (2012). *Gosudarstvo budushchego* [The state of the future]. Moscow: Alpina Non-Fiction Publ., 104 p.

Chomsky, N. (2014). *Kak ustroen mir* [How the world works]. Moscow: AST Publ., 448 p.

Federal'nyy zakon ot 14.07.2022 № 255-FZ «O kontrole za deyatel'nost'yu lits, nakhodyashchikhsya pod inostrannym vliyaniyem» [Federal Law of July 14, 2022 No. 255-FZ «On Control over the Activities of Persons Under Foreign Influence»]. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140018/ (accessed 18.11.2022).

Fukuyama, F. (2010). *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoy poryadok v XXI veke* [Strong state: Governance and world order in the 21st century]. Moscow: AST Publ., 224 p.

Fukuyama, F. (2017). *Ugasanie gosudarstvennogo poryadka* [The fading of the state order]. Moscow: AST Publ., 704 p.

Locke, J. (2022). *Dva traktata o pravlenii* [Two treatises on government]. Moscow: Sotsium Publ., 494 p.

Magun, A.V. (2011). *Edinstvo i odinochestvo: Kurs politicheskoy filosofii Novogo vremeni* [Unity and loneliness: A course of political philosophy of modern times]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 544 p.

Mamardashvili, M. (2019). *Vozmozhnyy chelovek* [A possible person]. Moscow: RIPOL Classic Publ., 495 p.

Montesquieu, Sh.L. (2022). *O dukhe zakonov* [About the spirit of laws]. Moscow: AST Publ., 864 p.

Naim, M. (2016). *Konets vlasti. Ot zalov zasedaniy do poley srazheniy, ot tserkvi do gosudarstva. Pochemu upravlyat' segodnya nuzhno inache* [The end of power. From boardrooms to battlefields, from church to state. Why Being in Charge Isn't What it Used to Be]. Moscow: AST Publ., 512 p.

Nye, J.S. (2014). *Buduschee vlasti* [The future of power]. Moscow: AST Publ., 444 p.

Reybrook, D. van (2018). *Protiv vyborov* [Against elections]. Moscow: Ad Marginem Press, 200 p.

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey» [Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values»]. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019/ (accessed 18.11.2022).

Urbinati, N. (2016). *Iskazhennaya demokratiya. Mnenie, istina i narod* [Distorted democracy. Opinion, truth and people]. Moscow: The Gaidar Institute Publ., 448 p.

Zizek, S. (2014). *Schekotlivyy sub'ekt: otsutstvuyuschiy tsentr politicheskoy ontologii* [A delicate subject: the missing center of political ontology]. Moscow: Publ. House «Delo» of RANEPA., 528 p.

Zizek, S. (2022). *Nebesa v smyatenii* [Heaven in turmoil]. Moscow: AST Publ., 320 p.

Received: 01.10.2022. Revised: 28.10.2022. Accepted: 17.11.2022

Об авторе

Казанцева Вера Анатольевна
старший преподаватель кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: VeraKazantseva@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1164-7913
ResearcherID: GXV-5573-2022

About the author

Vera A. Kazantseva
Senior Lecturer of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers st., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: VeraKazantseva@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1164-7913
ResearcherID: GXV-5573-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Казанцева В.А. Кризис субъектности в современном обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 590–596.DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-590-596

For citation:
Kazantseva V.A. [The crisis of agency in modern society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 590–596 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-590-596

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-597-608

КАУЗАЛЬНЫЙ СЛЕД В ИНДИВИДУАЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИЯХ. СООБЩЕНИЕ 2. КАУЗАЛЬНЫЕ ЦЕПИ И ЛОНГИТЮДНЫЕ МЕДИАТОРНЫЕ МОДЕЛИ

Дорфман Леонид Яковлевич
Пермский государственный институт культуры (Пермь)
Калугин Алексей Юрьевич
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Ранее в наших работах были описаны три возможных линии интеграции: теоретические совместно с эмпирическими, кросс-теоретические и кросс-эмпирические. В настоящем исследовании проводится их эмпирическая верификация на примере теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина, структурно-динамической теории интеллекта Д.В. Ушакова и теории креативного мышления Дж. Гилфорда. Производными от них выступают индивидуально-интеллектуальные интеграции, которые предстают в качестве каузальной цепи. Ее операциональным маркером служат лонгитюдные медиаторные модели. Цель исследования: функционально изучить ресурс и потенциал теорий В.С. Мерлина, Д.В. Ушакова и Дж. Гилфорда для интеграции; для этого необходимо рассмотреть индивидуально-интеллектуальные интеграции как каузальные цепи в трех временных периодах, используя лонгитюдные медиаторные модели, с акцентом на превращениях следствий прежних причин в новые причины. В исследовании приняли участие 211 студентов высших учебных заведений г. Перми, обучающиеся по направлениям гуманитарного профиля, из них 161 девушка и 50 юношей в возрасте от 17 до 22 лет на момент первого замера ($M = 18.56$, $SD = 0.83$). Тестировались свойства интегральной индивидуальности (нервной системы, темперамента и личности), кристаллизованный и флюидный интеллект, креативное мышление в трех временных периодах: настоящем, будущем, послебудущем. Основным статистическим методом анализа данных было структурное моделирование. Все тестируемые модели имели полную либо частичную согласованность с эмпирическими данными согласно индексам пригодности. Было выявлено, что кристаллизованный интеллект, флюидный интеллект и креативная гибкость связывают свойства интегральной индивидуальности в ранние и поздние периоды измерений. Однако креативные беглость и оригинальность функции медиаторов не выполняли. Скорее всего, они выполняют роль среды, на почве которой действуют лонгитюдные медиаторные модели. Результаты исследования могут лечь в основу разработки программы комплексного учета индивидуально-интеллектуальных интеграций как основы образовательного капитала личности.

Ключевые слова: системный подход, интеграция, индивидуально-интеллектуальные интеграции, каузальные цепи, лонгитюдные медиаторные модели.

© Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2022

A CAUSAL FOOTPRINT IN INDIVIDUAL-INTELLECTUAL INTEGRATIONS. PART 2. CAUSAL CHAINS AND LONGITUDINAL MEDIATOR MODELS

Leonid Ya. Dorfman
Perm State Institute of Culture (Perm)
Alexey Yu. Kalugin
Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

In the previous report, the authors described three possible lines of integration: theoretical and empirical jointly, cross-theoretical and cross-empirical. In this report, their empirical verification examines on the example of V.S. Merlin's theory of integral individuality, D.V. Ushakov's structural-dynamic theory of intelligence, and J. Guilford's theory of divergent (creative) thinking. Individual-intellectual integrations derive from above theories. These integrations appear due to the viewpoint of a causal chain. Its operational marker is longitudinal mediator models. The purpose of the study is to examine functionally the resource and potential of the theories of V.S. Merlin, D.V. Ushakov and J. Guilford for integration at empirical level; individual-intellectual integrations develop following causal chains in three time periods. Longitudinal mediation models were to test with an emphasis on the transformation of the effects of previous causes into new causes. The study involved 211 students of Perm higher educational institutions, studying humanities, of which 161 girls and 50 boys aged 17 to 22 years at the time of the first measurement (M = 18.56, SD = 0.83). We tested traits of integral individuality (nervous system, temperament, and personality traits), crystallized and fluid intelligence, and creative thinking in three periods, namely, the present, the future, and the post-future. Structural modeling was the main statistical methods of data analysis. Crystallized intelligence, fluid intelligence, and creative flexibility revealed their mediator part between traits of integral individuality in earlier and later measurements. Each model was fit indices. However, creative fluency and originality did not function as mediators. Rather, they acted as the environment on which longitudinal mediator models operate. The results of the study can form the background for the development of a program of comprehensive individual-intellectual integrations as the basis of the educational capital of the individual.
Keywords: systemic approach, integration, individual-intellectual integration, causal chains, mediator models.

Проблема

В соответствии с линиями интеграции, описанными ранее в других исследованиях [Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2022a, 2022b], выделим индивидуально-интеллектуальные интеграции. Их можно понимать трояким образом. Во-первых, имеются в виду интеграции теоретических и эмпирических моделей. В нашем исследовании интегрированию подвергаются теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина [Мерлин С.В., 1986], структурно-динамическая теория интеллекта Д.В. Ушакова [Ушаков Д.В., 2011] и теория креативного мышления Дж. Гилфорда [Guilford J.P., 1967] с их эмпирическими моделями в аспекте разноуровневых свойств интегральной индивидуальности, психометрического интеллекта (кристаллизованного и флюидного), креативного мышления (беглости, гибкости, оригинальности). Во-вторых, подходы В.С. Мерлина, Д.В. Ушакова и Дж. Гилфорда рассматриваются кросс-теоретически. Они изучаются в плане их функциональной интеграции. В-третьих, их модели исследуются кросс-эмпирически. Опять-таки, они изучаются в плане их интеграции. Заметим, что эти линии интеграции полагаются. Не очевидно, что они получают эмпирическую поддержку. Здесь появляется проблема, которая состоит в том, чтобы сузить область эмпирической многоаспектности, проверить ее на предмет получения конкретных эмпирических данных.

Производным от обозначенных выше линий интеграций является вопрос об индивидуально-интеллектуальных интеграциях с позиции каузальной цепи. До сих пор этот вопрос не ставился и не изучался эмпирически. Обратим внимание на модель каузальной цепи в тех случаях, когда следствия прежних причин одновременно могут выступать в роли новых причин, приводящих к новым следствиям [Дорфман Л.Я., 2014]. Эту проблему можно поставить при условии проведения повторных измерений через, по меньшей мере, три периода времени. Тогда разноуровневые свойства индивидуальности выступают в качестве базовой причины (в настоящем, первое измерение), психометрический интеллект и креативное

мышление — его следствиями (в будущем, второе, позднее измерение), и в то же время новой причиной разноуровневых свойств индивидуальности (в послебудущем, третье измерение). Данная модель является релевантной гетерогенной каузальной цепи: одна категория — разноуровневые свойства индивидуальности (при первом и третьем измерениях), другая категория — психометрический интеллект и креативное мышление (при втором измерении).

Эмпирическим маркером этой гетерогенной каузальной цепи может служить лонгитюдная медиаторная модель: от экзогенных переменных (разноуровневых свойств индивидуальности при первом измерении) к медиатору (психометрическому интеллекту и креативному мышлению при втором измерении) и от него к эндогенным переменным (разноуровневым свойствам индивидуальности при третьем измерении). Исследование гетерогенной каузальной цепи в форме лонгитюдной медиаторной модели до сих пор не проводилось. Вряд ли любые параметры психометрического интеллекта и креативного мышления могут быть следствием (медиатором) действия любых разноуровневых свойств индивидуальности (при первом измерении). И вряд ли любые параметры психометрического интеллекта и креативного мышления могут быть новой причиной (медиатором) изменений любых разноуровневых свойств индивидуальности (при третьем измерении). Следует уточнить этот вопрос применительно к тем лонгитюдным медиаторным моделям, которые являются статистически пригодными, а также к тем параметрам, которые включаются в их состав и структуру.

Гипотезы и задачи исследования

Сформулируем 2 гипотезы исследования.

Во-первых, предполагаетяс, что функционально теории В.С. Мерлина, Д.В. Ушакова и Дж. Гилфорда имеют ресурс и потенциал для интеграции. Об этом можно судить косвенно через релевантные эмпирические модели, которые имеют медиаторный характер.

Во-вторых, полагались лонгитюдные медиаторные модели. Подразумевались разноуровневые свойства индивидуальности в первом замере (базовая причина), психометрический интеллект и креативное мышление во втором замере (следствие базовой причины и новая причина) и разноуровневые свойства индивидуальности в третьем замере (новое следствие).

Были поставлены 3 задачи исследования:

1. Оценить пригодность медиаторной модели, в которой экзогенными переменными служили разноуровневые свойства индивидуальности при первом замере, медиатором — психометрический интеллект (кристаллизованный и флюидный) при втором замере, эндогенными переменными — разноуровневые свойства индивидуальности при третьем замере.

2. Оценить пригодность медиаторной модели, в которой экзогенными переменными служили разноуровневые свойства индивидуальности при первом замере, медиатором — креативное мышление (беглость, гибкость, оригинальность) при втором замере, эндогенными переменными — разноуровневые свойства индивидуальности при третьем замере.

3. Оценить пригодность медиаторной модели, в которой экзогенными переменными служили разноуровневые свойства индивидуальности при первом замере, медиаторами — психометрический интеллект (кристаллизованный и флюидный) и креативное мышление (беглость, гибкость, оригинальность) совместно при втором замере, эндогенными переменными — разноуровневые свойства индивидуальности при третьем замере.

Метод

Участники исследования

В исследовании приняли участие 211 студентов высших учебных заведений г. Перми, обучающиеся по направлениям гуманитарного профиля, из них 161 девушка и 50 юношей в возрасте от 17 до 22 лет на момент первого замера ($M = 18.56$, $SD = 0.83$). Такой половой состав отражает соотношение по полу в гуманитарных направлениях вузов. Данное исследование — часть более широкого исследования, целью которого является изучение индивидуально-интеллектуальных интеграций применительно к академической успеваемости студентов-гуманитариев [Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2022а]. Этим обусловлен возрастной и половой состав выборки.

Психодиагностический инструментарий

Свойства интегральной индивидуальности:

- Нервная система изучалась с помощью «Павловского темпераментального опросника» Я. Стреляу (Pavlovian Temperament Survey, PST [Strelau J. et al., 1999]); русская адаптация [Данилова Н.П., Шмелев А.Г., 1988]. Опросник включа-

ет следующие шкалы: сила процессов возбуждения, сила процессов торможения, подвижность нервных процессов.

- Темперамент измерялся с использованием «Опросника темперамента» Я. Стреляу (Formal Characteristics of Behaviour – Temperament Inventory, FCB–TI [Strelau J., Zawadzki B., 1995]); русская адаптация [Стреляу Я. и др., 2009]. Опросник включает следующие шкалы: динамичность (живость), настойчивость, сенсорная чувствительность, эмоциональная реактивность, выносливость, активность.
- Черты личности оценивались с помощью «Вопросника Большой Пятерки» К. Сото и О. Джона (Big Five Inventory, BFI-2 [Soto C.J., John O.P., 2017]); русская адаптация [Shchebetenko S.A. et al., 2020; Калугин А.Ю. и др., 2021]. Опросник включает следующие шкалы: экстраверсия, доброжелательность (склонность к согласию), добросовестность (контроль импульсивности), негативная эмоциональность (нейротизм), открытость опыту.
- Я-концепция измерялась с помощью четырехфакторного опросника Я (4ФЯ) Л.Я. Дорфмана [Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2020]. Опросник включает следующие шкалы: Авторское Я, Воплощенное Я, Превращенное Я, Вторящее Я.

Психометрический интеллект:

- Флюидный интеллект измерялся с помощью Прогрессивных матриц Равена (Raven's Progressive Matrices [Равен Дж.К. и др., 1997]). В исследовании использовалась общая шкала.
- Кристаллизованный интеллект измерялся с помощью «Универсального интеллектуального теста» (УИТ) Н.А. Батурина и Н.А. Курганского [Батурин Н.А., Курганский Н.А., 1995]. Использовались субшкалы: Осведомленность, Пропущенные слова, Понятливость, Аналогии, Умозаключения, Заучивание слов. Результаты по данным субшкалам суммировались и на основе этих данных вычислялась общая шкала.

Креативное мышление:

- Дивергентное (креативное) мышление оценивалось опросником «Альтернативное использование» (Alternate Uses test [Wallach M.A., Kogan N., 1965]); русская адаптация [Аверина И.С., Щебланова Е.И., 1996]. Вычисления проводились по трем шкалам: беглость, гибкость, оригинальность.

Анализ данных

Предварительно данные были стандартизованы и преобразованы в Т-баллы (M = 50, SD = 10). Обработка данных осуществлялась с помощью прикладной программы IBM SPSS Statistics v. 28 и приложения IBM SPSS AMOS v. 28 корпорации IBM. Основным методом анализа данных было структурное моделирование.

В соответствии с задачами исследования проводились три замера и строились три медиаторные модели [Hayes A.F., 2015, 2022; Ryu E., Cheong J., 2017].

Первый замер проводился в ноябре 2019 г. (разноуровневые свойства индивидуальности), второй замер — в октябре 2020 г. (психометрический интеллект и креативное мышление), третий замер — в декабре 2021 г. (разноуровневые свойства индивидуальности).

1) модель M_1, в которой экзогенными переменными служили разноуровневые свойства индивидуальности (первый замер), медиаторами — кристаллизованный и флюидный интеллект (второй замер), эндогенными переменными — разноуровневые свойства индивидуальности (третий замер);

2) модель M_2, в которой экзогенными переменными служили разноуровневые свойства индивидуальности (первый замер), медиаторами — показатели креативного мышления (беглость, гибкость, оригинальность) (второй замер), эндогенными переменными — разноуровневые свойства индивидуальности (третий замер);

3) модель M_3, в которой экзогенными переменными служили разноуровневые свойства индивидуальности (первый замер), медиаторами — психометрический интеллект (кристаллизованный и флюидный) и креативное мышление (беглость, гибкость, оригинальность) совместно (второй замер), эндогенными переменными — разноуровневые свойства индивидуальности (третий замер).

Проверялись некоторые допущения к использованию структурного моделирования: многомерная нормальность и объем выборки. Многомерная нормальность определялась на основе оценки многомерного эксцесса — значения выше 5 свидетельствовали об отсутствии многомерной нормальности [Наследов А.Д., 2013, с. 354–355]. Оптимальный объем выборки определялся по критерию Р. Клайна: 20-тикратное превышение

численности выборки значения критерия T (20T) — идеальная выборка, 10T — приемлемая, менее 5T — недостаточная [Наследов А.Д., 2013, с. 356].

Основным методом оценки является «максимальное правдоподобие» (maximum likelihood, ML); в случае отклонения от предположения о многомерной нормальности использовался метод «асимптотически свободный от распределения» (asymptotically distribution-free, ADF) М. Брауна [Browne M.W., 1984].

Для оценки соответствия структурных моделей эмпирическим данным использовались следующие индексы пригодности: статистика хи-квадрат (χ^2), отношение статистики хи-квадрат к степеням свободы (χ^2/df), сравнительный индекс соответствия (CFI) и корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации (RMSEA). Ипользовались следующие пороги: χ^2/df < 2 — хорошее соответствие модели [Byrne B.M., 1989]; CFI > 0.90 — приемлемое соответствие, CFI > 0.95 — хорошее соответствие; RMSEA < 0.08 — приемлемое соответствие, RMSEA < 0.05 — хорошее соответствие [Brown T., 2015; Gana K., Broc G., 2019]; стастика χ^2 и уровень значимости для него приводится, однако данный критерий не является робастным и зависит от объема выборки [Gatignon H., 2014], поэтому указанные показатели приводятся как дополнительные.

Результаты

Вначале каждая модель включала все разноуровневые свойства индивидуальности (первый замер) в качестве экзогенных переменных; интеллект, креативное мышление или интеллект и креативное мышление совместно в качестве медиаторов (второй замер); а также все разноуровневые свойства индивидуальности (третий замер) в качестве эндогенных переменных. Затем по одному удалялись пути и соответствующие свойства, не вносящие значимый вклад ни в один из видов интеллекта, креативного мышления или интеллекта и креативного мышления совместно. Итоговые модели включали только те свойства индивидуальности, которые имели значимые пути хотя бы к одному из видов интеллекта, креативного мышления или интеллекта и креативного мышления совместно. Аналогично отбирались свойства индивидуальности в третьем замере, в моделях были сохранены только те свойства, которые имели значимые пути от переменных интеллекта и креативного мышления.

Многомерный эксцесс модели M_1 превосходил критическое значение (c.r. = 9.6), поэтому использовался метод оценки ADF. Оценка оптимального количества выборки по критерию Клайна указывала на преодоление порога приемлемого объема выборки (10T = 190).

На рис. 1 представлена модель M_1. Через кристаллизованный интеллект во втором замере возбуждение (нервная система) (β = .26, p < .001) и экстраверсия (личность) (β = -.23, p < .01) в первом замере интегрировались с открытостью опыта (β = .20, p < .001) и Воплощенным Я (личность) (β = .15, p < .05) в третьем замере. Через флюидный интеллект во втором замере Превращенное Я (личность) (β = .17, p < .01) в первом замере интегрировалось с торможением (нервная система) (β = .15, p < .05) в третьем замере. При этом остатки возбуждения и экстраверсии положительно коррелировали с остатками флюидного и кристаллизованного интеллекта (p < .001). Остатки торможения и открытости опыта (p < .01) значимо положительно коррелировали с открытостью опыта и Воплощенным Я (p < .001) в третьем замере. Также значимо положительно коррелировали остатки возбуждения в первом замере с торможениями в третьем замере (p < .001).

Индексы пригодности модели M_1 указывали на отличную (p(χ^2) > .05, χ^2/df < 2, CFI > .95, RMSEA < .05) согласованность с эмпирическими данными. Индексы пригодности модели M_1 приведены в таблице.

Многомерный эксцесс модели M_2 был меньше критического значения (c.r. = 0.77), поэтому использовался метод оценки ML. Оценка оптимального количества выборки по критерию Клайна указывала на преодоление порога отличного объема выборки (20T = 200).

На рис. 2 представлена модель M_2. Через гибкость во втором замере эмоциональная реактивность (темперамент) (β = -.04, p < .05) в первом замере интегрировалась с открытостью опыту (личность) (β = .25, p < .001) в третьем замере. Остатки беглости, оригинальности и гибкости положительно коррелировали (p < .001).

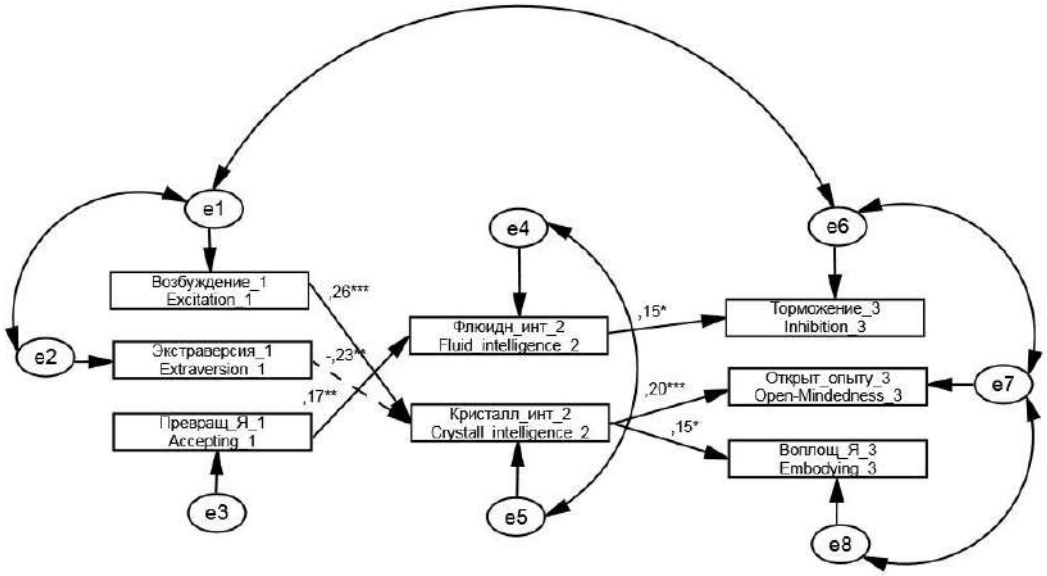


Рис. 1. Лонгитюдная медиаторная модель M_1

Fig. 1. Longitudinal mediator model M_1

Примечание: сплошные линии со стрелками — пути со значимыми положительными коэффициентами; пунктирные линии со стрелками — пути со значимыми отрицательными коэффициентами; сплошные дуги со стрелками — значимые положительные корреляции между остатками; 1 — данные собраны в первом замере, 2 — данные собраны во втором замере, 3 — данные собраны в третьем замере;

* – p < .05; ** – p < .01; *** – p < .001.

Note: solid lines with arrows — paths with significant positive coefficients; dashed lines with arrows — paths with significant negative coefficients; solid arcs with arrows — significant positive correlations between residuals; 1 — data collected in the first measurement, 2 — data collected in the second measurement, 3 — data collected in the third measurement;

* – p < .05; ** – p < .01; *** – p < .001.

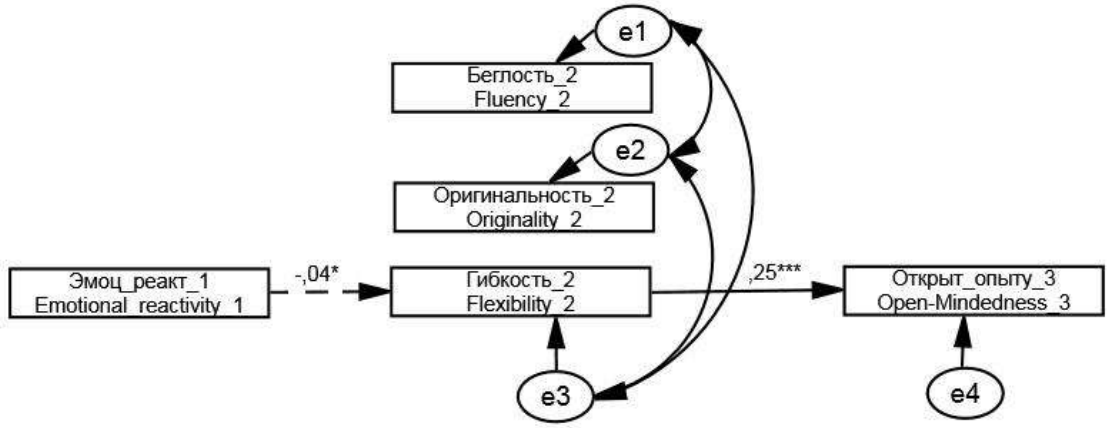


Рис. 2. Лонгитюдная медиаторная модель M_2

Fig. 2. Longitudinal mediator model M_2

Примечание: сплошные линии со стрелками — пути со значимыми положительными коэффициентами; пунктирные линии со стрелками — пути со значимыми отрицательными коэффициентами; сплошные дуги со стрелками — значимые положительные корреляции между остатками; 1 — данные собраны в первом замере, 2 — данные собраны во втором замере, 3 — данные собраны в третьем замере;

* – p < .05.

Note: solid lines with arrows — paths with significant positive coefficients; dashed lines with arrows — paths with significant negative coefficients; solid arcs with arrows — significant positive correlations between residuals; 1 — data collected in the first measurement, 2 — data collected in the second measurement, 3 — data collected in the third measurement;

* – p < .05.

Индексы пригодности модели M_2 указывали на отличную ($p(\chi^2) > .05$, $\chi^2/df < 2$, $CFI > .95$, $RMSEA < .05$) согласованность с эмпирическими данными. Индексы пригодности модели M_2 приведены в таблице.

Многомерный эксцесс модели M_3 был меньше критического значения (c.r. = 2.19), поэтому использовался метод оценки ML. Оценка оптимального количества выборки по критерию Клайна указывала на преодоление порога минимального объема выборки (5T = 145).

На рис. 3 представлена модель M_3. Через кристаллизованный интеллект во втором замере возбуждение (нервная система) ($\beta = .27$, $p < .01$), экстраверсия ($\beta = -.27$, $p < .01$) и открытость опыту ($\beta = .14$, $p < .05$) (личность) в первом замере интегрировались с Воплощенным Я (личность) ($\beta = .14$, $p < .05$) в третьем замере. Через гибкость во втором замере эмоциональная реактивность (темперамент) ($\beta = -.04$, $p < .05$) в первом замере интегрировалась с открытостью опыту (личность) ($\beta = .13$, $p < .05$) в третьем замере.

Остатки возбуждения, экстраверсии и открытости опыту значимо положительно коррелировали ($p < .001$); остатки возбуждения и эмоциональной реактивности, остатки эмоциональной реактивности и экстраверсии значимо отрицательно коррелировали ($p < .001$). Остатки флюидного интеллекта значимо положительно коррелировали с остатками кристаллизованного интеллекта и оригинальности ($p < .001$); остатки беглости, оригинальности и гибкости значимо положительно коррелировали между собой ($p < .001$). Остатки открытости опыту и Воплощенного Я в третьем замере значимо положительно коррелировали ($p < .01$). Значимо положительно коррелировали остатки открытости опыту в первом и третьем замерах ($p < .001$).

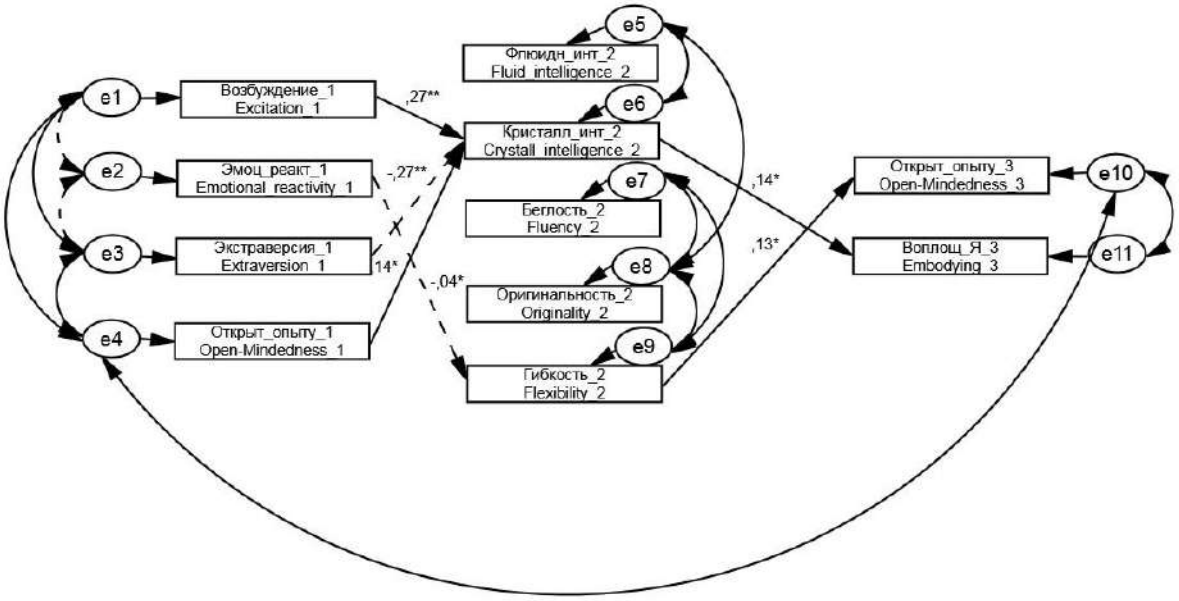


Рис. 3. Лонгитюдная медиаторная модель M_3

Fig. 3. Longitudinal mediator model M_3

Примечание: сплошные линии со стрелками — пути со значимыми положительными коэффициентами; пунктирные линии со стрелками — пути со значимыми отрицательными коэффициентами; сплошные дуги со стрелками — значимые положительные корреляции между остатками; пунктирные дуги со стрелками — значимые отрицательные корреляции между остатками; 1 — данные собраны в первом замере, 2 — данные собраны во втором замере, 3 — данные собраны в третьем замере;

* – p < .05; ** – p < .01; *** – p < .001.

Note: solid lines with arrows — paths with significant positive coefficients; dashed lines with arrows — paths with significant negative coefficients; solid arcs with arrows — significant positive correlations between residuals; dashed arcs with arrows — significant negative correlations between residuals; 1 — data collected in the first measurement, 2 — data collected in the second measurement, 3 — data collected in the third measurement;

* – p < .05; ** – p < .01; *** – p < .001.

Индексы пригодности модели М3 указывали на отличную ($\chi 2/df < 2$, CFI > .95) и приемлемую (RMSEA < .08) согласованность с эмпирическими данными. Уровень значимости $\chi 2$ был меньше .05, однако данный критерий не является робастным и зависит от объема выборки [Gatignon H., 2014]. Индексы пригодности модели М3 приведены в таблице.

Индексы пригодности моделей

Model fit indices

Модель / Model	χ^2	*df*	*p*	χ^2 / *df*	*CFI*	*RMSEA*
M_1.	25.99	17	.075	1.53	.955	.050
M_2.	6.81	5	.235	1.36	.998	.041
M_3.	59.70	37	.010	1.61	.986	.054

Примечание: χ^2 — значение статистики хи-квадрат; df — степени свободы; p — уровень значимости; χ^2/df — относительный хи-квадрат; CFI — сравнительный индекс соответствия; RMSEA — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации.

Note: χ^2 — chi-square statistics, df — degrees of freedom, p — the significance level; χ^2/df — the ratio of chi-square statistics to degrees of freedom; CFI — the comparative fit index; RMSEA — the root mean square error of approximation.

Обсуждение

Эмпирическую поддержку получил вариант 1, согласно которому интеграция теорий устанавливалась по типу «система – подсистема 1 – подсистема 2». Индивидуальность первого замера выступала как система, интеллект и креативность — как подсистема 1, а индивидуальность третьего замера — как подсистема 2 (по типу каузальной цепи).

Судя по тем лонгитюдным медиаторным моделям, которые оказались пригодными (их индексы пригодности приводились в секции «Результаты»), теории В.С. Мерлина, Д.В. Ушакова и Дж. Гилфорда могут функционально интегрироваться на эмпирическом уровне и в определенном диапазоне. Полученные результаты подтвердили гипотезы 1 и 2. Было установлено, что психометрический интеллект служит медиатором между разноуровневыми свойствами индивидуальности в первом и третьем замерах. Эту же функцию медиаторов выполняли креативное мышление, а также психометрический интеллект совместно с креативным мышлением.

Вместе с тем лонгитюдные медиаторные модели носили избирательный характер. Структура и состав модели, в которую вошли медиаторами кристаллизованный и флюидный интеллекты, были следующими. Через кристаллизованный интеллект только возбуждение (нервная система) и экстраверсия (личность) в первом замере интегрировались с открытостью опыту и Воплощенным Я (личность) в третьем замере. Через флюидный интеллект только Превращенное Я (личность) в первом замере интегрировалось с торможением (нервная система) в третьем замере. Структура и состав модели, в которую медиаторами вошли параметры креативного мышления, были следующими. Через гибкость эмоциональная реактивность (темперамент) в первом замере интегрировалась с открытостью опыту (личность) в третьем замере. Структура и состав модели, в которую вошли медиаторами кристаллизованный и флюидный интеллекты с параметрами креативного мышления совместно, были следующими. Через кристаллизованный интеллект возбуждение (нервная система), экстраверсия и открытость опыту (личность) в первом замере интегрировались с Воплощенным Я (личность) в третьем замере. Через гибкость эмоциональная реактивность (темперамент) в первом замере интегрировалась с открытостью опыту (личность) в третьем замере.

Эти результаты свидетельствуют о том, что кристаллизованный интеллект, флюидный интеллект и креативная гибкость связывают свойства интегральной индивидуальности в ранние и поздние периоды измерений. Однако креативные беглость и оригинальность функции медиаторов не выполняют. Скорее всего, они выполняют роль среды, на почве которой действуют лонгитюдные медиаторные модели. То есть, прямо не участвуя в организации взаимодействия между свойствами индивидуальности, они могут косвенно способствовать этому. Значимая тесная взаимосвязь между беглостью, оригинальностью и гибкостью свидетельствует в пользу их совместного функционирования и взаимообусловливания. В то же время в лонгитюдные медиаторные модели вошли возбуждение (нервная система), эмоциональная реактив-

ность (темперамент), экстраверсия, открытость опыту и Превращенное Я (личность) при первом замере, но не вошли другие свойства нервной системы, другие черты личности, другие субмодальности Я. При третьем замере в пригодные медиаторные модели вошли открытость опыту и Воплощенное Я (личность), но не вошли другие свойства нервной системы, другие черты личности, другие субмодальности Я. Скорее всего, последние выполняют роль среды, на почве которой действуют лонгитюдные медиаторные модели.

Обозначенные выше лонгитюдные медиаторные модели служат эмпирическими маркерами индивидуально-интеллектуальных интеграций. Весьма вероятно, что эти эмпирические модели поддерживают также положение о существовании гетерогенных каузальных цепей. Лонгитюдные медиаторные модели в каузальных терминах — это модели каузальных цепей, в которых в ранних измерениях разноуровневые свойства интегральной индивидуальности выступают как базовые причины. Психометрический интеллект и креативное мышление в более поздних измерениях служат следствиями прежних причин и одновременно в роли причин, приводящих к новым следствиям еще в более поздний период времени. В роли этих новых следствий выступают изменения разноуровневых свойств интегральной индивидуальности в самый поздний период времени, который подвергался измерениям.

Следует принять во внимание, что изменения во времени необходимы, но недостаточны для строгих утверждений о каузальности, в том числе о каузальных цепях. Тем не менее, можно предположить, что лонгитюдные медиаторные модели дают важный намек на каузальные следы в индивидуально-интеллектуальных интеграциях. Для оценки каузальности в более корректных значениях необходимы более развернутые и разноплановые исследования.

Заключение

В предыдущей статье [Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2022b] были высказаны некоторые идеи, касающиеся кросс-теоретических и кросс-эмпирических интеграций, а также каузальных цепей. Среди трех возможных вариантов кросс-теоретических интеграций эмпирически был протестирован вариант 1, варианты 2 и 3 эмпирически не проверялись.

Избирательный характер включения переменных в модели поддерживается предположением, высказанном для кросс-эмпирических интеграций, о том, что не вся эмпирическая многоаспектность может быть интегрирована: интегрируются отдельные аспекты изучаемых систем.

Лонгитюдные медиаторные модели могут представлять собой гетерогенные каузальные цепи, т.е. такие цепи, которые включают в себя свойства разных феноменов и отражают причинно-следственные зависимости, однако это утверждение требует дополнительных исследований.

Полученные эмпирические результаты позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Пригодные лонгитюдные медиаторные модели указывают на индивидуально-интеллектуальные интеграции, которые развертываются во времени. Эти модели свидетельствуют о том, что теории В.С. Мерлина, Д.В. Ушакова, Дж. Гилфорда можно обоснованно подвергать интеграции, по меньшей мере, на эмпирическом уровне.

2. Пригодные лонгитюдные медиаторные модели избирательны по отношению к составу и структуре индивидуально-интеллектуальных интеграций.

3. Кристаллизованный интеллект и креативная гибкость служат медиаторами между некоторыми свойствами интегральной индивидуальности в ранние и поздние периоды измерений.

4. Предполагается, что значимые лонгитюдные медиаторные модели содержат каузальный след и служат эмпирическими маркерами гетерогенных каузальных цепей применительно к индивидуально-интеллектуальным интеграциям.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07046.

Acknowledgements

The research was funded by the RFBR, project no. 19-29-07046.

Список литературы

Аверина И.С., Щебланова Е.И. Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование». М.: Соборъ, 1996. 60 с.

Батурин Н.А., Курганский Н.А. Краткое руководство по Универсальному интеллектуальному тесту (УИТ СПЧ): Челябинск – Санкт-Петербург. СПб., 1995. 19 с.

Данилова Н.П., Шмелев А.Г. Тест-опросник Стреляу // Практикум по психодиагностике. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 4−10.

Дорфман Л.Я. Каузальный плюрализм и психология // Мир психологии. 2014. № 3(79). С. 220–236.

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Индивидуально-интеллектуальная модель академических достижений студентов (на материале гуманитарных специальностей) // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 4. С. 68–76. DOI: https://doi.org/10.17759/pse.2022270407

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Каузальный след в индивидуально-интеллектуальных интеграциях. Сообщение 1. Интеграции и каузальность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 452–464. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-3-452-464

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Четырехфакторный опросник Я: его концептуальный и психометрический анализ // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 53–74. DOI: https://doi.org/10.17223/17267080/75/4

Калугин А.Ю., Щебетенко С.А., Мишкевич А.М., Сото К.Дж., Джон О.П. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory – 2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 1. С. 7–33. DOI: https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.

Равен Дж.К., Курт Дж.Х., Равен Дж. Руководство к прогрессивным матрицам Равена и словарным шкалам. Разд. 1. Общая часть руководства. М.: Когито-Центр, 1997. 82 с.

Стреляу Я., Митина О., Завадский Б., Бабаева Ю., Менчук Т. Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения). М.: Смысл, 2009. 104 с.

Ушаков Д.В. Психология интеллекта и одаренности. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. 464 с.

Brown T. Confirmatory factor analysis for applied research. N.Y.: The Guilford Press, 2015. 462 p.

Browne M.W. Asymptotically distribution-free methods for the analysis of covariance structures // British Journal of Mathematical and Statistical Psychology. 1984. Vol. 37, iss. 1. P. 62–83. DOI: https://doi.org/10.1111/j.2044-8317.1984.tb00789.x

Byrne B.M. A primer of LISREL. N.Y.: Springer, 1989. 196 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4613-8885-2

Gana K., Broc G. Structural equation modeling with lavaan. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2019. 304 p. DOI: https://doi.org/10.1002/9781119579038

Gatignon H. Statistical analysis of management data. 3rd ed. N.Y.: Springer, 2014. 578 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-8594-0

Guilford J.P. The nature of human intelligence. N.Y.: McGraw-Hill, 1967. 538 p.

Hayes A.F. An Index and Test of Linear Moderated Mediation // Multivariate Behavioral Research. 2015. Vol. 50, iss. 1. P. 1–22. DOI: https://doi.org/10.1080/00273171.2014.962683

Hayes A.F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach (Methodology in the Social Sciences). 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2022. 732 p.

Ryu E., Cheong J. Comparing Indirect Effects in Different Groups in Single-Group and Multi-Group Structural Equation Models // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00747/full (accessed: 18.05.2022). DOI: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00747

Shchebetenko S.A., Kalugin A.Yu., Mishkevich A.M., Soto C.J., John O.P. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version // Assessment. 2019. Vol. 27, iss. 3. P. 472–486. DOI: https://doi.org/10.1177/1073191119860901

Soto C.J., John O.P. The next Big Five Inventory (BFI-2): Developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power // Journal of Personality and Social Psychology. 2017. Vol. 113, iss. 1. P. 117−143. DOI: https://doi.org/10.1037/pspp0000096

Strelau J., Angleitner A., Newberry B.H. The Pavlovian temperament survey (PTS): An international handbook. Göttingen, DE: Hogrefe & Huber, 1999. 108 p.

Strelau J., Zawadzki B. The formal characteristics of behavior – Temperament inventory (FCB–TI): Validity studies // European Journal of Personality. 1995. Vol. 9, iss. 3. P. 207−229. DOI: https://doi.org/10.1002/per.2410090304

Wallach M.A., Kogan N. Modes of thinking in young children: A study of the creativity-intelligence distinction. N.Y.: Holt, Rinehart, and Winston, 1965. 357 p.

Получена: 07.06.2022. Доработана после рецензирования: 06.09.2022. Принята к публикации: 10.09.2022

References

Averina, I.S. and Scheblanova, E.I. (1996). *Verbal'nyy test tvorcheskogo myshleniya «Neobychnoe ispol'zovanie»* [Verbal test of creative thinking «Unusual use»]. Moscow: Sobor Publ., 60 p.

Baturin, N.A. and Kurganskiy, N.A. (1995). *Kratkoe rukovodstvo po Universal'nomu intellektual'nomu testu (UIT SPCh): Chelyabinsk – Sankt-Peterburg* [A quick guide to the Universal intelligent test: Chelyabinsk – Saint Petersburg]. St. Petersburg, 19 p.

Brown, T. (2015). *Confirmatory factor analysis for applied research*. New York: The Guilford Press, 462 p.

Browne, M.W. (1984). Asymptotically distribution-free methods for the analysis of covariance structures. *British Journal of Mathematical and Statistical Psychology*. Vol. 37, iss. 1, pp. 62–83. DOI: https://doi.org/10.1111/j.2044-8317.1984.tb00789.x

Byrne, B.M. (1989). *A primer of LISREL*. New York: Springer Publ., 196 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4613-8885-2

Danilova, N.P. and Shmelev, A.G. (1988). *Test-oprosnik Strelyau* [Strelau's survey]. *Praktikum po psikhodiagnostike* [Psychodiagnostic workshop]. Moscow: MSU Publ., pp. 4–10.

Dorfman, L.Ya. (2014). [Causal pluralism and psychology]. *Mir psikhologii* [World of Psychology]. No. 3(79), pp. 220–236.

Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2020). [The four-factor self questionnaire: its theoretical and psychometric properties]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 75, pp. 53–74. DOI: https://doi.org/10.17223/17267080/75/4

Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2022). [A causal footprint in individual-intellectual. Part 1. Integrations and causality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 452–464. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-3-452-464

Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2022). [An Individual-intellectual model of students' academic achievement (Based on humanitarian specializations)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 27, no. 4, pp. 68–76. DOI: https://doi.org/10.17759/pse.2022270407

Gana, K. and Broc, G. (2019). *Structural equation modeling with lavaan*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Publ., 304 p. DOI: https://doi.org/10.1002/9781119579038

Gatignon, H. (2014). *Statistical analysis of management data. 3rd ed*. New York: Springer Publ., 578 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-8594-0

Guilford, J.P. (1967). *The nature of human intelligence*. New York: McGraw-Hill Publ., 538 p.

Hayes, A.F. (2015). An index and test of linear moderated mediation. *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 50, iss. 1, pp. 1–22. DOI: https://doi.org/10.1080/00273171.2014.962683

Hayes, A.F. (2022*). Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach (Methodology in the social sciences). 3rd ed*. New York: The Guilford Press, 732 p.

Kalugin, A.Yu., Schebetenko, S.A., Mishkevich, A.M., Soto, C.J. and John, O.P. (2021). [Psychometric properties of the Russian version of the Big Five Inventory – 2]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 18, № 1, pp. 7–33. DOI: https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33

Merlin, V.S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essay on the integral study of individuality]. Moscow: Pedagogika Publ., 256 p.

Nasledov, A.D. (2013). *IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyy statisticheskiy analiz dannykh* [IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: Professional statistical data analysis]. St. Petersburg: Piter Publ., 416 p.

Raven, J.C., Court, J.H. and Raven, J. (1997). *Rukovodstvo k progressivnym matritsam Ravena i slovarnym shkalam. Razdel 1. Obschaya chast' rukovodstva* [Manual for Raven's progressive matrices and vocabulary scales. Section 1. General overview]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 82 p.

Ryu, E. and Cheong, J. (2017). Comparing indirect effects in different groups in single-group and multi-group structural equation models. *Frontiers in Psychology*. Vol. 8. Available at: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00747/full (accessed 18.05.2022). DOI: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00747

Schebetenko, S.A., Kalugin, A.Yu., Mishkevich, A.M., Soto, C.J. and John, O.P. (2020). Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version. *Assessment*. Vol. 27, iss. 3, pp. 472−486. DOI: https://doi.org/10.1177/1073191119860901

Soto, C.J. and John, O.P. (2017). The next Big Five Inventory (BFI-2): Developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 113, iss. 1, pp. 117−143. DOI: https://doi.org/10.1037/pspp0000096

Strelau, J., Angleitner, A. and Newberry, B.H. (1999). *The Pavlovian temperament survey (PTS): an international handbook*. Göttingen, DE: Hogrefe & Huber Publ., 108 p.

Strelau, J. and Zawadzki, B. (1995). The formal characteristics of behavior – Temperament inventory (FCB–TI): Validity studies. *European Journal of Personality*. Vol. 9, iss. 3, pp. 207−229. DOI: https://doi.org/10.1002/per.2410090304

Strelau, J., Mitina, O., Zavadskiy, B., Babaeva, Yu. and Menchuk, T. (2009). *Metodika diagnostiki temperamenta (formal'no-dinamicheskikh kharakteristik povedeniya)* [Method for diagnosing temperament (formal and dynamic characteristics of behavior)]. Moscow: Smysl Publ., 104 p.

Ushakov, D.V. (2011). *Psikhologiya intellekta i odarennosti* [Psychology of intelligence and giftedness]. Moscow: IP RAS Publ., 464 p.

Wallach, M.A. and Kogan, N. (1965). *Modes of thinking in young children: A study of the creativity-intelligence distinction*. New York: Holt, Rinehart, and Winston Publ., 357 p.

Received: 07.06.2022. Revised: 06.09.2022. Accepted: 10.09.2022

Об авторах

Дорфман Леонид Яковлевич
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин

Пермский государственный институт культуры,
614000, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18;
e-mail: dorfman07@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8494-5674
ResearcherID: AAD-5451-2020

Калугин Алексей Юрьевич
кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3633-2926
ResearcherID: X-7824-2018

About the authors

Leonid Ya. Dorfman
Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Humanities

Perm State Institute of Culture,
18, Gazety «Zvezda» st., Perm, 614000, Russia;
e-mail: dorfman07@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8494-5674
ResearcherID: AAD-5451-2020

Alexey Yu. Kalugin
Candidate of Psychology, Docent,
Head of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3633-2926
ResearcherID: X-7824-2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Каузальный след в индивидуально-интеллектуальных интеграциях. Сообщение 2. Каузальные цепи и лонгитюдные медиаторные модели // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 597–608. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-597-608

For citation:
Dorfman L.Ya., Kalugin A.Yu. [A causal footprint in individual-intellectual integrations. Part 2. Causal chains and longitudinal mediator models]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 597–608 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-597-608

УДК 159.922.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-609-620

ДЕФИЦИТЫ РОДИТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ВОПРОСАХ ВОСПИТАНИЯ И ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КАК ТОЧКИ РОСТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

Вихман Александр Александрович, Калугин Алексей Юрьевич,
Ротманова Наталья Валерьевна, Скорынин Андрей Александрович
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Статья посвящена исследованию потребностей в консультативной помощи у родителей младших школьников по широкому спектру психологических, педагогических и правовых вопросов. Анализ дефицитов родительской компетентности способствует выявлению и уточнению точек роста психологического благополучия родителей и их детей. Потребности в консультации выявлялись с помощью анкетирования родителей младших школьников в возрасте от 6 до 11 лет (n = 11436). Анализ наиболее востребованных родительских запросов охватывает темы развития способностей, самостоятельности и обучаемости ребенка, вопросы цифровой социализации и проблемы стресса и тревожности. Наблюдается тенденция к снижению общего количества запросов родителей младших школьников на консультацию на протяжении всего младшего школьного периода обучения. Данный факт может быть связан, с одной стороны, с повышенным риском психологического неблагополучия детей и родителей в кризисный период адаптации к школе, с другой стороны, с увеличением уверенности и осведомленности родителя младшего школьника и, соответственно, снижением их родительской тревожности. В отличие от родителей первоклассников, родители восьмилетнего школьника меньше интересуются темами логопедической помощи ребенку, формированием навыков чтения и письма, неправильного произношения звуков. Вместе с тем им более интересны вопросы учебной неуспешности и самостоятельности ученика. У родителей девятилетних младших школьников наблюдается тенденция снижения интереса к логопедической консультации и вопросов самостоятельности в обучении, однако увеличивается востребованность в консультировании на темы цифровой социализации ребенка (например, зависимость от компьютерных игр). Тенденция ростаинтереса родителей к теме цифровой социализации ребенка значительно увеличивается к десяти годам ребенка. Родительские запросы анализировались с помощью иерархической кластеризации (бинарные дистанции, метод Варда), которая позволила объединить темы в два больших кластера. Первый кластер обозначен как «Учеба, способности и стресс» и включает в себя 18 родительских запросов на консультативную помощь. Данный кластер делится на две подгруппы: «трудности в учебе» и «развитие способностей, совладание со стрессом и тревожностью». Вторая подгруппа делится на две самостоятельные группы: «развитие способностей и цифровой компетентности» и «стресс и тревожность». Второй кластер «Организация обучения, нежелательное поведение и сложности коммуникации» имеет сложную структуру и содержит 8 отдельных подгрупп, которые объединяются в 3 субкластера: «организация учебы, отдыха, чтения, цифрового и домашнего обучения», «нежелательное поведение и юридические вопросы» и «трудности с использованием, произношением и пониманием речи». Два выявленных кластера отражают две стороны социализации младшего школьника: внутреннюю динамику социализации и внешние условия ее успешности.

Ключевые слова: психологическое консультирование родителей, родительская компетентность, младший школьный возраст, психологическое благополучие, анкетирование.

© Вихман А.А., Калугин А.Ю., Ротманова Н.В., Скорынин А.А., 2022

DEFICIENCIES OF PARENTAL COMPETENCE IN ISSUES OF PARENTING AND DIGITAL SOCIALIZATION AS GROWTH POINTS IN THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF CHILDREN AND THEIR PARENTS

Aleksander A. Vikhman, Alexey Yu. Kalugin, Natalia V. Rotmanova, Andrey A. Skorynin

Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

The article is devoted to the study of the needs for counseling from parents of primary school students on a wide range of psychological, pedagogical, and legal issues. The analysis of parental competence deficiencies helps to identify and clarify growth points in the psychological well-being of parents and their children. Counseling needs were identified through a survey of parents of primary school students aged 6 to 11 years (n = 11436). The analysis of the most popular parental requests covers the topics of the development of abilities, independence, and learning ability of the child, issues of digital socialization, and problems of stress and anxiety. There is a tendency to decrease the total number of requests from parents of primary school students for consultation throughout the primary school period. This fact may be associated, on the one hand, with an increased risk of psychological distress for children and parents during the crisis period of adaptation to school and, on the other hand, with an increase in the confidence and awareness of the parents of primary school students and, accordingly, a decrease in their parental anxiety. In contrast to the parents of first-graders, the parents of eight-year-old primary school students are less interested in the topics of speech therapy assistance to the child, the formation of reading and writing skills, and incorrect pronunciation of sounds. At the same time, they are more interested in the issues of academic failure and independence of the pupil. Parents of nine-year-old primary school students tend to decrease requests for speech therapy counseling and learning independence issues, but there is an increase in the demand for counseling on digital socialization of the child (e.g., addiction to computer games). The trend of increasing parents' interest in the topic of digital socialization of a child increases significantly by the age of ten. Parent requests were analyzed using hierarchical clustering (binary distances, Ward's method), which allowed combining requests into two large clusters. The first cluster of parent requests, the most demanded, is designated as «Learning, Ability, and Stress» and includes 18 parent requests for counseling assistance. This cluster is divided into two subgroups: «Learning Difficulties» and «Development of Abilities, Coping with Stress and Anxiety». The second subgroup is divided into two independent groups: «Development of Abilities and Digital Competence» and «Stress and Anxiety». The second cluster, «Organization of Learning, Undesirable Behavior, and Communication Difficulties», has a complex structure and contains 8 separate subgroups, which are combined into 3 subclusters: «Organization of Study, Recreation, Reading, Digital and Home Learning», «Undesirable Behavior, and Legal Requests», and «Difficulties with Using, Pronouncing, and Understanding Speech». The two identified clusters reflect two sides of the primary school students' socialization: the internal dynamics of socialization and the external conditions for its success.

Keywords: psychological counseling of parents, parental competence, primary school age, psychological well-being, questionnaire survey.

Одним из наиболее актуальных вопросов современного образования является вопрос сохранения и поддержания психологического здоровья и благополучия участников образовательного процесса, в первую очередь обучающихся и их родителей. В условиях развития информационной среды эта проблема приобретает еще большую значимость. Современные информационные технологии в значительной степени дополняют и расширяют жизнь ребенка, влияя при этом на всю структуру его поведения и деятельности и выступая одним из важнейших агентов социализации [Солдатова Г.У., 2018]. При этом следует отметить, что родители, чаще всего в силу значительной занятости, не всегда имеют возможность оперативно получить квалифицированную консультативную помощь по вопросам обеспечения психологического благополучия детей и содействию их конструктивной цифровой социализации.

Федеральный проект «Современная школа» национального проекта «Образование» ориентирован на решение проблемы недоступности психологических услуг для родителей детей разного возраста. Наряду с созданием условий повышения компетентности родителей в вопросах развития, воспитания, обучения и социализации детей, сле-

дует отметить, что актуальный родительский интерес и дефициты родительской компетентности в том или ином возрасте в научной литературе недостаточно проанализированы. Статистика и анализ запросов родителей на психологическую, правовую и педагогическую консультацию является важным элементом построения службы оказания услуг психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям. Анализ запросов на психологическую консультацию формирует актуальную эмпирическую картину дефицитов и рисков психологического благополучия родителей, и, следовательно, их детей. Эмпирическая модель родительских дефицитов, выстроенная на основе актуальных родительских запросов за помощью психолога, может являться основанием для консультирования, терапии и иных практик коррекции и поддержки личности.

Младший школьный возраст (от 7 до 11 лет) — важный период становления школьника, один из ключевых этапов когнитивного развития, социализации, формирования Я-концепции ребенка. В младшем школьном возрасте ведущей деятельностью является учебная деятельность, через которую происходит развитие интеллектуально-познавательной сферы психического развития. Важнейшими новообразованиями младшего школьного возраста являются произвольность психических процессов, рефлексия и внутренний план действий [Божович Л.И., 2008].

Младший школьный возраст — сензитивный период для развития произвольной регуляции поведения, произвольного внимания и наблюдательности [Эльконин Д.Б., 1989]. Внимание является центральной линией развития, меняющееся от непроизвольного в начале возрастного периода к произвольному. Кроме того, в данном возрасте по двум направлениям происходит интенсивное развитие памяти: совершенствуется управляемость запоминания и увеличивается роль словесно-логического или смыслового запоминания. Таким образом, от первого класса к третьему наглядно-образная память замещается словесно-логической. По Ж. Пиаже, именно в младшем школьном возрасте происходит переход от дооперационального мышления к мышлению на уровне конкретных операций [Пиаже Ж., 1969].

Важная составляющая учебной деятельности на данном этапе развития ребенка — развитие навыков, связанных с чтением и письмом, совершенствование навыков устной речи, расширение словарного запаса и овладение более сложными грамматическими структурами и более тонким словоупотреблением.

В младшем школьном возрасте ребенок приобретает новые социальные связи, начинает чувствовать границы своего психологического пространства и пытается их сохранять. По мере взросления у ребенка формируется все более точное и полное представление о своих физических, интеллектуальных и личностных качествах и качествах других людей, начинают осознаваться отличительные особенности и черты индивидуальности [Практическая психология образования, 2004]. На этом фоне происходит усложнение и уточнение собственного «Я-образа», формирование реалистичной самооценки [Маслова Н.А., 2008]. Кроме того, в данный возрастной период формируется важное понимание правил поведения и меры правильности, ребенок начинает овладевать нормами и правилами школьной жизни. Мера правильности и требование соблюдать ее являются основой развития морального сознания ребенка.

Следует отметить, что успешность учебной деятельности, адаптация и социализация младшего школьника неразрывно связаны с его психологическим благополучием. В многочисленных определениях термина «психологическое благополучие» подчеркивается две его составляющих: когнитивная, включающая в себя суждения, связанные с общей удовлетворенностью жизнью, и эмоциональная — как переживание удовлетворенности собой, преобладание позитивных эмоций [Singh S., Lal R., 2012]. Кроме того, на психологическое благополучие ребенка влияют различные факторы: состояние здоровья, способность к адаптации, умение справляться со стрессом, позитивная Я-концепция, отношения с родителями [Куфтяк Е.В., 2020].

Несмотря на то, что референтной фигурой для ученика в начальной школе является учитель, роль родителя в жизни ребенка трудно переоценить. В младшем школьном возрасте участие родителей, их поддержка и использование стратегий позитивного руководства в значительной степени определяют психологическое здоровье и благополучие детей [Newland L.A. et al., 2013]. Особую значимость представляет родительская компетентность в вопросах психологии ребенка, его развитии, обучении и воспитании [Овчарова Р.В., 2006]. Родительская компетентность определяется следующими особенностями: наличием устойчивой системы (Я-реальное, Я-идеальное) представлений о себе как о родителе; наличием зрелой структуры личности; определенным ценностным отношением к

ребенку, семье; склонностью к гармоничному стилю воспитания и адекватной воспитательной позиции; высокоразвитым чувством личной ответственности; системой специфических (психолого-педагогических и морально-правовых) знаний по особенностям развития и воспитания ребенка как результата специального (родительского) или самостоятельного образования; эффективной и конструктивной деятельностью на основе психологической грамотности (целесообразно использование знаний, умений и навыков для решения педагогических задач); высокоразвитыми коммуникативными и социально-перцептивными умениями [Шнейдер Л.Б., Зыкова Н.М., 2018]. Важной частью родительской компетентности является грамотность в вопросах образования, развития, воспитания своего ребенка [Быкова Е.А. и др., 2020].

Способность родителей выполнять свои родительские функции зависит от обладания знаниями и навыками, необходимыми для успешного воспитания детей. Дефицит знаний и недостаток в опыте решения актуальных проблем развития, обучения и воспитания младшего школьника формирует наиболее актуальные запросы на психологическую консультацию. Наиболее востребованные темы психологических, методических, юридических, педагогических консультаций демонстрируют актуальные точки роста родительской компетентности. Школьные психологи должны быть уведомлены об основных дефицитах и точках роста родительской компетентности, актуальных сложностях родителей.

Одной из таких актуальных сложностей является родительская компетентность в вопросах цифровой социализации младшего школьника. По мнению Г.У. Солдатовой, цифровая социализация или «киберсоциализация» является существенной частью целостного процесса социализации детей [Солдатова Г.У., 2018]. Современный школьник живет и учится в двух мирах — реальном и виртуальном. Причем мир виртуальный для детей зачастую становится более значимым и влиятельным, чем мир реального общения и взаимодействия с людьми. Интернет выступает не как технология или инструмент для достижения определенных целей, а как полноценная «среда обитания». Процесс цифровой социализации может быть как позитивным для ребенка, т.е. способствующим его личностному развитию и психологическому благополучию, так и негативным (деструктивным), препятствующим развитию и разрушающим психологическое благополучие. В ситуации проблемного использования Интернета могут снижаться память, внимание, навыки к чтению и письму [Carr N., 2011]. Кроме того, следствием негативной цифровой социализации могут быть разнообразные проявления девиантного поведения, невротические расстройства, усиление агрессивных и аутоагрессивных тенденций и т.д. Таким образом, проблемы цифровой социализации детей нельзя рассматривать в отрыве от вопросов сохранения и поддержания их психологического благополучия. Следовательно, родителям важно знать основные принципы медиации поведения ребенка в Интернете, и понимать, как максимизировать пользу от цифровой социализации своего ребенка.

Затрагивая тему психологического благополучия детей младшего школьного возраста, важно отметить, что в создании гармоничной семейной атмосферы и условий для всестороннего развития ребенка немаловажную роль играет не только обладание соответствующими психолого-педагогическими знаниями и навыками, но и само психологическое благополучие родителей. Можно сказать, что психологически благополучные родители — это психологически здоровые дети. Вместе с тем благополучие родителей нуждается в поддержке в не меньшей степени, чем детей, однако при этом, в силу рабочей занятости и других причин, родители не всегда имеют возможность обратиться за квалифицированной психолого-педагогической помощью. Значение проекта «Родительский университет», реализуемого на базе Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ) в рамках федерального проекта «Современная школа», заключается в том, чтобы расширить возможности оказания консультативной помощи родителям, тем самым способствуя повышению родительской компетентности и внося вклад в психологическое благополучие детей и родителей.

В литературе по школьной психологии основной акцент делается на методиках консультирования взрослых, авторы преимущественно отталкиваются от возрастных задач развития ребенка или от обобщения случаев из собственной консультативной практики [Савина Е.А. и др., 2017; Новикова Г.В., 2018]. В обширном исследовании Л.А. Гаязовой и О.В. Вихристюк выявлена тенденция к увеличению интереса населения на дистанционную психологическую помощь в период пандемии и самоизоляции [Гаязова Л.А., Вихристюк О.В., 2020]. Вместе с тем в данный момент в отечественной научной литературе мало уделяется аналитике дефицитов родительской компетентности и родительских запросов на психологическую

консультацию. Редко такая аналитика формируется на больших выборках родителей с учетом возрастного этапа развития ребенка. Задачей нашего исследования стало исследование потребностей в консультативной помощи психолога (педагога, юриста) у родителей младших школьников. Нас интересовали следующие вопросы:

1. Какие из запросов являются наиболее востребованными среди родителей (по проценту обозначенной актуальности консультативной темы) и какова динамика востребованности, учитывая возраст ребенка?

2. В какие тематические блоки (кластеры) объединяются родительские запросы на консультативную помощь среди родителей младших школьников?

3. Какое место занимают запросы на тему цифровой социализации в общей картине точек неблагополучия родителей младших школьников?

Метод

Выборка

Анкетирование родителей проходило онлайн через сайт roditel.pspu.ru и систему дистанционного тестирования onlinetestpad.com в период с октября по декабрь 2021 г. Значительная часть анкетного опроса состоялась в рамках «Всероссийской недели родительской компетентности», проходившей с 15 по 19 ноября 2021 г. Выборку исследования составили родители детей младшего школьного возраста (общее количество 11436) из разных регионов Российской Федерации: Пермский край, Удмуртская республика, Пензенская область, Нижегородская область, Тамбовская область и др. (табл. 1, рис. 1). Более 80 % респондентов местом жительства обозначали Пермский край. Пол и возраст родителя не учитывались.

Таблица 1. Дескриптивная статистика возраста младших школьников и общего количества родительских запросов

Table 1. Descriptive statistics of the age of primary schoolchildren and the total number of parent requests

	Возраст младшего школьника	*Общее количество запросов на одного родителя*
Среднее	8,4	10,4
Медиана	8	8
Мода	8	6
Минимум	6	1
Максимум	11	46
Стандартное отклонение	1,89	7,9

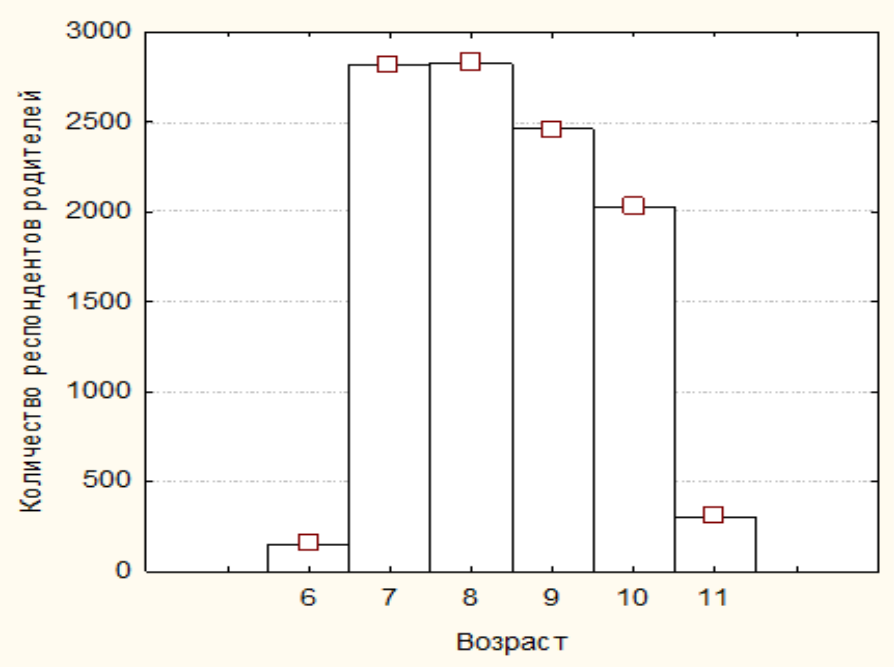


Рис. 1. Распределение выборки родителей по критерию возраста их детей

Fig. 1. Distribution of the sample of parents according to the age of their children

Психодиагностический инструментарий

С опорой на Профессиональный стандарт педагога-психолога и литературу по возрастной психологии и психологии младшего школьника [Практическая психология образования, 2004] была разработана анкета родительских запросов на психологическою консультацию по вопросам развития, воспитания, обучения и социализации детей. Анкета создавалась коллективом авторов из педагогических университетов России, ведущую роль в котором взяли на себя представители Томского государственного университета (ТГУ), Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ) и Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ). Анкета прошла экспертную оценку специалистами МГППУ.

Анкета для родителей состояла из 50 вопросов на различные проблемные зоны родительской компетентности: учебная деятельность, трудности в обучении, стресс, эмоциональное состояние, проблемы в поведении, адаптации, вопросы цифровой социализации, организации отдыха, чтения, письма и другие темы, также собирались данные о возрасте ребенка и месте его проживания (необязательные вопросы). В анкете использовалась дихотомическая шкала.

Методы математической статистики

Применялись методы дескриптивной статистики. С целью объединения вопросов «Анкеты родительских запросов» в тематические блоки был использован иерархический кластерный анализ. В связи с тем, что пункты анкеты имели дихотомическую шкалу ответов, были использованы бинарные («binary») дистанции, методом связи был метод Варда. Хотя обычно метод Варда используется для количественных данных (в качестве метрики — квадраты эвклидовых дистанций), он может быть использован и для бинарных данных [Tamasauskas D. et al., 2012]. Анализ данных проводился в среде языка программирования R.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе подсчитывался вес запроса среди всех запросов анкеты и процент востребованности каждого из пунктов анкеты (как часто родители указывали данный запрос как значимый для них) (табл. 2). Количественный анализ наиболее востребованных запросов включает темы развития способностей и обучаемости ребенка, вопросы цифровой социализации и проблемы стресса и тревожности.

Таблица 2. Десять самых востребованных консультативных услуг у родителей младших школьников

Table 2. Ten the most requested counselling services for parents of primary school pupils

Наиболее востребованные запросы родителей	*Процент востребованности запросов анкеты*	*Вес запроса среди всех пунктов*
Где ребенок может получить бесплатное дополнительное образование: кружки, клубы, секции?	47,32	4,75
Как научить ребенка выполнять домашние задания самостоятельно?	43,43	4,36
Как понять, какие у ребенка способности и помочь развить их?	42,26	4,25
Что делать, если ребенок много времени проводит с гаджетом или в социальных сетях?	39,05	3,92
Как снизить стрессовую нагрузку в период обучения?	36,08	3,63
Как помочь ребенку преодолеть трудности в обучении?	35,03	3,52
Сколько времени можно ребенку находиться у компьютера без вреда для здоровья?	34,58	3,47
Рекомендации по выбору цифрового контента (игр, мультфильмов, видео)	33,66	3,38
Как вести себя с ребенком в ситуациях возрастных кризисов?	33,61	3,38
Как снизить тревожность ребенка?	31,09	3,12

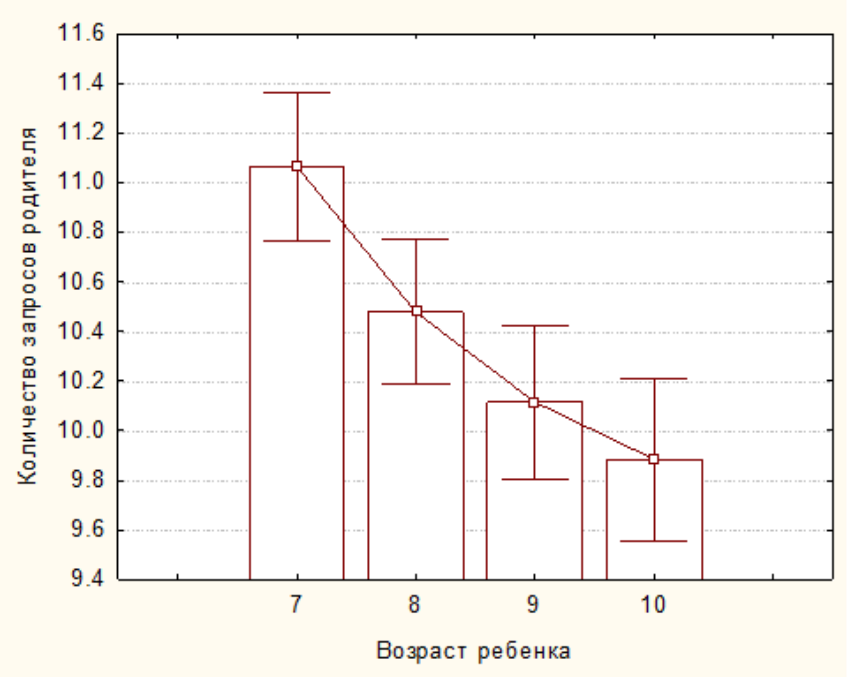


Рис. 2. Распределение выборки родителей по количеству запросов в зависимости от возраста детей

Fig. 2. Distribution of the sample of parents by the number of requests depending on the age of the children

Как показано на рис. 2[1], наблюдается стабильная динамика снижения количества запросов родителей младших школьников от 1-го к 3-му классу. Этому может быть несколько объяснений. С одной стороны, возможно, это связано с тем, что анкета содержит в себе вопросы, которые более актуальны для первоклассников (анкета содержит в себе разнообразные вопросы адаптации к школе и овладения письмом и чтением). С другой стороны, большая часть вопросов актуальна для всех возрастных групп младших школьников и снижение у родителей востребованности консультационных услуг может быть связана с увеличением уверенности и осведомленности родителя и, соответственно, снижением их родительской тревожности.

Особенно тенденция снижения интереса родителей на получение консультации по увеличению своей родительской компетентности наблюдается на стыке 1-го и 2-го классов. В отличие от родителей первоклассников, родители 8-милетнего младшего школьника меньше интересуются темами логопедической помощи ребенку, формированием навыков чтения и письма, неправильного произношения звуков. Вместе с тем им более интересны вопросы учебной неуспешности и самостоятельности ученика. У родителей 9-тилетних младших школьников наблюдается тенденция снижения запросов на логопедическую консультацию и вопросов самостоятельности в обучении, однако увеличивается востребованность в консультировании на темы цифровой социализации ребенка (например, зависимость от компьютерных игр). Тенденция увеличения интереса родителей к теме цифровой социализации ребенка значительно увеличивается к 10-ти годам ребенка. Актуальными становятся вопросы «что делать, если ребенок много времени проводит с гаджетом или в социальных сетях?», «что делать, если ребенок много времени проводит за компьютерными играми?» и «сколько времени можно ребенку находиться у компьютера без вреда для здоровья?».

Далее был проведен иерархический кластерный анализ. В результате кластеризации данных были выявлены 10 кластеров родительских дефицитов, составившие две большие группы кластеров (см. рис. 3).

[1] Для анализа динамики родительских запросов к психологу были взяты наиболее репрезентативные группы родителей детей (7, 8, 9, 10-ти лет), примерно равные по объему, поэтому возрасты 6 и 11 лет были опущены.

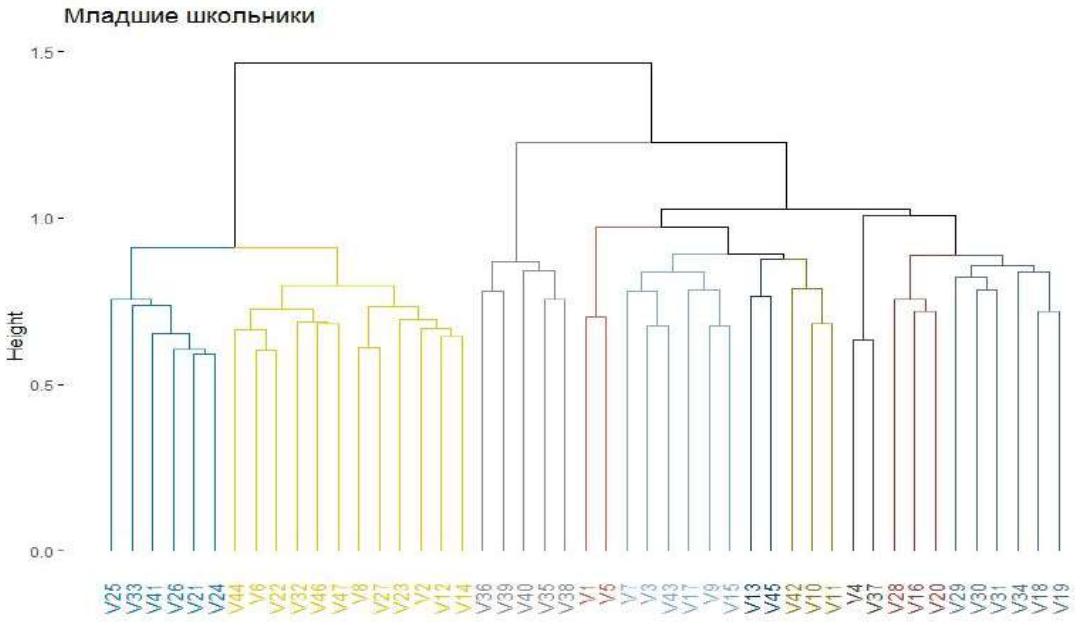


Рис. 3. Иерархическая кластеризация родительских запросов (n = 11436)

Fig. 3. Hierarchical clustering of parent requests (n = 11436)

Анализ кластерной структуры родительских запросов в начальной школе проводился по двум важным параметрам: актуальность запроса консультативной помощи (процент обозначенной потребности) и «расстояние» между запросами.

Первый кластер точек неблагополучия родителей, наиболее востребованный у родителей, можно обозначить как «Учеба, способности и стресс», он включает в себя 18 родительских запросов на консультативную помощь. Данный кластер делится на две подгруппы: «трудности в учебе», «развитие способностей, совладание со стрессом и тревожностью». Вторую подгруппу можно было бы разделить еще на две самостоятельные группы: «развитие способностей и цифровой компетентности» и «стресс и тревожность».

Наиболее распространенные запросы к психологу у родителей учащихся начальных классов наблюдаются в субкластере «Развитие способностей и цифровой компетентности». Почти половина родителей заинтересованы в получении знаний о том, где их дети могут получить дополнительное образование, как найти для ребенка развивающие кружки, клубы, секции, как распознать и сформировать способности детей, какую стратегию выбрать в ситуации детской гаджет-зависимости и безопасной для здоровья цифровой социализации. Психологу и администрации школы важно быть готовым к содействию родителю в построении индивидуальной образовательной траектории ученика, организации обучения ребенка с использованием компьютера и разнообразного цифрового контента (игр, мультфильмов, видео). Данные дефициты согласуются с одной из стратегических задач развития психологических служб: психологическое сопровождение одаренных детей на основе создания системы психологической поддержки для реализации потенциала одаренных детей, обогащения их познавательных интересов и мотивов, формирования универсальных способов познания мира [Концепция развития психологической службы…, 2019]. Вместе с тем, по данным мониторинга профессиональных дефицитов школьных психологов меньше всего времени специалистам социально-психологи-

ческой службы приходится тратить на работу с детьми с повышенной мотивацией к обучению. Анализ открытых вопросов о дефицитах деятельности выявил недостаток методических рекомендации по развитию способностей детей, по работе с одаренными детьми, их поддержке и продвижению, раскрытию их психологического потенциала [Вихман А.А., 2021].

Большой процент востребованности психологических услуг у родителей также наблюдается в сфере психологического сопровождения младших школьников, испытывающих трудности в обучении. Это объясняется важностью развития в младшем школьном возрасте произвольного внимания и наблюдательности. Психолог должен быть готов

к диагностике и развитию познавательных функций учащихся. Актуальны методики, направленные на овладение письмом и чтением, на развитие концентрации внимания на информации. Школа должна обеспечивать психолого-педагогический мониторинг динамики личностного и интеллектуального развития обучающихся, их индивидуального прогресса и достижений.

Также родителей младших школьников интересует помощь психолога в снижении тревожности, стрессовой нагрузки детей во время обучения. Психологу важно помогать родителю формировать доверительные отношения с ребенком. Данные родительские дефициты согласуются с одной из стратегических задач развития психологических служб: профессиональная помощь в преодолении школьной тревожности, страхов, фобических, аффективных и личностных расстройств [Концепция развития психологической службы…, 2019].

Второй кластер «Организация обучения, нежелательное поведение и сложности коммуникации» имеет сложную структуру и содержит 8 отдельных подгрупп, которые объединяются в 3 субкластера: «Организация учебы, отдыха, чтения, цифрового и домашнего обучения», «Нежелательное поведение и юридические вопросы» и «Трудности с использованием, произношением и пониманием речи».

Родителям интересна информация об агрессивности, буллинге, игровой зависимости, гиперактивности или же наоборот инертности детей, организации семейного обучения, алгоритмы работы и критерии необходимости обращения в психолого-медико-педагогическую комиссию (ПМПК), подачи юридических жалоб. Данные запросы согласуются с несколькими стратегическими задачами развития школьных психологических служб, среди которых (1) сохранение и укрепление здоровья обучающихся, включая применение здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе; (2) организация и участие в мероприятиях по профилактике и коррекции отклоняющегося (агрессивного, аддиктивного, виктимного, суицидального и т.п.) и делинквентного (противоправного) поведения детей, молодежи с учетом возрастных и индивидуальных особенностей [Концепция развития психологической службы…, 2019].

Заключение

Анализ наиболее востребованных родительских запросов охватывает темы развития способностей («Где ребенок может получить бесплатное дополнительное образование: кружки, клубы, секции?», «Как понять, какие у ребенка способности и помочь развить их?»), самостоятельности и обучаемости ребенка («Как научить ребенка выполнять домашние задания самостоятельно?», «Как помочь ребенку преодолеть трудности в обучении?»), вопросы цифровой социализации и проблемы стресса и тревожности («Как снизить стрессовую нагрузку в период обучения?», «Что делать, если ребенок много времени проводит с гаджетом или в социальных сетях?», «Сколько времени можно ребенку находиться у компьютера без вреда для здоровья?»).

Наблюдается разнонаправленная динамика запросов родителей младших школьников на консультацию на протяжении всего младшего школьного периода обучения. Изменения в потребности психологической консультации касается вопросов логопедической помощи (постоянная тенденция к снижению), самостоятельности и обучаемости (сначала растет, потом снижается) и вопросов цифровой социализации и стрессов из-за учебы (постоянная тенденция к росту).

Все родительские дефициты дифференцируются в два больших кластера: «Учеба, способности и стресс» и «Организация обучения, нежелательное поведение и сложности коммуникации», что отражает внутреннюю динамику социализации младшего школьника и внешние условия ее успешности.

Полученные результаты могут помочь выстроить работу служб, оказывающих психолого-педагогическую помощь населению с учетом дефицитов родительской компетентности, что, безусловно, сделает их информационно-просветительскую работу более эффективной. В частности, уже работающие центры могут внести наиболее востребованную тематику в перечень реализуемых лекториев и родительских встреч, а создаваемые службы могут сразу ориентироваться на результаты данного межрегионального исследования. В целом, удовлетворение потребности родителей в психологической поддержке можно считать вкладом психологов в гармоничное развитие и обеспечение психологического благополучия детей.

Список литературы

Быкова Е.А., Истомина С.В., Самылова О.А. Особенности родительской компетентности современной российской семьи // Перспективы науки и образования. 2020. № 4(46). С. 111–125. DOI: https://doi.org/10.32744/pse.2020.4.7

Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.

Вихман А.А. Профессиональные дефициты и временные затраты школьных психологов в работе с

субъектами образования в Пермском крае // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности в период распространения COVID-19: сб. матер. XIII межрегион. науч.-практ. конф. ученых, преподавателей, специалистов, аспирантов и студентов (Пермь, 14 декабря 2021 г.) / под общ. ред. З.П. Замараевой и др.; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2021. С. 248–252.

Гаязова Л.А., Вихристюк О.В. Особенности запросов на дистанционную психологическую помощь в период самоизоляции (COVID-19) // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17, № 2. С. 118–129. DOI: https://doi.org/10.17759/bppe.2020170211

Концепция развития психологической службы в системе образования Пермского края до 2025 года / Министерство образования и науки Пермского края. 2019. URL: https://minobr.permkrai.ru/dokumenty/71334/ (дата обращения: 26.07.2022).

Куфтяк Е.В. Психологическое благополучие младших школьников с разным типом привязанности // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. Вып. 3. С. 383–390. DOI: https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-62

Маслова Н.А. Из практики развития «Я-концепции» у младших школьников // Начальная школа. 2008. № 3. С. 27–30.

Новикова Г.В. Подготовка занятий с родителями детей младшего возраста на основе контент-анализа их запросов // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2018. № 7. С. 115–116.

Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 496 с.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды: пер. с фр. М.: Просвещение, 1969. 659 с.

Практическая психология образования: учеб. пособие / под ред. И.В. Дубровиной. СПб.: Питер, 2004. 592 с.

Савина Е.А., Савенкова И.А., Эстерле А.Е., Овсяникова Е.А., Худаева М.Ю. Исследование потребностей в консультативной помощи педагога-психолога у учителей и родителей // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9, № 4. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2017/n4/Savina_Savenkova_Esterle_et_al.shtml (дата обращения: 26.07.2022). DOI: https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090401

Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80. DOI: https://doi.org/10.17759/sps.2018090308

Шнейдер Л.Б., Зыкова М.Н. Компетентное родительство: учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2018. 126 с.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

Carr N. The shallows: What the internet is doing to our brain. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2011. 304 p.

Newland L.A., Chen H.-H., Coyl-Shepherd D.D. Associations among father beliefs, perceptions, life context, involvement, child attachment and school outcomes in the U.S. and Taiwan // Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers. 2013. Vol. 11, iss. 1. P. 3–30. DOI: https://doi.org/10.3149/fth.1101.3

Singh S., Lal R. A study of subjective wellbeing of adolescents in relation to big five factors of personality // Journal of Psychosocial Research. 2012. Vol. 7, iss. 1. P. 33–42.

Tamasauskas D., Sakalauskas V., Kriksciuniene D. Evaluation framework of hierarchical clustering methods for binary data // 12th International Conference on Hybrid Intelligent Systems (HIS). Pune, IN: IEEE, 2012. P. 421–426. DOI: https://doi.org/10.1109/his.2012.6421371

Получена: 17.06.2022. Доработана после рецензирования:28.09.2022. Принята к публикации: 25.10.2022

References

Bykova, E.A., Istomina, S.V. and Samylova, O.A. (2020). [Features of parental competence of a modern Russian family]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education]. No. 4(46), pp. 111–125. DOI: https://doi.org/10.32744/pse.2020.4.7

Bozhovich, L.I. (2008). *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and formation in childhood]. St. Petersburg: Piter Publ., 398 p.

Carr, N. (2011). *The shallows: What the internet is doing to our brain*. New York: W.W. Norton & Company Publ., 304 p.

Dubrovina, I.V. (ed.) (2004). *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya* [Practical psychology of education]. Saint Petersburg: Piter Publ., 592 p.

Elkonin, D.B. (1989). *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika Publ., 560 p.

Gayazova, L.A. and Vikhristyuk, O.V. (2020). [Peculiarities of departure for remote psychological assistance during the period of self-isolation (COVID-19)]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of Psychological Practical in Education]. Vol. 17, no. 2, pp. 118–129. DOI: https://doi.org/10.17759/bppe.2020170211

Kontseptsiya razvitiya psikhologicheskoy sluzhby v sisteme obrazovaniya Permskogo kraya do 2025 goda

(2019) [The concept of the development of psychological service in the education system of the Perm Territory until 2025]. Ministry of Education and Science of Perm region. Available at: https://minobr.permkrai.ru/dokumenty/71334/ (accessed 26.07.2022).

Kuftyak, E.V. (2020). [Psychological well-being of primary school children with different attachment types]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [The Herzen University Studies: Psychology in Education]. Iss. 3, pp. 383–390. DOI: https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-62

Maslova, N.A. (2008). Iz praktiki razvitiya «Ya-kontseptsii» u mladshikh shkol'nikov [From the development of the practice of «I-concept» among younger schoolchildren] *Nachal'naya shkola* [Primary School]. No. 3, pp. 27–30.

Newland, L.A., Chen, H.-H. and Coyl-Shepherd, D.D. (2013). Associations among father beliefs, perceptions, life context, involvement, child attachment and school outcomes in the U.S. and Taiwan. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers.* Vol. 11, iss. 1, pp. 3–30. DOI: https://doi.org/10.3149/fth.1101.3

Novikova, G.V. (2018). [Preparation of classes with parents of young children based on the analysis of the content of their sources]. *Vospitanie i obuchenie detey mladshego vozrasta* [Education and Training of Young Children]. No. 7, pp. 115–116.

Ovcharova, R.V. (2006). *Roditel'stvo kak psikhologicheskiy fenomen* [Parenthood as a psychological phenomenon]. Moscow: MPSU Publ., 496 p.

Piaget, J. (1969). *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Prosveschenie Publ., 659 p.

Savina, I.A., Savenkova, A.E., Esterle, E.A., Ovsyanikova, M.Yu. and Khudaeva, M.Yu. (2017). [The study of teachers' and parents' needs for psychological consultation from school psychologist]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies]. Vol. 9, no. 4. Available at: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2017/n4/Savina_Savenkova_Esterle_et_al.shtml (accessed 26.07.2022). DOI: https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090401

Shneider, L.B. and Zykova, M.N. (2018). *Kompetentnoe roditel'stvo* [Competent parenting]. Moscow: MPSU Publ., 126 p.

Singh, S. and Lal, R. (2012). A study of subjective wellbeing of adolescents in relation to big five factors of personality. *Journal of Psychosocial Research*. Vol. 7, iss. 1, pp. 33–42.

Soldatova, G.U. (2018). [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. DOI: https://doi.org/10.17759/sps.2018090308

Tamasauskas, D., Sakalauskas, V. and Kriksciuniene, D. (2012). Evaluation framework of hierarchical clustering methods for binary data. *12th International Conference on Hybrid Intelligent Systems (HIS).* Pune, IN: IEEE Publ., pp. 421–426. DOI: https://doi.org/10.1109/his.2012.6421371

Vikhman, A.A. (2021). [Professional deficits and time costs of school psychologists in work with educational consultations in the Perm Territory]. *Sotsial'naya bezopasnost' i zaschita cheloveka v usloviyakh novoy obschestvennoy real'nosti v period rasprostraneniya COVID-19: Sbornik materialov XIII mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Perm, 14 dekabrya 2021 g.)* [Social Security and Human Protection in the Conditions of a New Social Reality During the Spread of COVID-19: Proceedings of the 13th Interregional Scientific and Practical Conference (Perm, December 14, 2021)]. Perm, pp. 248–252.

Received: 17.06.2022. Revised: 28.09.2022. Accepted: 25.10.2022

Об авторах

Вихман Александр Александрович
кандидат психологических наук,
доцент кафедры практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: vixmann@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5483-1702
ResearcherID: CAI-8696-2022

About the authors

Aleksander A. Vikhman
Candidate of Psychology,
Associate Professor of the Department
of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vixmann@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5483-1702
ResearcherID: CAI-8696-2022

Калугин Алексей Юрьевич
кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3633-2926
ResearcherID: X-7824-2018

Ротманова Наталья Валерьевна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры теоретической и прикладной психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: rotmanova@bk.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1748-9119
ResearcherID: HGD-6052-2022

Скорынин Андрей Александрович
старший преподаватель кафедры
практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: skorinin@rambler.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0473-6870
ResearcherID: HGD-8399-2022

Alexey Yu. Kalugin
Candidate of Psychology, Docent,
Head of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3633-2926
ResearcherID: X-7824-2018

Natalia V. Rotmanova
Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: rotmanova@bk.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1748-9119
ResearcherID: HGD-6052-2022

Andrey A. Skorynin
Senior Lecturer of the Department
of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: skorinin@rambler.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0473-6870
ResearcherID: HGD-8399-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Вихман А.А., Калугин А.Ю., Ротманова Н.В., Скорынин А.А. Дефициты родительской компетентности в вопросах воспитания и цифровой социализации как точки роста психологического благополучия детей и их родителей // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 609–620.
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-609-620

For citation:
Vikhman A.A., Kalugin A.Yu., Rotmanova N.V., Skorynin A.A. [Deficiencies of parental competence in issues of parenting and digital socialization as growth points in the psychological well-being of children and their parents]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 609–620 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-609-620

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.74.37

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-621-630

ИНОСТРАННЫЙ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТА ГАНЫ

Чайбок-Тверефу Ильдико, Дзядык Юрий Иванович

Университет Ганы (Аккра, Гана)

Настоящая статья посвящена исследованию стратегических целей интернационализации Университета Ганы и оценке иностранного профессорско-преподавательского состава относительно их пребывания в университете. В работе проведены границы между такими процессами, как глобализация и интернационализация, а также определены сферы их функционирования. Авторы обращают внимание на процесс глокализации, связанный с внедрением местного элемента, без которого продвижение глобальных процессов может быть затруднено. В работе указаны причины преобразований в высшем образовании, выявлены стратегические цели и обсуждаются пути достижения поставленных задач. В статье упоминается необходимость интернационализации университетов, а также охарактеризованы возможности интернационализации Университета Ганы. Далее рассматриваются приоритетные направления, связанные с партнерством с другими университетами, привлечением и рекрутингом внештатных специалистов из зарубежных стран, созданием программ по обмену студентами и преподавателями. В исследовании выявляется особый интерес к внештатным высококвалифицированным специалистам со стажем, опыт которых востребован различными высшими учебными заведениями мира и передается коллегам и студентам. В рамках нашего исследования было проведено интервью с иностранными преподавателями из стран Африки и Европы, где внештатным профессорско-преподавательским составом дана оценка их пребывания и преподавания в Университете Ганы. Статья далее уделяет внимание преодолению трудностей и усовершенствованию условий их работы. Результаты примененного в исследовании метода интервью иностранного научно-педагогического состава (объект исследования) станут ключом к пониманию проблем и решению вопросов, связанных с интернационализацией высшего образования в целом (предмет исследования). Мнения респондентов будут предоставлены менеджменту Университета Ганы, которые смогут повлиять на образовательный процесс других университетов, поскольку Университет Ганы является одним из ведущих высших учебных заведений в стране и Африке и лидером в интернационализации образования, а также в современных научных подходах в преподавании.

Ключевые слова: глобализация, рекрутинг, мобильность, обмен, глокализация, профессорско-преподавательский состав, трудоустройство.

INTERNATIONAL FACULTY IN THE CONTEXT OF INTERNATIONALIZATION OF THE UNIVERSITY OF GHANA

Ildiko Csajbok-Twerefou, Yuriy. I. Dzyadyk

University of Ghana (Accra, Ghana)

This article is devoted to the study of internationalization strategy of the University of Ghana as well as characterization by visiting scholars of their work at the International Faculty of the University. The paper draws the boundaries between such processes as globalization and internationalization, and also defines the areas of their functioning. The authors turn their attention to the process of glocalization associated with the introduction of a

© Чайбок-Тверефу И., Дзядык Ю.И., 2022

local element, without which the promotion of global processes can be difficult to apply. The paper indicates the reasons for the transformations in higher education, identifies strategic goals and discusses ways to achieve these goals. The article describes the need for internationalization of universities, in general, and the University of Ghana, in particular. Further, the paper considers priority areas related to partnerships with other universities, attracting and recruiting freelance specialists from foreign countries, and creating student and teacher exchange programs. International university teachers from Africa and Europe were interviewed. The study highlights the particular interest in recruiting of international university teachers who have taught and continue to teach at various higher education institutions around the world, and therefore are highly qualified professionals with experience. Exchange with their experiences is in demand by many universities, since, while they are accumulating their own experience in a foreign institution, simultaneously they pass it on to colleagues and students. Our article further focuses on ways that can improve activities of the University of Ghana and overcome difficulties and characterizes the advantages and disadvantages of the work of the faculty with students. The paper also presents the results of a survey of respondents, where the international faculty assessed their stay and teaching at the University of Ghana. The results of the applied method of interviewing the international faculty (the object of study) will become the key to understanding the problems and solving the issues related to the internationalization of higher education in general (subject of study). The opinions of the respondents will be made available to the management of the University of Ghana. They may also influence the educational processes of other universities, since the University of Ghana is one of the leading institutions of higher education in the country and Africa, and a leader in the internationalization of education and in modern scientific approaches to teaching.
Keywords: globalization, recruiting, mobility, exchange, glocalization, faculty, employment.

Введение

В XXI в. мало тех, кто не слышал о глобализации. Процесс глобализации охватил разные области жизни: бизнес [Kováčiková M., Štofková K.P., 2016; Rybansky R., Janos D., 2020], здравоохранение [Chen H.L., Wilson E.M., 2015; Woodward D. et al., 2001], туризм, [Azarya V., 2004; Cohen E., 2012; Munar A.M., 2007; Handbook of Globalization…, 2019], образование [Бедный А.Б., 2016; Михащенко А.Л., 2019; Globalisation and Education, 2020]. Глобализация началась в области экономики и перешла в другие отрасли. Например, образование — один из секторов, поддавшихся глобализации. Дж. Найт определяет глобализацию как «процесс, который увеличивает поток людей, культур, идей, ценностей, знаний через границы, в результате чего появляется взаимосвязанный и взаимозависимый мир» [Knight J., 2006, p. 18]. Под глобализацией мы понимаем процесс ассимиляции, когда под воздействием более влиятельных структур меняются ранее принятые обычаи в разных сферах общества. Таким образом, глобализация по-разному влияет на страны. Несмотря на большие успехи глобализации, в некоторых сферах она не была достаточно успешна, т.к. местные тенденции часто не учитывались. Поэтому некоторыми исследователями было предложено рассмотрение термина «глокализация» вместо термина «глобализация», поскольку при глокализации глобальные тенденции были переработаны в соответствии с местными (локальными) требованиями [Чайбок-Тверефу И., 2012; Csajbok-Twerefou I., Dzahene-Quashie J., 2014].

Наряду с термином «глобализация» часто упоминается лексема «интернационализация» как ее синоним. Простое определение понятия «интернационализация» показывает, что сфера функционирования глобализации и интернационализации чаще всего отличается. Интернационализация — это активное и эффективное сотрудничество между странами с целью взаимообогащения и обмена опытом в сфере образования [Абдулкеримов И.З. и др., 2012]. Таким образом, легко согласиться с Л.А. Вербицкой, по мнению которой «глобализация» и «интернационализация» — разные понятия. Более того, интернационализация образования — не новизна, поскольку в предыдущие столетия студенты часто путешествовали для того, чтобы получить более обширные знания [Вербицкая Л.А., 2002; Вит Х. де, 2019]. Интернационализация образования — это процесс интегрирования международных, межкультурных и глобальных аспектов в цель, функции (преподавание, исследования, услуги) и способы преподнесения материала (от преподавателя к студенту) в высшем образовании [Knight J., 2004]. Нельзя отрицать тот факт, что сегодня интернационализация охватила разные сферы и стала иметь более широкое значение также в образовании. Так, в высшем образовании преобразования в процессе интернационализации объясняются следующими причинами:

- улучшением глобального статуса и международной репутации университетов;
- предоставлением хорошего высшего образования студентам из различных культурных и социально-экономических слоев общества;

- конкурентоспособностью высших учебных заведений на международном рынке высшего образования.

Среди стратегических приоритетов интернационализации выявлены разные цели, такие как, например, нахождение партнеров среди других университетов в мире и повышение международного сотрудничества в области исследования, возможность пользоваться международной программой и улучшение методов преподавания дисциплин по этим программам, привлечение иностранных студентов и преподавателей. О важности интернационализации сферы высшего образования, а также о роли студентов в этом процессе, можно найти немало исследований [Кузнецов В.И., 2010; Абдулкеримов И.З. и др., 2012; Вит Х. де, 2019; Абрамова М.О. и др., 2021; Виньо А. и др., 2021]. Соответственно, предметом настоящего исследования является интернационализация высшего образования. Объектом исследования выступает иностранный профессорско-преподавательский штат. Методом настоящего исследования является интервью. Были выбраны вопросы, относящиеся к решению преподавателей работать в Университете Ганы, а также вопросы о сроке пребывания в стране, об опыте работы в университетах, о вкладе в процесс интернационализации, его положительные и отрицательные стороны, о вызовах работы в Университете Ганы. Новизна настоящей работы заключается в том, что в процессе исследования впервые уделяется внимание иностранным преподавателям в контексте интернационализации, т.к. не было найдено материалов применительно к иностранному профессорско-преподавательскому составу университетов.

Причины интернационализации высшего образования

Как было ранее отмечено, интернационализация университетов стала важным событием для мирового сообщества. Всемирный рейтинг университетов, составленный еженедельным британским журналом *Times Higher Education*, является глобальным зеркалом эффективности, где оцениваются исследовательские университеты по их основным задачам: по преподаванию, исследовательской деятельности, распространению знаний и по присутствию университета на международной арене [World University Rankings…, 2021]. Как было отмечено в журнале, способность университета привлекать студентов, аспирантов и преподавателей со всей планеты является ключом к его успеху на мировой арене. Также в международном показателе ими рассматривается процентное соотношение между релевантными публикациями соответствующего университета. На сайте подробно описано, по каким параметрам составлен рейтинг. Международному обзору (персонал, студенты, исследования) отводится 7,5 %, из которых 2,5 % распределяется между иностранными студентами, 2,5 % приходится на иностранный персонал, и 2,5 % отводится международному сотрудничеству.

Не случайно имеет место стремление университетов по всему миру увеличить количество академического и неакадемического персонала из зарубежных стран. Кажется нетрудным установить связь между увеличением иностранного персонала и возможным международным сотрудничеством в виде грантов, стипендий, совместных исследований, а также обменом студентов. Однако рейтинг не является единым фактором стремления к интернационализации. Привлечение иностранных специалистов объясняется и тем, что они приносят новые знания, опыт, исследовательские идеи, навыки и разнообразие из глобальной академической среды. Многие иностранные преподаватели являются высококвалифицированными сотрудниками, работающими в различных областях гуманитарных или естественных наук; их опыт востребован любым университетом. Чтобы достичь поставленной цели (быть исследовательским университетом мирового уровня), необходимо сотрудничать, заполняя вакансии академическим и неакадемическим персоналом, который, помимо того, что возглавляет процесс интернационализации университета, может внести значительный вклад в его глобальный рейтинг. Таким образом, международный академический рекрутинг (поиск, подбор и наем работников требуемой квалификации и численности) является стратегическим приоритетом для каждого университета.

Следует отметить, что помимо возможных позитивных проявлений интернационализации, все чаще появляется критика качества образования, снижение которого связывают с влиянием неолиберальных ценностей [Виньо А. и др., 2021, с. 149]. Кроме этого, могут появляться различные трудности, например, «наличие культурных барьеров; отсутствие (или ограниченность) четкого законодательства в отношении предоставления трансграничного образования и оценки его качества; отсутствие критериев сравнимости систем и программ высшего образования» [Абдулкеримов И.З. и др., 2012]. Негативной стороной интернационализации может быть переманивание специалистов в сфере исследований — «промыш-

ленное шпионство», а также неравные возможности в партнерских отношениях. Мы считаем, однако, что позитивных влияний на интернационализацию образования больше, чем негативных, поэтому запущенный процесс интернационализации в современных условиях необратим.

Стратегические цели интернационализации Университета Ганы

Интернационализация любого университета включает в себя разные, хорошо организованные стратегии. Ведущие мировые университеты ориентируют образование и научные исследования на международные стандарты. Интернационализация непосредственно затрагивает субъектов данного процесса — как студентов (набор иностранных студентов/аспирантов, индивидуальная студенческая мобильность, обменные программы), так и преподавателей (обмен преподавателями, совместные научно-исследовательские проекты, стажировки в зарубежных высших учебных заведениях, организация интенсивных курсов и летних школ) [Осипов П.Н., Зиятдинова Ю.Н., 2017]. Таким образом, многие университеты создали специальные планы, с помощью которых они могут более тщательно управлять процессом взаимодействия с миром. В структуру планов чаще всего включены следующие приоритеты: партнерство с другими университетами, мобильность персонала и студентов; учебная программа и соответствующая методика преподавания; научная деятельность и инновации; набор иностранных студентов и преподавателей; повышение репутации университета; присутствие университета на международной сцене [Levin R., 2006]. Кроме того, в условиях стремительных инноваций и внедрения новых технологий, а также роста спроса на квалифицированные кадры, инвестирование в развитие африканских университетов является важным фактором интернационализации [Ньондо В.Дж., Ланга В.П., 2021, с. 243]. В свою очередь, инвестиции помогут развитию проектов, улучшению материальной базы. Проблемы Университета Ганы во многом совпадают с общими проблемами вузов Африки [Zeelen J., 2012, p. 159].

Система высшего образования Ганы имеет длительную историю интернационализации: частично, благодаря своей истории; частично, благодаря британской системе образования, которую страна взяла за основу. Университет Ганы, согласно Акту 79 от 1961 г., был основан как преемник филиала Лондонского колледжа, который начал свое существование в 1948 г. В статье 2 п. (e) речь идет о необходимости предоставления возможностей для получения высшего образования и проведения исследований студентами из других стран, особенно из стран Африки; в п. (з) акцентируется внимание на необходимости развивать тесные связи с учебными заведениями как в пределах Ганы, так и за пределами страны [Effah P., Senadza B., 2008]. Процесс обучения осуществлялся преимущественно иностранным персоналом. После провозглашения независимости Ганы в 1957 г. государство берет курс на модификацию ценностей в образовании и начинается подготовка местных кадров. Таким образом, доля иностранного персонала резко уменьшается. В настоящее время в Университете Ганы работает 1052 преподавателей, из них 49 иностранцев.

На данный момент, однако, одной из главных целей Университета является увеличение научно-педагогического персонала из зарубежных стран. В связи с этим, необходимо учитывать следующие стратегические цели:

- разработать и внедрить комплексный план набора опытного академического персонала;
- ввести более простой, оцифрованный процесс найма иностранных преподавателей;
- привлекать и удерживать высококвалифицированных иностранных преподавателей;
- содействовать возвращению и трудоустройству ганских ученых за пределами Ганы;
- сотрудничать с другими известными международными агентствами и высшими учебными заведениями;
- способствовать благосостоянию и интеграции международного академического персонала в ганское общество;
- создать платформы для социального взаимодействия с международным персоналом;
- укрепить программы обмена профессорско-преподавательского состава с другими ведущими университетами;
- создать и поддерживать базу данных всех международных сотрудников;
- информировать местных штатных сотрудников Университета о важности интернационализации;
- предоставить подходящее жилье для иностранного профессорско-преподавательского состава;
- превратить Университет Ганы в заведение, в которое бывшие внештатные работники захотят вернуться.

В настоящее время Университет Ганы не хочет отставать от других высших учебных заведений.

В октябре 2021 г. был создан комитет, задача которого была создать план интернационализации Университета [University of Ghana news, 2022]. В процессе работы были выявлены следующие приоритеты: повышение эффективности совместной деятельности с другими университетами мирового уровня в сфере науки и методики преподавания; увеличение числа студентов и специалистов из других стран; обновление маркетинговой стратегии Университета.

Описание метода сбора информации

Главная цель данного исследования — выяснить, как привлечь и удержать иностранный персонал в Университете Ганы при глобальной конкуренции. Мы решили провести интервью и узнать, что думают иностранные преподаватели о пребывании в нашем Университете. Интервью проводилось в два этапа. Первый этап включал собеседование — индивидуальное и групповое интервью. На втором этапе был использован опрос как метод сбора информации. Для уточнения и получения дополнительной информации он был разведен интервьюерами на опрос по телефону и в социальных сетях.

Выборку исследования составили двадцать пять респондентов — преподавателей кафедры современных иностранных языков. Выбор иностранных преподавателей кафедры не случаен. Кафедра современных иностранных языков включает в себя пять разных языковых отделений, а именно секции арабского, китайского, русского и испанского языков, а также суахили. Кафедра английского языка и кафедра французского языка в системе Университета Ганы являются разными самостоятельными кафедрами. Это объясняется уникальными свойствами этих языков в Гане: английский язык — официальный язык страны, а французский язык — иностранный язык, которому обучают уже с первых классов. Таким образом, французский язык более распространенный, чем языки, которые преподаются на кафедре современных иностранных языков, и с которыми обучающиеся чаще всего встречаются впервые только в университете. Из них лишь арабский язык может быть исключением благодаря исламу — достаточно распространенной религии в Гане. Всего на кафедре современных иностранных языков работает 27 преподавателей на полную ставку, а также 5 внештатных преподавателей.

Преподаватели, принявшие участие в нашем исследовании, — носители преподаваемых языков и имеют присвоенную квалификацию в сфере филологии по соответствующим иностранным языкам. Географический ареал принявших участие в интервью самый разнообразный: 7 чел. из Испании (один из них родом из африканской страны, но более тридцати лет живет и работает в Испании), 6 из Китая, 2 из Венгрии, 1 из Украины, 1 из Египта, 1 из Кот-д'Ивуара, 1 из Сенегала, 3 из Камеруна (один из них в настоящее время работает в США), 2 из Танзании, 1 из Саудовской Аравии. Отбор был осуществлен на основе опыта преподавателей, задачей которых является ознакомление ганских студентов не только с соответствующими языками, но и с культурой и традициями их носителей.

Анализ результатов интервью

Ниже предоставляем вопросы корреспондентов и соответствующие ответы респондентов.

1. Какова была причина Вашего приезда и решения работать в Университете Ганы?

Большинство коллег ответили, что они прибыли по двустороннему соглашению между государствами или государством и Университетом (12 респондентов). Три преподавателя начали свою профессиональную карьеру в Университете Ганы по семейным обстоятельствам (их супруги являются гражданами Ганы). Такое же количество педагогического состава искали новые места для того, чтобы поделиться опытом и приобрести новые научные знания в других учебных заведениях. Семеро приехали преподавать на кафедру современных иностранных языков как внештатные научные сотрудники.

2. Каков срок Вашего пребывания в стране?

Большинство преподавателей находились или находятся на территории Ганы до 3 лет (17 опрошенных). В основном это преподаватели, которые приехали по соглашению между государствами или государством и Университетом, или это внештатные сотрудники. Число тех, чей срок работы на кафедре иностранных языков варьируется от трех до десяти лет, составило шесть человек. В их число входят те преподаватели, которые приехали по собственному желанию или по двустороннему соглашению, и по истечению срока действия трудового договора они решили продлить контракт на постоянной основе. Два участника интервью находятся в Гане более двадцати лет.

3. Имеется ли у Вас опыт работы в других зарубежных учебных заведениях?

Большинство преподавателей имеют такой опыт. Лишь некоторые респонденты ответили отрицательно на данный вопрос.

4. Какой Ваш вклад в процесс интернационализации?

Среди ответов можно выделить следующие достижения сотрудников:

- распространение знаний о других культурах в Университете Ганы;
- составление и редактирование учебных программ по различным дисциплинам;
- соавторские публикации в престижных научных журналах;
- совместные научные исследования;
- формирование взаимовыгодных отношений между университетами и подписание двусторонних соглашений, в том числе о мобильности студентов и преподавателей;
- непрерывность образовательного процесса (некоторые преподаватели проводили онлайн-занятия из родных стран в 2020/2021 учебном году);
- поощрение и содействие в организации прохождения стажировки студентами Университета Ганы в учебных заведениях России, Китая, Испании, Египта.

5. Укажите положительную или отрицательную стороны Вашего опыта (пребывания и работы) в Университете Ганы.

Среди положительных сторон опрошенные коллеги, которые прибыли в Университет Ганы по соглашению государств или государства и университетов, отметили доходную часть (заработная плата насчитывается страной-отправителем, и, в некоторых случаях, Университет Ганы также предоставляет оплату труда; в других случаях к заработной плате Университет Ганы насчитывает только субсидии).

Важным моментом положительных эмоций, как считают респонденты, является благоприятный рабочий климат на кафедре современных иностранных языков и уважительное отношение студентов к преподавателям.

Что касается отрицательной стороны, опрошенные отметили недостаточное техническое оснащение аудиторий, сбои в работе Интернета, нехватку учебных материалов, проблемы с электричеством, переполненные группы. Это немаловажные проблемы, которые действительно негативно влияют на работу. Также были отмечены жилищные условия, которые не всегда отвечают требованиям, встречающийся бюрократизм в процессе трудоустройства, трудности по получению вида на жительство и разрешение на работу. Некоторые из этих трудностей настолько негативно влияют на иностранных коллег, что они не хотят оставаться на более длительный срок, а некоторые из них досрочно уезжают из страны.

Среди проблем был затронут вопрос о заработной плате иностранным штатным и внештатным работникам, выплачиваемой в местной валюте, падение курса которой относительно мировых валют наблюдается за последнее время. Некоторые также отметили, что социально-правовой механизм защиты иностранных преподавателей не отрегулирован должным образом.

6. Оцените Ваше пребывание и преподавание в Университете Ганы.

Были предложены следующие возможные ответы: «плохо», «удовлетворительно», «хорошо».

Три респондента выбрали «плохо», добавив, что не планируют продолжить контракт.

Большинство опрошенных удовлетворены своим пребыванием и преподаванием в Университете Ганы. Они научились справляться с трудностями, и (были) готовы к вызовам. Некоторые из них, возможно, приедут вновь. Многие из этих преподавателей приехали из других стран Африки или побывали в Гане в качестве туристов до того, как приехали работать; таким образом, они были заранее ознакомлены со страной, ее культурой и бытом.

Остальные поставили отметку «хорошо». В этой категории преподавателей было больше позитивных эмоций, чем негативных. Некоторые коллеги до сих пор работают в университете, и на данный момент они не собираются уезжать, а другие, у которых закончился контракт, уехали, но допускают возможность вернуться.

7. Как преодолеть трудности и улучшить условия пребывания и преподавания?

Преподаватели указали на то, чтобы руководство Университета Ганы проводило большое встреч с иностранными преподавателями с целью ознакомления с существующими проблемами. Они также отметили, что учебные программы должны быть приспособлены к потребностям рынка. Более того, нужно проводить больше практических занятий, чтобы поднимать мотивацию студентов и развивать необходимые навыки будущих специалистов, которые смогут быть конкурентоспособными и отвечать новым требованиям на рынке труда.

Дискуссия

Интернационализация Университета Ганы невозможна без различных составных, описанных выше, но именно человеческий фактор — препода-

вательский состав — играет немаловажную роль. Для того, чтобы занять высокое место в рейтинге престижных высших учебных заведений, необходимо прислушаться к мнению респондентов и быть готовыми к структурным изменениям Университета. По мнению иностранных преподавателей, целесообразно учитывать конкуренцию в образовательной сфере, и во избежание тенденции переманивания специалистов уделять больше внимания пожеланиям иностранных кадров.

Мы согласны с коллегами кафедры современных иностранных языков в том, что существуют проблемы, связанные с их пребыванием и работой. Некоторые из них могли бы быть решены на университетском уровне, а другие выходят за рамки университетских возможностей. Несмотря на это, большинство опрошенных считает, что работать в Университете Ганы не так плохо.

Иностранные педагоги обратили внимание на следующий недостаток, который отрицательно влияет на процесс интернационализации Университета: в случае программ по обмену иногда студенты из зарубежных вузов (в основном, из стран Европы) не проявили желание учиться в Университете Ганы. С другой стороны, бывает так, что студенты Университета Ганы не могут принять участие в программе по обмену студентов ввиду долгих, строгих бюрократических процедур принимающей стороны.

Для нивелирования вышесказанного необходимо:

- признать важность роли Отдела по международным программам в процессе найма и удержания международного персонала;
- обеспечить непосредственный, быстрый, более частый и хорошо скоординированный набор сотрудников в соответствии с международной практикой;
- предоставить информацию о процессе назначения и требованиях к оформлению ключевых документов;
- по возможности брать на себя расходы, связанные с получением некоторых документов;
- улучшить коммуникацию между международным персоналом и Университетом;
- организовать встречу представителей Отдела по международным программам со всеми иностранными преподавателями по их прибытии в Университет;
- поддерживать эффективную интеграцию международного персонала в местную академическую среду и культуру Ганы.

Заключение

Интернационализация высшего образования — не феномен, поскольку он занимает важную роль на протяжении нескольких столетий. Однако интернационализация образования в ее сегодняшней расширенной функции подчиняется глобализации. Помимо возможного негативного влияния (переманивание специалистов и(ли) промышленное шпионство), у нее много позитивных сторон. Среди них: обмен опытом и проведение совместных исследований на равных условиях, мобильность студентов и преподавателей, повышение рейтинга университетов. В успешном осуществлении интернационализации образования важную роль играет иностранный учебно-педагогический состав.

Университет Ганы не может позволить себе упустить такой важный академический ресурс как иностранный профессорско-преподавательский состав. Необходимо принимать во внимание мнения тех сотрудников, кто побывали в нашем университете и разделили с нами свой опыт.

Несмотря на то, что метод исследования (интервью) был выбран специально, у него могут быть некоторые недостатки, среди которых можно отметить трудоемкость, затраты на проведение опроса, возможные неточности полученной информации или необоснованные ответы. Более того, в нашем исследовании не был принят во внимание психологический фактор, который мог бы повлиять на ответы респондентов. Некоторые респонденты находились за пределами Ганы во время опроса и отвечали на опрос по телефону или в социальных сетях, их ответы базировались в основном на воспоминаниях о пребывании в стране.

Выбор темы данного исследования не был произвольным, т.к. подобный опрос был проведен впервые в Университете Ганы. Следовательно, результаты опроса будут предоставлены в менеджмент и в деканат по международным связям Университета, чтобы помочь при утверждении и реализации новой политики и правил нашего заведения. Более того, результаты могут улучшить работу иностранного персонала и в других университетах Ганы, поскольку иностранные научно-педагогические сотрудники, несомненно, сталкиваются с подобными проблемами. Таким образом, настоящее исследование может послужить началом для усовершенствования условий работы в целом, и модерных междисциплинарных научных подходов в преподавании в частности, а также дальнейшей интернационализации образования в Гане.

Список литературы

Абдулкеримов И.З., Павлюченко Е.И., Эсетова А.М. Современные тенденции интернационализации высшего образования // Проблемы современной экономики. 2012. № 3(43). С. 358–361.

Абрамова М.О., Филькина А.В., Сухушина Е.В. Вызовы интернационализации для российского высшего образования: влияние пандемии COVID-19 на образовательный опыт иностранных студентов // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 117–146. DOI: https://doi.org/10.17323/18149545-2021-4-117-146

Бедный А.Б. Интернационализация образования: концептуальные основы и практический опыт университета Лобачевского // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 106(6). С. 18–25. DOI: https://doi.org/10.15826/umj.2016.106.055

Вербицкая Л.А. Глобализация и интернационализация в образовании и важность изучения иностранных языков. 2002. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_231 (дата обращения: 18.02.2022).

Виньо А., Байков А.А., Калюжнова Е., Гневашева В.А. Политика приоритизации местных практик в российском высшем образовании: препятствие или помощь интернационализации // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 147–165. DOI: https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-147-165

Вит Х. де. Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 8–34. DOI: https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-8-34

Кузнецов В.И. Глобализация и интернализация: пути привлекательности российских образовательных услуг // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 12. С. 89–90.

Михащенко А.Л. Глобализация образования. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2019. 104 с.

Ньондо В.Дж., Ланга В.П. Развитие исследовательских университетов в Африке: расхождения во взглядах на актуальность и опыт // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 237–256. DOI: https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-237-256

Осипов П.Н., Зиятдинова Ю.Н. Преподаватели и студенты как субъекты интернационализации образования // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 64–69.

Чайбок-Тверефу И. Глокализация как результат диалогов культур // Translatologia Pannonica. 2012. № 1. P. 118–128.

Azarya V. Globalization and International Tourism in Developing Countries: Marginality as a Commercial Commodity // Current Sociology. 2004. Vol. 52, iss. 6. P. 949–967. DOI: https://doi.org/10.1177/0011392104046617

Chen H.L., Wilson E.M. The Globalization of Healthcare: Implications of Medical Tourism for the Infectious Disease Clinician // Clinical Infectious Diseases. 2015. Vol. 57, iss. 12. P. 1752–1759. DOI: https://doi.org/10.1093/cid/cit540

Cohen E. Globalization, Global Crises and Tourism // Tourism Recreation Research. 2012. Vol. 37, iss. 2. P. 103–111. DOI: https://doi.org/10.1080/02508281.2012.11081695

Csajbok-Twerefou I., Dzahene-Quashie J. Glocalization of Western Popular Culture in Russia and Tanzania // New Perspectives on African Humanity: Beliefs, Values & Artistic Expression / ed. by G.S.K. Adika, G. Ossom-Basa, H. Yitah. Accra, GH: Adwinsa Publications, 2014. P. 109–133.

Effah P., Senadza B. Ghana // Higher Education in Africa: The International Dimension / ed. by D. Teferra, J. Knight. Chestnut Hill, MA: Center for International Higher Education; Accra, GH: Association of African Universities, 2008. P. 208–237.

Handbook of Globalization and Tourism / ed. by D.J. Timothy. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2019. 360 p. DOI: https://doi.org/10.4337/9781786431295

Globalisation and Education / ed. by B. Lingard. N.Y.: Routledge, 2020. 328 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9780429464454

Knight J. Internationalization Remodeled: Definition, Approaches, and Rationales // Journal for Studies in International Education. 2004. Vol. 8, iss. 1. P. 5–31. DOI: https://doi.org/10.1177/1028315303260832

Knight J. Higher Education Crossing Borders: A Guide to the Implications of the General Agreement on Trade in Services (GATS) for Cross-border Education. Paris: Commonwealth of Learning, UNESCO, 2006. 76 p. DOI: https://doi.org/10.56059/11599/208

Kováčiková M., Štofková K.P. Impact of globalization on access to process businesses management // Globalization and its Socio-Economic Consequences: 16th International Scientific Conference Proceedings (Zilina, 5–6 October 2016). Zilina, SK: University of Zilina, 2016. P. 1022–1030.

Levin R. From Their Students Bodies to Their Research Practices, Universities Are Becoming More Global // Newsweek. 2006. Aug. 10. P. 39–44.

Munar A.M. Rethinking Globalisation Theory in Tourism // Tourism Culture & Communication. 2007. Vol. 7, no. 2. P. 99–115. DOI: https://doi.org/10.3727/109830407780339044

Rybansky R., Janos D. Globalization and Its Impact on Healthy Lifestyle // SHS Web of Conferences. 2020. Vol. 74. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2020/02/shsconf_glob2020_04022/shsconf_glob2020_04022.html (accessed: 17.02.2022). DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/20207404022

University of Ghana, News. URL: https://www.ug.edu.gh/news/ug-senior-management-

engages-internationalisation-strategy-development-committeeю (accessed: 15.02.2022).

Woodward D., *Drager N.*, *Beaglehole R.*, *Lipson D.* Globalization and Health: A Framework for Analysis and Action // Bulletin of the World Health Organization. 2001. Vol. 79, iss. 9. P. 875–881.

World University Rankings 2022: methodology // Times Higher Education. 2021. Aug. 26. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/world-university-rankings-2022-methodology (accessed: 15.02.2022).

Zeelen J. Universities in Africa: Working on Excellence for Whom? Reflections on Teaching, Research, and Outreach Activities at African Universities // International Journal of Higher Education. 2012. Vol. 1, no. 2. P. 157–165. DOI: https://doi.org/10.5430/ijhe.v1n2p157

Получена: 29.04.2022. Доработана после рецензирования: 21.10.2022. Принята к публикации: 16.11.2022

References

Abdulkerimov, I.Z., Pavlyuchenko, E.I. and Esetova, A.M. (2012). [Modern Trends in the Internationalization of Higher Education]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economy]. No. 3(43), pp. 358–361.

Abramova, M.O., Filkina, A.V. and Sukhushina, E.V. (2021). [Challenges to Internationalization in Russian Higher Education: The Impact of the COVID-19 Pandemic on the International Student Experience]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 4, pp. 117–146. DOI: https://doi.org/10.17323/18149545-2021-4-117-146

Azarya, V. (2004) Globalization and International Tourism in Developing Countries: Marginality as a Commercial Commodity. *Current Sociology*. Vol. 52, iss. 6. P. 949–967. DOI: https://doi.org/10.1177/0011392104046617

Bedny, A.B. (2016). [Internationalization of Education: Conceptual Basis and Experience of Lobachevsky University]. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No. 106(6), pp. 18–25. DOI: https://doi.org/10.15826/umj.2016.106.055

Chen, H.L. and Wilson, E.M. (2015). The Globalization of Healthcare: Implications of Medical Tourism for the Infectious Disease Clinician**.** *Clinical Infectious Diseases*, Vol. 57, iss. 12, pp. 1752–1759. DOI: https://doi.org/10.1093/cid/cit540

Cohen, E. (2012). Globalization, Global Crises and Tourism. *Tourism Recreation Research*. Vol. 37, iss. 2, pp. 103–111. DOI: https://doi.org/10.1080/02508281.2012.11081695

Csajbok-Twerefou, I. and Dzahene-Quashie, J. (2014). Glocalization of Western Popular Culture in Russia and Tanzania. *G.S.K. Adika, G. Ossom-Basa, H. Yitah (eds) New Perspectives on African Humanity: Beliefs, Values & Artistic Expression.* Accra, GH: Adwinsa Publications, pp. 109–133.

Csajbok-Twerefu, I. (2012). [Glocalization — a result of dialogues of cultures]. *Translatologija Pannonika*. No. 1, pp. 118–128.

Effah, P. and Senadza, B. (2008) Ghana. *D. Teferra, J. Knight (eds.) Higher Education in Africa: The International Dimension*. Chestnut Hill, MA: Center for International Higher Education Publ., Accra, GH: Association of African Universities Publ., pp. 208–237.

Knight, J. (2004). Internationalization Remodeled: Definition, Approaches, and Rationales. *Journal for Studies in International Education*. Vol. 8, iss. 1, pp. 5–31. DOI: https://doi.org/10.1177/1028315303260832

Knight, J. (2006). *Higher Education Crossing Borders: A Guide to the Implications of the General Agreement on Trade in Services (GATS) for Cross-border Education*. Paris: Commonwealth of Learning Publ., UNESCO Publ., 76 p. DOI: https://doi.org/10.56059/11599/208

Kováčiková, M. and Štofková, K.P. (2016). Impact of globalization on access to process businesses management. *Globalization and its socio-economic consequences: 16th International Scientific Conference Proceedings (Zilina, 5–6 October 2016).* Zilina, SK: University of Zilina Publ., pp. 1022–1030.

Kuznecov, V.I. (2010). [Globalization and Internationalization: Ways of Attractiveness of the Russian Educational Services]. *Mezhdunarodniy zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Studies]. No. 12, pp. 89–90.

Levin, R. (2006). From Their Students Bodies to Their Research Practices, Universities Are Becoming More Global. *Newsweek.* Aug. 10.pp. 39–44.

Lingard, B. (ed.) (2020). *Globalisation and Education*. New York: Routledge Publ., 328 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9780429464454

Mahashchenko, A.L. (2019). *Globalizaciya obrazovaniya* [Globalization of Education]. Kurgan: KgSU Publ., 104 p.

Munar, A.M. (2007). Rethinking Globalisation Theory in Tourism. *Tourism Culture & Communication*. Vol. 7, no. 2, pp. 99–115. DOI: https://doi.org/10.3727/109830407780339044

Nyondo, V.J. and Langa, V.P. (2021). [Emerging Research University in Africa: Divergent Views on Relevance and Experiences]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 1, pp. 237–256. DOI: https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-237-256

Osipov, P.N. and Ziyatdinova, Yu.N. (2017). [Faculty and Students as Participants of Internationalization]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies]. No. 3, pp. 64–69.

Rybansky, R. and Janos, D. (2020). Globalization and Its Impact on Healthy Lifestyle. *SHS Web of Conferences*. Vol. 74. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2020/02/shsconf_glob2020_04022/shsconf_glob2020_04022.html (accessed 17.02.2022). DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/20207404022

Timothy, D.J. (ed.) (2019). *Handbook of Globalization and Tourism*. Cheltenham, UK, Northampton, MA: Edward Elgar Publ., 360 p. DOI: https://doi.org/10.4337/9781786431295

University of Ghana, News. Available at: https://www.ug.edu.gh/news/ug-senior-management-engages-internationalisation-strategy-development-committee (accessed: 15.02.2022).

Verbickaya, L.A. (2002). [Globalization and Internationalization in Education and the Importance of Learning Foreign Languages]. Available at: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_231 (accessed 18.02.2022).

Vigneau, A., Baykov, A.A., Kalyuzhnova E., Gnevasheva, V.A. (2021). [Local Content Policies in the Russian Higher Education Sector: Harming or Aiding Internationalization?]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 4, pp. 147–165. DOI: https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-147-165

Wit, H. de (2019). [Evolving Concepts, Trends, and Challenges in the Internationalization of Higher Education in the World]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 2, pp. 8–34. DOI: https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-8-34

Woodward, D., Drager, N., Beaglehole, R. and Lipson, D. (2001) Globalization and Health: A Framework for Analysis and Action. *Bulletin of the World Health Organization*. No, 79, iss. 9, pp. 875–881.

World University Rankings 2022: methodology (2021). *Times Higher Education*. Aug. 26. Available at: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/world-university-rankings-2022-methodology (accessed 15.02.2022).

Zeelen, J. (2012). Universities in Africa: Working on Excellence for Whom? Reflections on Teaching, Research, and Outreach Activities at African Universities. *International Journal of Higher Education.* Vol. 1, no. 2, pp. 157–165. DOI: https://doi.org/10.5430/ijhe.v1n2p157

Received: 29.04.2022. Revised: 21.10.2022. Accepted: 16.11.2022

Об авторах

Чайбок-Тверефу Ильдико
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой современных
иностранных языков

Университет Ганы,
Гана, Аккра, Легон, а/я LG 207;
e-mail: icsajbok-twerefou@ug.edu.gh
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0055-2481
ResearcherID: AHB-7771-2022

Дзядык Юрий Иванович
ассистент кафедры современных
иностранных языков

Университет Ганы,
Гана, Аккра, Легон, а/я LG 207;
e-mail: ydzyadyk@ug.edu.gh
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9639-1020
ResearcherID: HHM-2971-2022

About the authors

Ildiko Csajbok-Twerefou
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Modern Languages

University of Ghana,
P.O. Box LG 207, Legon, Accra, Ghana;
e-mail: icsajbok-twerefou@ug.edu.gh
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0055-2481
ResearcherID: AHB-7771-2022

Yuriy I. Dzyadyk
Assistant Lecturer of the Department
of Modern Languages

University of Ghana,
P.O. Box LG 207, Legon, Accra, Ghana;
e-mail: ydzyadyk@ug.edu.gh
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9639-1020
ResearcherID: HHM-2971-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Чайбок-Тверефу И., Дзядык Ю.И. Иностранный профессорско-преподавательский состав в контексте интернационализации Университета Ганы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 621–630. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-621-630

For citation:
Csajbok-Twerefou I., Dzyadyk Yu.I. [International faculty in the context of internationalization of the University of Ghana]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 621–630 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-621-630

УДК 316.43

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-631-642

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ДЕТЯМ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Старшинова Алевтина Викторовна, Чикова Евгения Викторовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Бородкина Ольга Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Анализируются результаты исследования развития в российских регионах социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), предоставляющих услуги семьям, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Исследование проведено в период с 2019 по 2021 г., для анализа было отобрано 11 полуструктурированных интервью с руководителями и сотрудниками некоммерческих организаций из разных городов, оказывающих социальные услуги детям с РАС и их семьям (Екатеринбург, Новороссийск, Ростов-на-Дону, Пятигорск и Кисловодск, Хабаровск). Показано, что потребность в развитии НКО, работающих с данной группой детей, обусловлена возрастанием их числа при отсутствии возможностей получать в системе государственных учреждений социального обслуживания необходимые для них услуги в полном объеме. В настоящее время НКО заняли ведущие позиции в социальном обслуживании детей с РАС. Однако по мере развития данного сегмента некоммерческого сектора социальных услуг накапливаются проблемы, которые сдерживают его развитие. Некоммерческие организации испытывают ресурсный дефицит (финансовый, кадровый, квалификационный, волонтерский), для них характерны низкая организационная культура, ограниченность партнерских связей с бизнес-сообществом; также они сталкиваются с необходимостью постоянного преодоления бюрократических барьеров при взаимодействии с региональными ведомственными органами управления, с проявляющимся «потребительским экстремизмом» у определенной части семей, воспитывающих детей с РАС. Представители НКО обеспокоены тем, что в ближайшее время произойдет критическое увеличение совершеннолетних граждан с РАС, для которых в отечественной практике социального обслуживания в настоящее время отсутствует необходимая экосистема помощи как альтернатива психоневрологическим интернатам для взрослых людей с РАС. В перспективе развитие некоммерческого сектора социальных услуг для людей с РАС должно способствовать формированию такой системы, включающей раннюю диагностику, раннюю помощь, адаптированное обучение и образование, сопровождаемую социальную занятость/трудоустройство, сопровождаемое проживание. Для создания подобной экосистемы помощи необходимо реальное межсекторное социальное партнерство, при котором роль некоммерческого сектора способна реализоваться по мере преодоления проблем его развития.

Ключевые слова: дети с расстройствами аутистического спектра, социально ориентированные НКО, раннее вмешательство, инклюзия, трудоустройство взрослых с РАС, экосистема помощи.

© Старшинова А.В., Бородкина О.И., Чикова Е.В., 2022

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE NON-PROFIT SECTOR OF SOCIAL SERVICES FOR CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS

Alevtina V. Starshinova, Evgeniya V. Chikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Olga I. Borodkina

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

The results of a study of the development in the Russian regions of socially oriented non-profit organizations (SO NPOs) that provide services to families raising children with autism spectrum disorders (ASD) are analyzed. The study was conducted in the period from 2019 to 2021, 11 semi-structured interviews were selected for analysis with managers and employees of non-profit organizations providing social services to children with ASD and their families (Yekaterinburg, Novorossiysk, Rostov-on-Don, Pyatigorsk and Kislovodsk, Khabarovsk). It is shown that the need for the development of NPOs working with this group of children is due to an increase in the number of such children and the lack of opportunities to receive services they need in the system of state social service institutions in full. Currently, NGOs have taken a leading position in the social services for children with ASD. However, as this segment of the non-profit sector of social services develops, problems accumulate that hinder its development. Non-profit organizations experience a shortage of resources (financial, personnel, qualification, volunteer), they are characterized by a low organizational culture, limited partnerships with the business community, etc., they are faced with the need to constantly overcome bureaucratic barriers when interacting with regional departmental governments, and also with manifested «consumer extremism» in a certain part of families raising children with ASD. Representatives of NGOs are concerned that in the near future there will be a critical increase in adult citizens with autism spectrum disorders, for whom the domestic practice of social services currently lacks the necessary ecosystem of assistance that could constitute an alternative to neuropsychiatric boarding schools for adults with ASD. In the future, the development of a non-profit sector of social services for people with ASD should contribute to the formation of such a system, including early diagnosis, early assistance, adapted training and education, accompanied by social employment / employment, accompanied by accommodation. To create such an ecosystem of assistance, a real intersectoral social partnership is needed, in which the role of the non-profit sector can be realized as the problems of its development, which are analyzed in the article, are overcome.

Keywords: children with autism spectrum disorders, socially oriented NGOs, early intervention, inclusion, employment of adults with ASD, care ecosystem.

Введение

В России увеличивается число детей с нарушениями ментального характера, прежде всего с расстройствами аутистического спектра (РАС). В 2020 г. треть случаев устанавливаемой среди несовершеннолетних первичной инвалидности приходилась на психические расстройства и расстройства поведения, еще треть — на болезни нервной системы и врожденные аномалии, которые могут проявляться в виде умственной отсталости и РАС; эти показатели демонстрируют динамику роста. В июле 2020 г. по результатам круглого стола представителей профильных комитетов Госдумы, Министерства здравоохранения и некоммерческих организаций было принято решение о разработке федеральной программы помощи детям с РАС, на котором были обозначены наиболее острые проблемы, нуждающиеся в решении. Так, например, в регионах необходимо сформировать единые подходы к получению статистических данных о количестве диагностированных случаев РАС. Наиболее же важный вопрос — это необходимость проведения ранней диагностики РАС и раннего вмешательства как системы мероприятий, способных своевременно повлиять на качество жизни детей. Развитие ранней помощи осложняется нехваткой специалистов в области диагностики и социализации детей с РАС при низком общем уровне осведомленности профессионального медицинского и педагогического сообщества о расстройствах аутистического спектра. Отсутствие квалифицированных специалистов на фоне дефицита государственных учреждений социального обслуживания и организаций негосударственного сектора, оказывающих услуги семьям с детьми с РАС, осложняет доступ последних к необходимым услугам. Ожидаемые инициативы на

уровне регионов должны способствовать тому, чтобы выделяемое из федерального бюджета финансирование направлялось на разработку наиболее результативных методик помощи для повышения качества услуг [Евстигнеева Е., 2020]. В решении нуждается вопрос о сопровождении детей с аутизмом от ранней помощи до разработки адаптированной программы обучения и подготовки к самостоятельной жизни, включая сопровождаемое проживание и трудоустройство.

Следует подчеркнуть, что государством предпринимаются необходимые меры в ответ на увеличение числа людей с РАС. Происходит увеличение доли квалифицированных врачей-психиатров и детских психологов, поскольку за последние пять лет в 2,5 раза возросло количество выявляемых случаев аутизма [Выявляемость аутизма в России…, 2021]. Детский и атипичный аутизм были включены в перечень заболеваний, дающих людям с инвалидностью право на получение дополнительной жилой площади. В 2021 г. в Реестр лучших управленческих и социальных практик Десятилетия детства по треку «Качество жизни детей с ограниченными возможностями здоровья» включен ряд кейсов работы с ментальными нарушениями. Наконец, в 2022 г. была утверждена новая редакция клинических рекомендаций «Расстройства аутистического спектра у детей», которые с 2022 г. стали обязательными при работе со случаями РАС [Клинические рекомендации…, 2020].

Однако нововведения еще не оформились в обязательный стандарт системы помощи. Разработка подобного стандарта должна опираться на понимание имеющихся барьеров в сфере оказания помощи детям с РАС и их семьям, и в этом отношении организации некоммерческого сектора имеют существенный опыт. Именно НКО внесли наибольший вклад в постановку самой проблемы распространения РАС и в апробацию различных элементов системы сопровождения данной группы детей и их семей. Поэтому цель представленного в статье исследования заключается в анализе наиболее типичных проблем, возникающих у НКО в процессе предоставления услуг детям с РАС. Основные исследовательские вопросы связаны с анализом актуального состояния НКО, их роли в помощи детям с РАС и их семьям, а также ограничений, сдерживающих появляющиеся возможности организаций как поставщиков услуг для данной группы детей.

Роль НКО в системе помощи людям с РАС

Постановка диагнозов, связанных с расстройствами аутистического спектра, получила распространение, по сути, только после принятия в России в 1999 г. Международной Классификации Болезней 10, несмотря на то, что отечественная ветвь исследования аутизма имеет не меньшую протяженность, чем зарубежная [Мальтинская Н.А., 2017]. Появление в России значительного числа некоммерческих организаций и благотворительных фондов, занятых организацией различных видов помощи детям и взрослым с РАС, было следствием невозможности удовлетворить существующий запрос в системе государственных учреждений [Маленко А., 2020]. Поэтому сфера оказания помощи детям с РАС сформировалась в отечественной практике как зона ответственности прежде всего некоммерческого сектора. Именно НКО инициировали внесение основных изменений в порядок работы с детьми с РАС и их семьями. Деятельность НКО в данной сфере органично вписывается в общий контекст трансформации социального государства в России, в рамках которой негосударственные организации уравниваются в статусе с государственными учреждениями как провайдеры социальных услуг. Однако параллельно с диверсификацией рынка социальных услуг происходит сокращение государственных учреждений в сфере социального обслуживания, часть из которых за счет вторичной институционализации пополняет ряды некоммерческих организаций и коммерциализирует свою деятельность [Тарасенко А.В., 2017]. В то же время в русле теории new governance и теории провалов некоммерческого сектора Лестера Саламона сотрудничество некоммерческих организаций и государства остается необходимым условием для выстраивания и верификации результативного алгоритма оказания помощи людям с РАС, поскольку только в совокупности обе стороны обладают всем необходимым для этого объемом ресурсов: гибкий менеджмент и индивидуальный подход к каждому случаю компенсируют неповоротливость и бюрократизм государственного аппарата, тогда как государство способно предоставить НКО достаточный объем финансовых, материальных, кадровых и иных ресурсов [Salamon L.M., Toepler S., 2015].

Принимая во внимание теорию поля Курта Левина [Левин К., 2000], личность ребенка с расстройством аутистического спектра формируется в контексте его социального окружения, которое во многом расширяется как за счет уси-

лий семьи, так и в результате действий некоммерческих организаций, создающихся и функционирующих в интересах данной группы, ломающих барьеры эксклюзии для таких детей. Жизнедеятельность детей с РАС, следуя теории экологических систем Ури Бронфенбреннера, не ограничивается только уровнем микросистемы (семья), но выстраивается по всей институциональной вертикали мезосистемы (детский сад, школа, квартал проживания) и экзосистемы (формальные и неформальные взрослые социальные организации) и оказывает влияние на макросистему (культурные обычаи страны, ценности и ресурсы), в свою очередь воздействующую на все другие упомянутые уровни [Bronfenbrenner U., 1979]. Логика построения алгоритма сопровождения семей с детьми с РАС может быть описана в русле экосистемного подхода, в рамках которого НКО рассматриваются как один из управляющих элементов в формировании среды адаптации и социализации детей указанной группы и их семей. Они способствуют увеличению числа связей подобных семей с социальными институтами общества, что благоприятно сказывается на развитии ребенка и его семьи. В этой связи в России постепенно создается поддерживающая инфраструктура, которая в количественном отношении может быть представлена с помощью данных навигатора Федерального ресурсного центра по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра (ФРЦ РАС), представленных в таблице.

Статистика организаций негосударственного и государственного сектора, оказывающих помощь детям с РАС (Составлено по материалам ФРЦ РАС: https://autism-frc.ru/)

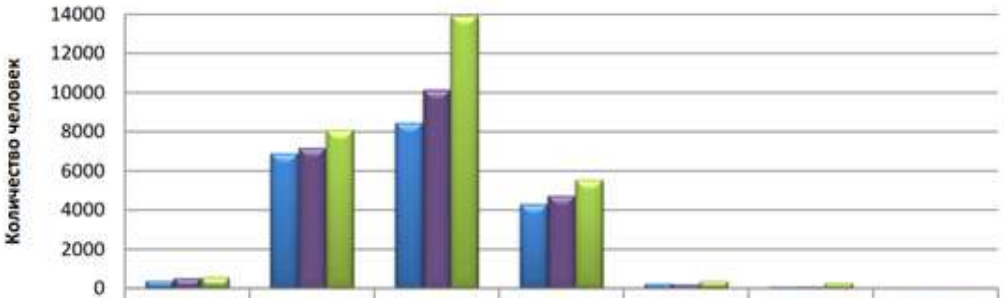
Statistics of non-governmental and public sector organizations helping children with ASD (Compiled based on the materials of the FRC ASD: https://autism-frc.ru/)

Количественные показатели				
Негосударственный сектор				
Некоммерческие организации	86			
Благотворительные фонды	5			
Государственный сектор				
	Социальная защита	**Образование**	**Здравоохранение**	**Культура и спорт**
Федеральные ресурсные центры	3			
Региональные ресурсные центры	6	41	1	–
Государственные учреждения	63	1716	11	9
Всего	1895			

Очевидно, что негосударственных организаций, вовлеченных в сферу оказания помощи семьям с детьми с РАС, в разы меньше, чем государственных, однако это вписывается в существующую общую количественную диспропорцию СО НКО и государственных социальных учреждений. Таблица демонстрирует то, что значительная часть усилий органов власти уже направлена на создание инклюзивного пространства и доступной среды на уровнях дошкольного и общего образования, тогда как значительно меньшее количество детей с РАС охвачены деятельностью служб ранней помощи и получают среднее и высшее профессиональное образование (рисунок).

В настоящее время НКО, занимающиеся проблемами людей аутизмом в России, ставят перед собой две ключевые задачи: содействие государству в создании системы помощи людям с ментальными особенностями с рождения до взрослой жизни включительно и распространение в обществе информации об аутизме для формирования инклюзивной среды восприятия людей с ментальными нарушениями и большого «аутичного сообщества» [Экфорд А., 2019]. В результате формируется экосистема, включающая элементы ранней диагностики, ранней помощи, адаптированного образования и сопровождаемой социальной занятости и трудоустройства, каждый из которых в разной степени изученности находит отражение в отечественных и зарубежных исследованиях. В фокусе исследователей находятся темы недооценки или переоценки распространенности заболеваний аутистического спектра, стандартизации/валидации/ повышения эффективности процедуры раннего скрининга и диагностики детей с РАС, а также причин и факторов риска появления данного заболевания [Альбицкая Ж.В., 2016; Whyatt C.P., Torres E.B., 2018; Ткачук Е.А. и др., 2020]. Значительное

число публикаций посвящено современным подходам к коррекции расстройств аутистического спектра и проблемам инкорпорации детей с РАС в школьную среду. Специфика отечественных исследований состоит в преимущественном изучении проблем менеджмента и дефицита кадров медицинских организаций, формирования компетенций по ранней диагностике у практикующих педиатров и психиатров [Мухарямова Л.М. и др., 2021], общественного восприятия людей с РАС [Зангиева И.К., Лесных К.А., 2020], уровня формирования для них доступной среды [Мухарямова Л.М., Савельева Ж.В., 2021], психологической адаптации семей, в которых воспитывается ребенок с диагнозом РАС [Дворянинова В.В. и др., 2017; Федосеева Е.С. и др., 2017], а также их интеграции в социальную среду в условиях инклюзивного образования [Горбунова Е.В., Хаидов С.К., 2016]. В зарубежных исследованиях авторы уделяют внимание причинам появления аутизма, в частности, изучению COVID-19 как фактора риска развития РАС, использованию искусственного интеллекта и машинного обучения, цифровых технологий при диагностировании РАС [Thabtah F. et al., 2019; Stavropoulos K.K. et al., 2022], выстраиванию жизненных стратегий совершеннолетних с РАС в особенности при трудоустройстве [Nicholas D.B. et al., 2018; Walsh E. et al., 2018; Dreaver J. et al. 2020] и оказании помощи взрослым с РАС [Ruggieri V. et al., 2019; Wise E.A., 2020]. Очевидно, что исследователей все больше интересуют вопросы жизнедеятельности взрослых людей с РАС. В России в соответствии с информацией, размещенной на сайтах «аутистических» НКО, существует множество барьеров для НКО при организации помощи семьям, воспитывающих детей с РАС и самим детям. Поэтому представляется своевременной постановка вопроса о проблемах, затрудняющих формирование системы помощи людям с РАС с точки зрения представителей НКО.



	ранняя помощь	дошкольное образование	начальное общее образование	основное общее образование	среднее общее образование	среднее профессиональное образование	высшее профессиональное образование
2018 год	387	6898	8460	4310	244	89	8
2019 год	535	7192	10149	4750	238	116	10
2020 год	572	8089	13950	5548	354	269	7

Рис. 1. Распределение обучающихся с РАС по уровням получаемого образования (Источник: Аналитическая справка о численности детей с РАС в субъектах Российской Федерации в 2020 г.ФРЦ РАС)

Fig. 1. Distribution of learners with ASD by levels of education received (Source: Analytical report on the number children with autism spectrum disorders in the constituent entities of the Russian Federation in 2020 FRC ASD)

Методы исследования

В период с 2019 по 2021 г. было проведено 11 полуструктурированных интервью с руководителями и сотрудниками некоммерческих организаций, оказывающих социальные услуги детям с РАС и их семьям в разных городах России (Екатеринбург, Новороссийск, Ростов-на-Дону, Пятигорск и Кисловодск, Хабаровск). При обработке полученных эмпирических данных был использован метод ситуационного анализа обоснованной теории Адель Кларк (Clarke) и программа анализа качественных данных QDAminer. На первом этапе исследования были выделены фрагменты интервью с прямым

указанием на проблемный дискурс или косвенными рассуждениями о барьерах, с которыми сталкиваются НКО при предоставлении социальных услуг. На втором этапе исследования была произведена выборка осевых категорий, позволяющих сгруппировать все высказывания по отдельным кластерам — тематическим блокам проблем, с которыми сталкиваются НКО в рамках своей операционной деятельности. Двумя ключевыми осевыми «проблемными» категориями стали бюджетный дефицит НКО и их взаимоотношения с региональными и муниципальными ведомственными органами власти. Ответы информантов позволили выделить еще несколько устойчивых смысловых кластеров, характеризующих состояние барьерной сетки внутри указанного сегмента некоммерческого сектора. Третий этап — картографирование в рамках метода ситуационного анализа А. Кларк, который предполагал составление на основе отобранных кластеров матрицы смысловых полей, внутри которых органично поместились бы все сопутствующие кластерные категории. Структурирование всего собранного материала позволило выделить два вектора, проходящих сквозь все ответы респондентов — проблемы внешнего и внутреннего характера, сопровождающие развитие НКО. Остановимся подробнее на анализе выделенных проблем.

Результаты исследования

Уже на этапе построения неструктурированной семантической карты было выявлено, что некоммерческие организации интуитивно связывают большинство своих внутренних сложностей с внешними проблемами, главной из которых является финансовое обеспечение деятельности организации. Практически во всех интервью затрагивалась тема финансовой нестабильности организации: «*Это же самая главная проблема. <…> А зарплату с чего получать? <…> У тебя есть оперативная какая-то деятельность, ну, например, аренда помещения, заказ канцтоваров, заказ воды, клининговая служба, оплата коммунальных услуг, оплата фонда оплаты труда, вот»* (Руководитель направления/социального проекта в НКО, Екатеринбург, 2019). Представители НКО рассматривали разные каналы пополнения бюджета организации и практически каждый из них оказывался неприемлемым как основной источник доходов. В качестве гарантии получения субсидии выдвигались предположения о необходимости наличия личных «дружеских» связей в ведомственных органах управления и демонстрации лояльности государственным структурам. Победа в грантовом конкурсе рассматривалась как дело случая и чрезмерно рассчитывать на гранты как источник финансирования, по мнению информантов, нельзя, равно как и на донорские благотворительные взносы и частные пожертвования. Социальное предпринимательство как средство пополнения бюджета не рассматривалось серьезно в силу низкой маржинальности и наличия процедурных сложностей при открытии социального бизнеса [Старшинова А.В., Чикова Е.В., 2021]. Импакт-инвесторы в России еще не обращаются к сфере социальных услуг как пространству прибыльного вложения средств. Наконец, статус поставщика социальных услуг при вхождении в реестр тоже приносит мало преференций, учитывая низкие компенсационные тарифы и затяжную процедуру их начисления. Поэтому финансовый дефицит был главным лейтмотивом наших информантов, когда речь шла о проблемах развития организаций: *«Не хватает финансов, потому что у нас, вы даже не представляете себе, какой у нас объем работы»* (Директор инклюзивной школы, Кисловодск, 2021).

Вторая большая выявленная проблемная категория — «кадровый голод»: *«Да, есть кадровые проблемы. Так как дети у нас сложной категории, и это значит, что большая текучка специалистов. И вообще сложно найти специалиста, который реально бы любил таких детей и готов <…> в них вкладывать»* (Специалист благотворительного фонда, Екатеринбург, 2019). Причины заключаются в низком уровне зарплат, сумбурном графике работы и необходимости функционирования специалиста в режиме многозадачности, сложности работы с детьми с РАС, нехватке специалистов социальной сферы: *«Наш рабочий день проходит очень сумбурно в силу того, что у нас еще у многих есть еще какие-то работы, как правило, как ошпаренные бегаем туда-сюда…. Нас все равно мало»* (Вице-президент Ассоциации НКО, Екатеринбург, 2019). Низкие зарплаты в секторе отпугивают молодых специалистов и НКО вынуждены принимать на работу низкоквалифицированные кадры, на дополнительное обучение которых приходится тратить имеющиеся ресурсы. Неустойчивый график работы и сложный клиентский контингент — это первопричины эмоционального выгорания, которое также занимает высокие позиции в структуре внутренних проблем НКО: *«Я первые года три плакала, мне было очень тяжело работать с семьями, приезжать смотреть в каких условиях они работают, смотреть на этих деток особенных»* (Исполнительный директор благотворительного фонда, Ростов-на-Дону, 2021). Некоторые информанты отмечали, что они предпринима-

ли неоднократные попытки привлечь в свои организации специалистов общего профиля, работающих с детьми, предварительно предлагая им за счет НКО повысить свою квалификацию, но эта идея не дала ощутимого результата. К кадровой проблеме добавляется дефицит подготовленных волонтеров; учитывая, что к детям с ментальными нарушениями необходим особый подход, НКО вынуждены готовить волонтеров сами, закрывая глаза на большой процент их ротации.

Информанты обсуждали вопрос о трудностях открытия и работы НКО, предоставляющих услуги детям с РАС. Возникновение подобных некоммерческих организаций — это, как правило, личная история сотрудников НКО: *«Все НКО, которые работают в каком-то направлении инвалидности, в основном, это созданные людьми, которые в этом живут. Ну, то есть, все, кто работают в этом секторе, они все родители»* (Руководитель направления в НКО, Екатеринбург, 2019). Для того, чтобы НКО в долговременной перспективе была «на плаву», она должна управляться людьми «в теме», в противном случае в этой сфере долго работать невозможно из-за эмоционального выгорания. Один из информантов привела в качестве примера историю ухода с поста директора благотворительного фонда, первоклассного специалиста, в силу морального истощения. Другой информант подчеркивает, что от эмоционального выгорания его спасает только исключительно «холодное профессиональное» отношение к своей деятельности и тот факт, что он выполняет лишь административные функции в НКО, однако, по его мнению, невозможно быть хорошим специалистом в этой сфере, если *«ты работаешь с детьми и не включаешься эмоционально»*. Создание СО НКО на основе личного опыта имеет и обратную сторону: некоммерческая организация, формируемая как «клуб по интересам», со временем перерастает эту форму, но сумбур в организации операционной деятельности очень сильно сдерживает развитие НКО и даже может стать важным фактором прекращения ее работы.

В качестве дополнительного риска информанты упоминали риск потери репутации, который весьма велик при неизбежных конфликтах. Любой конфликт между НКО и семьей ребенка с РАС потенциально может обернуться для организации скандалом с потерей репутации, оттоком донорских средств, потерей партнеров: *«Мы работаем с детьми с инвалидностью, и там любой промах — это удар будет репутационный по самой организации»* (Руководитель направления/социального проекта в НКО, Екатеринбург, 2019).

Наконец, сотрудники НКО утверждали, что цифровизация в некоммерческом секторе [Архипова Е.Б., Бородкина О.И., 2021; Архипова Е.Б. и др., 2021] не представляется полезным инструментом, потому что невозможно качественно настроить работу с ребенком с РАС в режиме онлайн. Другой негативный тренд цифровизации — «токсичные» сборы в социальных сетях на лечение/реабилитацию детей, инициируемые родителями, которые весьма часто подхватывают мошенники, что в итоге ощутимо бьет по имиджу некоммерческой организации. Кроме того, трудности НКО испытывают и при внедрении цифровых инструментов в силу того, что далеко не все понимают, как можно результативно использовать организовать фандрайзинговую кампанию или мероприятие онлайн [Чикова Е.В., Кузьмина А.П., 2022].

Проблемы взаимодействия НКО с региональными органами управления

Ключевой темой при обсуждении внешних проблем НКО стала проблема взаимоотношения с представителями органов власти. Некоторые участники интервью прямо говорили о том, что их организации находились в сложных отношениях с представителями региональной администрации из-за их формального подхода, нежелания прислушиваться к НКО о необходимости внесения изменений в региональную политику в отношении клиентских групп организаций. Информанты отмечали несогласованность федеральных, региональных и муниципальных нормативно-правовых актов, регулирующих предоставление услуг детям с РАС. Все говорили о крайне низких тарифах компенсации за проведенную работу, а также о некорректной работе органов власти, связанной с принятием отчетов НКО, длительностью их проверок, нежеланием давать комментарии при необходимости доработки и требованием предоставлять отчеты в бумажном виде. Некоторые руководители НКО отмечали формализм в реализации существующего межсекторного партнерства. Координационные общественные советы в лучшем случае работают раз в несколько месяцев и не принимают каких-либо решений, способствующих развитию сектора. Тем не менее, многие НКО стремятся выстроить конструктивное взаимодействие с региональными министерствами, которые в настоящее время стараются идти им навстречу.

Сложности возникают и в отношениях НКО с бизнесом, занимающим двойственную позицию: в качестве крупного партнера бизнес оказывает финансовую и иную поддержку НКО для получе-

ния репутационных дивидендов или полностью отстраняется от какого-либо взаимодействия с ними. Некоторые респонденты объясняли такую позицию бизнеса тем, что представители некоммерческих организаций приходят к предпринимателям с установкой, что им обязаны помочь, но при этом не говорят с ними на их языке. НКО часто не имеют четко сформулированной и описанной концепции предлагаемого проекта, в силу чего предприниматели не могут довериться НКО и не стремятся выстраивать партнерские отношения. Другой аспект этого вопроса заключается в том, что COVID-19 сильно урезал ресурсные возможности предпринимателей как спонсоров.

Вместе с тем представители НКО отмечают отсутствие естественной конкуренции на рынке социальных услуг для детей с РАС: коммерческие компании «перехватывают» данную клиентскую аудиторию, но подходят к предоставлению услуг исключительно с позиции получения прибыли.

Неожиданной проблемой, о которой говорили представители НКО, является растущий «потребительский экстремизм» получателей услуг. Родители детей с РАС все больше воспринимают получаемые услуги как обязанность НКО, настаивая на увеличении бесплатных услуг. Они инертно ожидают получения какой-либо материальной помощи, переходят из одной НКО в другую без учета динамики состояния ребенка, отдавая предпочтение сервису, а не качеству услуги. Потребительский экстремизм проявляется и в опасениях родителей, что у ребенка может не подтвердиться диагноз, а значит он потеряет статус ребенка-инвалида и не будет получать соответствующие социальные выплаты.

Также важной проблемной категорией является отсутствие осведомленности большей части российского общества о существовании увеличивающегося числа детей с РАС.

Выводы

В процессе становления некоммерческого сектора социальных услуг для детей и взрослых с РАС появляется совокупность факторов, которые значительно сдерживают его развитие. Среди них можно выделить относительно короткий период функционирования социально ориентированных НКО, ограниченность их ресурсов, неразвитость организационной культуры и низкий эффект партнерских связей. Нарастающие проблемы не позволяют СО НКО в полной мере сосредоточиться на лоббистской роли интересов своей целевой группы при сохранении исключительно пассивной и потребительской позиции значительной части семей, в которых есть дети и совершеннолетние с РАС.

Государство заинтересовано в передаче части своих функций НКО, рассматривая людей с РАС только как одну из социально-уязвимых категорий граждан, нуждающихся в социальном обеспечении. Государственные структуры не в состоянии в одиночку разрабатывать технологии помощи всем нуждающимся в поддержке группам, в частности технологию сопровождения, в ответ на специфические потребности детей и взрослых людей с РАС. Этим фактом определяется внимание к проблемам становления некоммерческих организаций, предоставляющих такие услуги, т.к. государство не только регулирует деятельность НКО, но и берет обязательства помогать организациям. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о слабости межведомственного взаимодействия: региональные органы управления и СО НКО пока не могут выработать конструктивный диалог и взаимодействие. При этом СО НКО прямо заявляют о своей роли драйверов развития новых подходов в ответ на запросы своей целевой группы, а также о своих ключевых проблемах, среди которых выделяются отсутствие финансовой стабильности, кадровый дефицит и слабое межсекторное партнерство. Необходимость помощи в решении этих проблем определяется тем, что в перспективе назревает масштабная проблема появления все большего числа взрослых граждан с расстройствами аутистического спектра, для которых не созданы условия для реализации современного инклюзивного подхода, позволяющие по-новому организовать жизнедеятельность людей с РАС.

Социально ориентированные НКО ожидают создания принципиально новой для России системы оказания помощи детям и взрослым с РАС в партнерстве с государством. Форсированные темпы принятия новых законов, разработка федеральной программы и развитие возможностей ее реализации на региональном уровне, подготовка кадров, распространение информации о существовании людей с РАС и трудностях их жизни могут способствовать созданию общественных условий для решения проблем, с которыми сталкиваются сегодня НКО в процессе развития эффективных методов для необходимой системной помощи.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изме-

нения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 19-18-00246-P «Challenges of transformation of the welfare state in Russia: institutional changes, social investment, digitalization of social services», implemented at St. Petersburg State University.

Список литературы

Альбицкая Ж.В. Ранний детский аутизм — проблемы и трудности первичной диагностики при междисциплинарном взаимодействии // Медицинский альманах. 2016. № 2(42). С. 108–111. DOI: https://doi.org/10.21145/2499-9954-2016-2-108-111

Архипова Е.Б., Бородкина О.И. Проблемы и противоречия цифровой трансформации социальных служб в России // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 4. С. 116–134. DOI: https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-4-116-134

Архипова Е.Б., Бородкина О.И., Иванова М.М., Старшинова А.В., Чикова Е.В., Чулков С.С. Актуальные проблемы цифровизации социальных услуг / под ред. О.И. Бородкиной, А.В. Старшиновой. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2021. 232 с.

Выявляемость аутизма в России за пять лет возросла более чем в 2,5 раза // ТАСС. 2021. 2 апр. URL: https://tass.ru/obschestvo/11055281 (дата обращения: 18.08.2022).

Горбунова Е.В., Хаидов С.К. Развитие самооценки младших школьников с синдромом раннего детского аутизма // Акмеология. 2016. № 2(58). С. 119–122.

Дворянинова В.В., Касимова Л.Н., Альбицкая Ж.В. Когнитивные расстройства у родственников детей, больных ранним детским аутизмом // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2017. № 1(94). С. 33–35.

Евстигнеева Е. В Госдуме будут разрабатывать федеральную программу для детей с аутизмом // Такие дела. 2020. 9 июл. URL: https://takiedela.ru/news/2020/07/09/federalnaya-programma-ras/ (дата обращения: 12.08.2022).

Зангиева И.К., Лесных К.А. Межгрупповые различия в установках к людям с расстройствами аутистического спектра (РАС) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5(159). С. 559–577. DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1579

Клинические рекомендации «Расстройства аутистического спектра» / Министерство здравоохранения Российской Федерации. 2020. URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/recomend/594_1 (дата обращения: 15.08.2022).

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 365 с.

Маленко А. В поддержке людей с аутизмом нет ничего сложного, просто мы отстали от мира лет так на сто // Агентство социальной информации. 2020. 30 сент. URL: https://www.asi.org.ru/2020/09/30/578967/ (дата обращения: 20.08.2022).

Мальтинская Н.А. История развития учения об аутизме // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № S11. С. 53–61. URL: https://e-koncept.ru/2017/470137.htm (дата обращения: 18.08.2022).

Мухарямова Л.М., Савельева Ж.В. Социальная среда для людей с аутизмом в России: проблема доступности в оценках экспертов // Экология человека. 2021. Т. 28, № 1. С. 45–50. DOI: https://doi.org/10.33396/1728-0869-2021-1-45-50

Мухарямова Л.М., Савельева Ж.В., Кузнецова И.Б., Гарапшина Л.Р. Аутизм в России: противоречивое поле диагностики и статистики // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 3. С. 437–450. DOI: https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-437-450

Старшинова А.В., Чикова Е.В. Акселерационные программы в экосистеме поддержки социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 4. С. 216–230. DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.13

Тарасенко А.В. Диверсификация сферы социальных услуг в России: факторы региональных различий. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2017. 28 с.

Ткачук Е.А., Мартынович Н.Н., Рычкова Л.В., Поляков В.М. Проблемы диагностики расстройств аутистического спектра у детей // Тихоокеанский медицинский журнал. 2020. № 4(82). С. 35–43. DOI: https://doi.org/10.34215/1609-1175-2020-4-35-43

Федосеева Е.С., Бондаренко Т.А., Морозова В.И. Особенности эмоционального принятия ребенка с ранним детским аутизмом в системе детско-родительских отношений // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 3. С. 107–112.

Чикова Е.В., Кузьмина А.П. Особенности цифровизации региональных социально ориентированных НКО: кейсы Екатеринбурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15, вып. 2. С. 137–154. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.203

Экфорд А. В России аутичного сообщества как такового не существует. Точнее, оно начинает зарождаться // Мел. 2019. 13 сент. URL: https://mel.fm/blog/ayman-ekford/46807-v-rossii-autichnogo-soobshchestva-kak-takovogo-ne-sushchestvuyet-tochneye-ono-nachinayet-zarozhdatsya (дата обращения: 14.08.2022).

Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 352 p. DOI: https://doi.org/10.2307/j.ctv26071r6

Dreaver J., Thompson C., Girdler S., Adolfsson M., Black M.H., Falkmer M. Success Factors Enabling Employment for Adults on the Autism Spectrum from Employers' Perspective // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2020. Vol. 50, iss. 5. P. 1657–1667. DOI: https://doi.org/10.1007/s10803-019-03923-3

Nicholas D.B., Mitchell W., Dudley C., Clarke M., Zulla R. An Ecosystem Approach to Employment and Autism Spectrum Disorder // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2018. Vol. 48, iss. 1. P. 264–275. DOI: https://doi.org/10.1007/s10803-017-3351-6

Ruggieri V., Cuesta-Gómez J.L., Martínez M.M., Arberas C. Aging and Autism: Understanding, Intervention and Proposals to Improve Quality of Life // Current Pharmaceutical Design. 2019. Vol. 25, iss. 41. P. 4454–4461. DOI: https://doi.org/10.2174/1381612825666191204165117

Salamon L.M., Toepler S. Government-nonprofit cooperation: Anomaly or necessity? // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2015. Vol. 26, iss. 6. P. 2155–2177. DOI: https://doi.org/10.1007/s11266-015-9651-6

Stavropoulos K.K.M., Heyman M., Salinas G., Baker E., Blacher J. Exploring telehealth during COVID for assessing autism spectrum disorder in a diverse sample // Psychology in the Schools. 2022. Vol. 59, iss. 7. P. 1319–1334. DOI: https://doi.org/10.1002/pits.22672

Thabtah F., Abdelhamid N., Peebles D. A machine learning autism classification based on logistic regression analysis // Health Information Science and Systems. 2019. Vol. 7, iss. 1. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6545188/ (accessed: 25.08.2022). DOI: https://doi.org/10.1007/s13755-019-0073-5

Walsh E., Holloway J., Lydon H. An Evaluation of a Social Skills Intervention for Adults with Autism Spectrum Disorder and Intellectual Disabilities preparing for Employment in Ireland: A Pilot Study // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2018. Vol. 48, iss. 5. P. 1727–1741. DOI: https://doi.org/10.1007/s10803-017-3441-5

Whyatt C.P., Torres E.B. Autism Research: An Objective Quantitative Review of Progress and Focus Between 1994 and 2015 // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.01526/full (accessed: 25.08.2022). DOI: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01526

Wise E.A. Aging in Autism Spectrum Disorder // The American Journal of Geriatric Psychiatry. 2020. Vol. 28, iss. 3. P. 339–349. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jagp.2019.12.001

Получена: 08.09.2022. Принята к публикации: 14.10.2022

References

Al'bickaja, Zh. (2016). [Early children autism - issues and difficulties of initial diagnostics in the case of interdisciplinary interaction]. *Medicinskij al'manah* [Medical Almanac]. No. 2(42), pp. 108–111. DOI: https://doi.org/10.21145/2499-9954-2016-2-108-111

Arhipova, E.B. and Borodkina, O.I. (2021). [The Problems and Contradictions of Digital Transformation of Social Services' Organizations in Russia]. *Sociologija nauki i tehnologij.* [Sociology of Science & Technology]. Vol. 12, no. 4, pp. 116–134. DOI: https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-4-116-134

Arhipova, E.B., Borodkina, O.I., Ivanova, M.M., Starschinova, A.V., Chikova, E.V. and Chulkov, S.S. (2021). *Aktual'nye problemy cifrovizacii social'nyh uslug* [Actual problems of digitalization of social services]. St. Peterburg: Skifia-print Publ., 232 p.

Bronfenbrenner, U. (1979). *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 352 p. DOI: https://doi.org/10.2307/j.ctv26071r6

Chikova, E.V. and Kuzmina, A.P. (2022) [The features of digitalization of regional socially oriented NPOs: Cases of Yekaterinburg]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. Vol. 15, iss. 2, pp. 137–154. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.203

Dreaver, J., Thompson, C., Girdler, S., Adolfsson, M., Black, M.H. and Falkmer, M. (2020). Success Factors Enabling Employment for Adults on the Autism Spectrum from Employers' Perspective. *Journal of autism and developmental disorders*. Vol. 50, iss. 5, pp. 1657–1667. DOI: https://doi.org/10.1007/s10803-019-03923-3

Dvorjaninova, V.V., Kasimova L.N. and Al'bickaja J.V. (2017). [Cognitive disorders in relatives of children with early childhood autism]. *Sibirskij vestnik psihiatrii i narkologii* [Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry]. № 1(94), pp. 33–34.

Ekford, A. (2019). [In Russia, there is no autistic community as such. More precisely, it begins to emerge]. *Mel*. Sep. 13. Available at: https://mel.fm/blog/ayman-ekford/46807-v-rossii-autichnogo-soobshchestva-kak-takovogo-ne-sushchestvuyet-tochneye-ono-nachinayet-zarozhdatsya (accessed 14.08.2022).

Evstigneeva, E. (2020). [The State Duma will implement federal programs for children with autism]. *Takie dela*. Jul. 9. Available at: https://takiedela.ru/news/2020/07/09/federalnaya-programma-ras/ (accessed 12.08.2022).

Fedoseeva, E.S., Bondarenko, T.A. and Morozova, V.I. (2017). [Features of emotional child adoption with early infantile autism in the system of parent-child

relationship]. *Sovremennye naukoemkie tehnologii* [Modern high technologies]. № 3. pp. 107–112.

Gorbunova, E.V. and Haidov. S.K. (2016). [Development of self-apraisal of junior schoolchildren suffering from early infantile autism (EIA) syndrome of early childhood autism]. *Akmeologija* [Acmeology]. № 2(58), pp. 119–122.

Klinicheskie rekomendacii «Rasstrojstva autisticheskogo spektra» (2020) [Clinical guidelines «Autism Spectrum Disorders»]. Ministry of Health of the Russian Federation. Available at: https://cr.minzdrav.gov.ru/recomend/594_1 (accessed 15.08.2022).

Levin, K. (2000). *Teorija polja v social'nyh naukah* [Field Theory in Social Science]. St. Peterburg: Rech' Publ., 365 p.

Mal'tinskaja, N.A. (2017). [The history of the development of the doctrine of autism]. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific and methodological electronic journal «Koncept»]. № S11. pp. 53–61. Available at: https://e-koncept.ru/2017/470137.htm (accessed 18.08.2022).

Malenko, A. (2020). [There is nothing difficult in supporting people with autism, we are just a hundred years behind the world]. *Agency of Social Information*. Sep. 30. Available at: https://www.asi.org.ru/2020/09/30/578967/ (accessed 20.08.2022).

Mukharyamova, L.M. and Saveleva, Zh.V. (2021) [Social environment for people with autism in Russia: expert asesment of the accessibility issue]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. Vol. 28, № 1, pp. 45–50. DOI: https://doi.org/10.33396/1728-0869-2021-1-45-50

Mukharyamova, L.M., Saveleva, Zh.V., Kuznetsova, I.B., and Garapshina, L.R. (2021). [Autism in Russia: A Contradictory Field of Diagnostics and Statistics]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 19, no. 3, pp. 437–450. DOI: https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-437-450

Nicholas, D.B., Mitchell, W., Dudley, C., Clarke, M. and Zulla, R. (2018) An Ecosystem Approach to Employment and Autism Spectrum Disorder. *Journal of autism and developmental disorders*. Vol. 48, iss. 1, pp. 264–275. DOI: https://doi.org/10.1007/s10803-017-3351-6

Ruggieri, V., Cuesta-Gómez, J.L., Martínez, M.M. and Arberas, C. (2019). Aging and Autism: Understanding, Intervention and Proposals to Improve Quality of Life. *Current pharmaceutical design*. Vol. 25, iss. 41, pp. 4454–4461. DOI: https://doi.org/10.2174/1381612825666191204165117

Salamon, L.M and Toepler, S. (2015) Government-nonprofit cooperation: Anomaly or necessity? *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 26, iss. 6, pp. 2155–2177. DOI: https://doi.org/10.1007/s11266-015-9651-6

Starshinova, A.V. and Chikova, E.V. (2021). [Acceleration programs in the ecosystem of social entrepreneurship support]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 14, no. 4, pp. 216–230. DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.13

Stavropoulos, K.K.M., Heyman, M., Salinas, G., Baker, E. and Blacher, J. (2022). Exploring telehealth during COVID for assessing autism spectrum disorder in a diverse sample. *Psychology in the Schools*. Vol. 59, iss. 7, pp. 1319–1334. DOI: https://doi.org/10.1002/pits.22672

Tarasenko, A.V. (2017). *Diversifikacija sfery social'nyh uslug v Rossii: faktory regional'nyh razlichij* [Diversification of social services in Russia: factors regional differences]. St. Peterburg: EUSP Publ., 28 p.

Thabtah, F., Abdelhamid, N. and Peebles, D.A (2019) machine learning autism classification based on logistic regression analysis. *Health Information Science And. Systems*. Vol. 7, iss. 1. Available at: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6545188/ (accessed 25.08.2022). DOI: https://doi.org/10.1007/s13755-019-0073-5

Tkachuk, E.A., Martynovich, N.N., Rychkova, L.V. and Polyakov, V.M. (2020). [Problems of diagnosing autism spectrum disorders in children]. *Tihookeanskij medicinskij zhurnal* [Pacific Medical Journal]. No. 4(82), pp. 35–43. DOI: https://doi.org/10.34215/1609-1175-2020-4-35-43

Vyjavljaemost' autizma v Rossii za pjat' let vozrosla bolee chem v 2,5 raza (2021) [The detection rate of autism in Russia has increased by more than 2.5 times in five years]. *TASS*. Apr. 2. Available at: https://tass.ru/obschestvo/11055281 (accessed 18.08.2022).

Walsh, E., Holloway, J. and Lydon, H. (2018) An Evaluation of a Social Skills Intervention for Adults with Autism Spectrum Disorder and Intellectual Disabilities preparing for Employment in Ireland: A Pilot Study. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. Vol. 48, iss. 5, pp. 1727–1741. DOI: https://doi.org/10.1007/s10803-017-3441-5

Whyatt, C.P. and Torres, E.B. (2018) Autism Research: An Objective Quantitative Review of Progress and Focus Between 1994 and 2015. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Available at: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.01526/full (accessed 25.08.2022). DOI: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01526

Wise, E.A. (2020). Aging in Autism Spectrum Disorder. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*. Vol. 28, iss. 3, pp. 339–349. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jagp.2019.12.001

Zangieva, I.K. and Lesnyh, K.A. (2020). [Intergroup Differences in Attitudes Towards People with ASD (Autism Spectrum Disorder)]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. № 5(159), pp. 559–577. DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1579

Received: 08.09.2022. Accepted: 14.10.2022

Об авторах

Старшинова Алевтина Викторовна
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры социальной работы

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8804-5681
ResearcherID: Q-1245-2015

Бородкина Ольга Ивановна
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики
социальной работы

Санкт-Петербургский государственный
университет,
191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3,
9-й подъезд;
e-mail: oiborodkina@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0936-5757
ResearcherID: M-8251-2013

Чикова Евгения Викторовна
старший преподаватель кафедры
социальной работы

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: putilova.evgenia@urfu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6021-7979
ResearcherID: AEK-8523-2022

About the authors

Alevtina V. Starshinova
Doctor of Sociology, Docent,
Professor of the Department of Social Work

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8804-5681
ResearcherID: Q-1245-2015

Olga I. Borodkina
Doctor of Sociology, Docent,
Professor of the Department of Theory
and Practice of Social Work

Saint Petersburg State University,
ent. 9, 1/3, Smolnogo st., Saint Petersburg,
191124, Russia;
e-mail: oiborodkina@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0936-5757
ResearcherID: M-8251-2013

Evgeniya V. Chikova
Senior Lecturer of the Department of Social Work

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: putilova.evgenia@urfu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6021-7979
ResearcherID: AEK-8523-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Старшинова А.В., Бородкина О.И., Чикова Е.В. Проблемы развития некоммерческого сектора социальных услуг детям с расстройствами аутистического спектра // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 631–642. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-631-642

For citation:
Starshinova A.V., Borodkina O.I., Chikova E.V. [Problems of development of the non-profit sector of social services for children with autism spectrum disorders]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 631–642 (in Russian).
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-631-642

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Редколлегия журнала
«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
выражает глубокую благодарность рецензентам 2022 года

OUR REVIEWERS

Editorial Board of «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology»
expresses deepest gratitude to 2022 reviewers

Анкин Дмитрий Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Уральского Федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Антипьев Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Балева Милена Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургского государственного университета.

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Бурко Виктор Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Волегов Владимир Сергеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Воронова Ксения Андреевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Гасумова Светлана Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и конфликтологии ПГНИУ.

Гордеева Светлана Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Дудорова Екатерина Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Желнин Антон Игоревич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Зарипова Лина Зефаровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Игнатова Екатерина Сергеевна — кандидат психологических наук, и.о. заведующего кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Кожевникова Оксана Вячеславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Удмуртского государственного университета (Ижевск).

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, и.о. декана философско-социологического факультета, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Коржова Елена Юрьевна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Корниенко Дмитрий Сергеевич – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

Краснов Алексей Витальевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Кудрявцев Владимир Товиевич — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Московского городского педагогического университета (Москва).

Кузнецов Александр Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Лоскутов Юрий Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Маркова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Митина Ольга Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва).

Мусаелян Лева Асканазович – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии ПГНИУ.

Перцев Александр Владимирович - доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Полянина Ольга Ивановна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Потанина Лейла Тахировна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии семьи и детства Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Продовикова Анастасия Геннадьевна— кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Прозументик Кирилл Витальевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Рудаков Сергей Иванович — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета (Воронеж).

Таллибулина Марина Тимергалиевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры кафедры теоретической и прикладной психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического унвиерситета.

Харламова Татьяна Михайловна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Хафизова Наталья Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Хотинец Вера Юрьевна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей психологии Удмуртского государственного университета (Ижевск).

Шарков Антон Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Шевкова Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала **«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532)** приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в категорию **К 1 Перечня рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory и EBSCO Discovery Service,** в электронные библиотеки **«IPRbooks»**, **«Университетская библиотека on-line», «КиберЛенинка», «Руконт»,** в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

С правилами оформления научных статей авторы могут ознакомиться по адресу:
https://press.psu.ru/index.php/philsoc/about/submissions#authorGuidelines

Статья должна **сопровождаться:**

- индексом УДК;
- аннотацией на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- ключевыми словами (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заго-ловком Ключевые слова/Keywords;
- информацией об авторе в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID и ResearcherID(в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте http://orcid.org/ и https://publons.com/account/login/);
- скан-копией справки об обучении в аспирантуре, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются…» или «Автором рассматривается…») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

– предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
– метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
– результаты работы;
– область применения результатов;
– выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку тек-стов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпа-дать с мнением авторов статей.

Статьи и все сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

Автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих **функции иностранного агента,** убедительно просим авторов про-

верять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-01-12-2022.pdf

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: http://philsoc.psu.ru/vestnik/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Планируется, что публикации для авторов в 2023 году, как и в 2022, будут **бесплатными**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2023 году

Сроки представления рукописей статей	**Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника**
в № 1 — до 01 февраля	31 марта
в № 2 — до 01 мая	30 июня
в № 3 — до 01 августа	6 октября
в № 4 — до 01 октября	30 ноября

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: http://philsoc.psu.ru/vestnik/89-nauka/288-arkhiv-nomerov-zhurnala

Контактная информация редколлегии:
e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the ***Perm University Herald.Philosophy. Psychology. Sociology*** **(ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532)** invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the K1 category of Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge
5.7.2 History of philosophy
5.7.7 Social and Political philosophy
5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture
5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
5.4.4. Social structure, social institutions and processes
5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases ***Ulrich's Periodicals Directory*** **and** ***EBSCO Discovery Service***, in the digital library ***IPRbooks, electronic library system «The University Library Online»***, ***open access scientific library «CyberLeninka»***, ***national digital resource «RUCONT»*** and **national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)».**

The authors can find the Guidelines for submission here:
Guidelines for English-speaking authors.pdf (psu.ru)

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID and Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submission should be sent **to the e-mail address of the Herald**: fsf-vestnik@yandex.ru. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: License_Agreement_in_English_Вестник.pdf (psu.ru)).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The Editorial Board is planning, that the publication of manuscripts will be **free** in 2023.

Submission deadlines in 2023

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 31
No 2 May 1	June 30
No 3 August 1	October 6
No 4 October 1	November 30

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: http://philsoc.psu.ru/vestnik/89-nauka/288-arkhiv-nomerov-zhurnala

Contacts
Phone: +7(342) 2396-305
E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2022
Выпуск 4

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 08.11.2022
Дата выхода в свет 14.11.2022
Формат 60Х84/8. Усл. печ. л. 16,16
Тираж 500 экз. Заказ 1655/2022

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке